

БОРИС ФРАДКИН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ**

Борис Фрадкин — ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

БОРИС ФРАДКИН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

МОЛОТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Повесть

I

Анна сняла халат, повесила его и вышла из затемненного кабинета в ярко освещенную приемную. Усталым движением она отвела спадающие на лоб пряди каштановых волос, провела рукой по глазам и долго шурилась, привыкая к резкому переходу от темноты к свету.

В приемной она постояла у окна. Отсюда, со второго этажа, очень хорошо были видны освещенные заводские корпуса. Где-то между цехами вспыхивали голубые огни электросварки, и в темноте ночи резко вырисовывались высокие кирпичные трубы.

В поликлинике наступала тишина. Только в коридоре еще изредка раздавались шаги уходивших домой сотрудников; уборщицы гремели ведрами, плескали водой.

За спиной Анны медсестра Галина Федоровна щелкала ножами рубильников, выключая рентгеноаппарат.

— Какой отвратительный день, — в раздумье произнесла Анна. — Я, наверное, никогда не привыкну к этому, Галина Федоровна. У девушки, которая была у меня предпоследней, поражены оба легкие. Ей осталось жить считанные дни. А у того парня, который на мои вопросы отвечал прибаутками...

Анна вздохнула и опять провела рукой по глазам, словно прогоняя навязчивые видения.

— И откуда только вы со своей подружкой Степановой такие жалостливые появились? — улыбнулась Галина Федоровна. — Но та совсем непонятная. Больных жалеет, как маленьких детей, а к сестрам придиричива до невозможности. Попробуй ей халат с пятнышком

подать — живьем съест. Да вы идите, Анна Александровна, я здесь одна управлюсь.

Анна вышла в коридор и направилась к терапевтическому кабинету, в котором принимала Зина Степанова. Но Зины уже не было. Медсестра передала Анне записку: «Срочно бегу к Павлу Сергеевичу. Обещал показать что-то интересное. В кино иди одна».

Анна невольно улыбнулась. Ох, уж эта Зина! В кои-то веки выбрались в кино, так и тут не выдержала. Не хватило терпения сделать лишних десять шагов и сказать, куда убегает. По всему видно, что и записку она писала уже на ходу, одной рукой расстегивая халат.

Черноглазая, суетливая и стремительная в движениях, Зина до сих пор оставалась загадкой для Анны, несмотря на то, что все пять лет учебы в институте они жили в одной комнате и ели чуть ли не из одной тарелки.

Каждая новая дисциплина превращалась для Зины в предмет особого увлечения. Едва выслушав вводную лекцию, она набирала кучу учебников и, опережая объяснения профессоров, проглатывала одну книгу за другой. Нетерпеливая, страстная, жадная до всего нового, загораясь сама, Зина зажигала и окружающих. Своим энтузиазмом заражала она и Анну, и успехи обеих девушек в учебе были блестящи.

С мягко очерченным овалом лица, с большими серыми глазами, Анна была прямой противоположностью Зине. Она не любила спешки и даже говорила слегка растягивая слова. Увлекалась она не часто и восторг свой выражала очень сдержанно.

Несмотря на противоположность их характеров, дружба молодых девушек через все годы учебы прошла без размолвок. Окончив институт, они захотели работать вместе, на одном заводе, и поселились в одной комнате в рабочем поселке.

Сейчас, прочтя записку, Анна стояла в раздумьи. Одной в кино идти не хотелось. Не хотелось и сидеть дома в одиночестве. Она решила забежать на квартиру за прочитанной накануне книгой и обменять ее в библиотеке. По дороге можно было зайти в столовую, а потом к кому-нибудь из знакомых.

Анна вышла из поликлиники. Морозный воздух был неподвижен. Она жадно вдохнула его. После рентгенокабинета, окна которого были наглухо закрыты светонепроницаемыми шторами, дышалось особенно легко и

свободно. Мороз чуть-чуть обжигал ноздри и пощипывал щеки.

В безоблачном небе мерцали холодные звезды. С завода доносился гул испытательной станции. Гирлянды электрических фонарей заливали светом улицы поселка, которые, несмотря на мороз, были полны народа. На ветвях деревьев искрился иней. Особеннолюдно было на огромной площади перед Дворцом культуры.

Анна вошла в вестибюль. Круглые колонны поддерживали купол лепного потолка, с которого спускалась многоламповая люстра. Широкие ковровые дорожки на лестницах заглушали шаги.

Из танцевального зала доносились звуки духового оркестра.

В библиотеке в этот час никого не было. Стоя за широким барьером, на котором были разложены книги для выбора, библиотечарь, худенькая и сосредоточенная девушка, приняла у Анны книгу. В это время в библиотеку вошел еще один посетитель — молодой человек в сером костюме.

— Разыщите мне, пожалуйста, «Рентгеноустановки» Мошковского, — попросил он.

Девушка сделала шаг к книжным полкам, но, спохватившись, вернулась к барьеру.

— Мошковский на руках, — сказала она. — Минут пятнадцать тому назад выдала.

— Сегодня для меня удивительно неудачный день, — повернувшись к Анне, проговорил молодой человек. — Выкроил время, чтобы сходить на «Сказание о земле Сибирской», так представьте себе: проданы все билеты! Даже касса закрыта. Мошковский все время красовался на витрине и никому не был нужен, а теперь, когда он потребовался мне...

Мужчина не договорил и принялся просматривать книги, лежавшие на барьере. Анна сочувственно улыбнулась. Она вспомнила, что в ее сумочке лежат неиспользованные билеты в кино.

— Вы на заводе работаете? — поинтересовалась Анна.

— В проектном.

Анна кивнула головой. У ее собеседника было мужественное открытое лицо с прямым носом и ямкой на подбородке. Хотя он говорил довольно сердитым голосом, глаза его смотрели приветливо. Анна приходилась ему

по плечо, а она не была маленькой. В движениях его чувствовалась большая физическая сила.

— Нет, мне все-таки нужен Мошковский, — нетерпеливо отодвигая от себя все лежавшие перед ним книги, сказал молодой человек.

Библиотекаряша пожала плечами.

— Непременно? — спросила Анна. — А зачем?

— Я хочу проверить наших лаборантов. Детали проходят рентген, а при испытании разлетаются вдребезги... Я руковожу группой, — пояснил он. — До сих пор нам не удается найти причину разрушения... Простите, а вы...

— Я рентгенолог.

— О! Да это чудесно! Разрешите мне познакомиться с вами.

— Боюсь, что я не смогу быть вам полезной. Я рентгенолог поликлиники. О просвечивании деталей машин я не имею ни малейшего представления.

— А-а, — разочарованно протянул он, — это дело другое.

— Но если вы испытываете действительную нужду в «Рентгеноустановках» Мошковского... У меня есть собственная книга.

— И вы можете дать ее мне?

— Да. При условии...

— За сохранность головы отвечаю!

Мужчина нерешительно потоптался на месте. Видимо, он был очень нетерпелив. Книги, лежавшие на барьере, его явно уже не интересовали. Анна с трудом сдержала улыбку.

— Одну минуту, — сказала она. — Я живу совсем рядом. Мне нужно взять что-нибудь почитать.

— Да, да, пожалуйста.

Когда Анна выбрала книгу, они вместе спустились в вестибюль и вышли на улицу.

— Вот мой дом, — сказала она, останавливаясь у подъезда углового шестиэтажного корпуса.

— Я подожду вас, — ответил ее спутник.

Анна вынесла ему книгу. При тусклом свете лампочки в подъезде, он быстро перелистал ее.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Именно то, что мне и нужно. Я вам очень благодарен... простите, я еще не знаю вашего имени...

— Анна Александровна.

— На какой срок я могу забрать у вас эту книгу, Анна Александровна?

— На такой, какой вас устраивает.

Теперь следовало расстаться, но молодой человек медлил, вертел в руках книгу и поглядывал на Анну.

Анне не хотелось возвращаться в комнату. Морозный воздух бодрил; она так редко бывала на улице! Но она сочла неудобным дольше оставаться у подъезда.

— Мне пора, — сказала Анна.

— Спокойной ночи, Анна Александровна.

Анна скрылась в подъезде, а спутник посмотрел ей вслед, поднес к глазам руку с часами и, сказав себе: «Ну, брат, совсем загулял», торопливо направился к трамвайной остановке. Не пройдя, однако, и десяти шагов, он остановился.

— Ах, чорт! — сказал он себе. — Ни фамилии, ни номера квартиры не спросил.

II

Телефон звонил долго и настойчиво, но Николай Косторов спал крепко; он слышал звонки сквозь сон, но никак не мог разомкнуть глаз. Наконец, он очнулся, разом сел на кровати и привычным движением схватил телефонную трубку.

— Косторов слушает!

— Николай Васильевич, — сказал знакомый ему низкий голос, — приезжай-ка быстренько на завод.

— Еду, Дмитрий Ильич. Заклинило?

— Да, двигатель сошел.

Николай соскочил с кровати и, опрокидывая стулья, добрался до выключателя на стене. Вспыхнувшая лампа осветила небольшую комнату, похожую больше на чертежный кабинет, чем на жилое помещение.

Посредине стояла универсальная чертежная доска. Письменный стол был завален свернутыми и развернутыми листами ватмана. Тут же лежали листы миллиметровки с замысловатыми кривыми, карандаши, справочники, счетная линейка.

Николай взглянул на часы. Шел пятый час утра. Он лег в два. Сняв трубку, он вызвал заводской гараж.

— Пришлите за мной машину, — попросил он, — и как можно быстрее.

Спускаясь по лестнице и на ходу застегивая кожаный реглан, Николай хмурился. Он догадывался, какая неприятность ждет его на заводе.

Несколько месяцев назад завод начал выпуск дизелей для морских судов-теплоходов. Их дублировали по образцам Сормовского завода. Добавлять ничего не требовалось — так, по крайней мере, гласило задание министерства. Дизели пошли хорошо. Опыт отделы и цеха имели богатый.

Но вот на одном из общезаводских совещаний стахановцев испытатели обратились к директору с вопросом, почему проектное бюро не борется за повышение мощности.

— Пусть представители проектного бюро сами ответят нам на этот вопрос, — сказал директор.

Отвечать пришлось Николаю.

— Что ж, — признался он, — это наша вина перед заводом. Мы не считали себя вправе менять конструкцию двигателя. Но сегодня я могу заверить вас, товарищи, от имени всего коллектива бюро, что вслед за освоением двигателя мы начнем борьбу за повышение его мощности.

Борьба за мощность...

В чертежах все пошло гладко. Но первый же опытный двигатель с повышенной мощностью разлетелся на восьмом часу работы. После длительных исследований установили, что разрушение началось с втулки шатуна.

То же самое повторилось и со вторым двигателем, и с третьим, и с четвертым. Группой втулок руководил ведущий конструктор Косторов. Подбор материала втулки ни к чему не приводил. Не давала результатов и повышенная точность обработки, предельно возможная чистота ее расточенной поверхности.

Теоретический выигрыш в двести лошадиных сил до сих пор оставался только на бумаге, а обещание, данное Николаем на общезаводском совещании, оказывалось невыполненным...

Когда Николай появился в разборочном цехе, там уже собрались главный конструктор, главный инженер, начальник испытательной станции, сменные мастера. Главный конструктор, ростом почти на голову выше всех стоявших рядом с ним, молча выслушивал объяснения начальника испытательной станции. Он кивнул Николаю и протянул ему руку.

Огромный дизель с помощью мостового крана был подан в разборочное отделение. Лакированные и промасленные поверхности его блестели при свете ярких электрических ламп. Двигатель установили на специальный фундамент. Слесари подкатали к нему металлические стремянки.

Главный конструктор не спеша расстегнул и снял пальто, отдал его стоявшему рядом мастеру и, грузно переставляя ноги, взобрался на площадку стремянки. Николай следом за ним прошел вдоль еще не остывшего двигателя.

— Снять крышку, отсоединить нагнетатель, освободить цилиндры, — распорядился главный конструктор.

Он приказывал коротко, отрывисто. Слесари разом встали на свои места. Ни суетни, ни разговоров не было. Главного конструктора и уважали и побаивались. Он любил, чтобы его понимали с полуслова.

Постепенно обнажились внутренние полости двигателя. Когда стал виден шатун, все оживилось. На стремянки полезли главный инженер, начальник цеха и мастера.

Стальное массивное тело шатуна было изогнуто. От перегрева его полированная поверхность стала темной с грязными оранжевыми потеками. Заклиненный на коленчатом валу, шатун не проворачивался, будто приваренный к нему намертво.

Слесари притащили пудовую кувалду и били ею по очереди. Лица их покрывались потом; отходя в сторону, они тяжело дышали. Но шатун не снимался.

— Ну и ну, — вздохнул главный инженер, — дела-а-а...

— Дай-ка сюда, — потребовал Николай кувалду у слесаря, который, ударив несколько раз, стоял отдыхая.

Он подбросил кувалду так легко и размашисто, что главный инженер и начальник цеха отпрянули в сторону. Главный конструктор улыбнулся краешком губ, но не двинулся с места.

Описав стремительную дугу, кувалда с коротким звоном опустилась на шатун. Шатун сошел с шейки коленчатого вала, будто и не был заклинен. Слесари, молодые парни, смотрели с восхищением на широкоплечего конструктора. У Николая даже дыхание не изменилось. Отбросив кувалду в сторону, он вместе с главным конструктором занялся осмотром разобранного узла.

От втулки ничего не осталось. Наполовину расплавленная, размельченная, она превратила цилиндрическую

шейку коленчатого вала в уродливый овал. Раскрошенная бронза плотным клином легла под шатун.

Вытирая перепачканные маслом руки, главный конструктор взглянул на Николая.

— Что скажешь? — спросил он.

— Я пришел к такому выводу, Дмитрий Ильич: нам следует искать какую-то иную конструктивную форму втулки.

Главный конструктор одобрительно наклонил голову. Он не любил многословия.

— Есть наметки?

— Нет, Дмитрий Ильич, наметок нет.

— Ну, тогда вот что... — главный конструктор протянул тряпку Николаю, и тот, взяв ее, тоже вытер руки.

— Начни-ка с другого конца!

— С какого же?

— С коленчатого вала.

— Но в коленчатом валу остается еще большой запас прочности.

— Это не играет роли. Свяжись с Чулошниковым. Проведите совместные испытания.

— А, пожалуй, вы правы, — подхватил главный инженер. — До сих пор мы не занимались исследованием специфичности работы вала. Тут могут быть всякого рода неожиданности.

— Все может быть, все может быть.

Заложив руки за спину, главный конструктор направился к выходу из цеха. За ним вышел и Николай. На улице им в глаза ударил яркий дневной свет. В протертых стеклянных крышах цехов отражались лучи недавно взошедшего солнца. Клубы сизого дыма поднимались, уходя в бледноголубое небо.

В кузнечном цехе тяжело вздыхали многотонные прессы, свистел паровоз, над теплоцентралью шипели прозрачные струйки пара.

— Ты поезжай домой, — обращаясь к Николаю, сказал главный конструктор. — Отдохни. В этом деле нужна ясная голова. У заводоуправления стоит моя машина.

— Хорошо, Дмитрий Ильич.

Только усевшись на мягкое сиденье автомобиля, Николай почувствовал усталость. Его потянуло ко сну. Закрыв глаза, он вдруг вспомнил девичье лицо с ласковыми большими глазами...

— Аннушка, — мысленно повторил он имя девушки, —

Аня... Какая славная!.. Миша, — обратился он к шоферу, — дай круг по городу.

— И?

— И обратно на завод.

III

В течение трех следующих недель ведущий конструктор Косторов и ведущий конструктор Чулошников проводили совместное лабораторное испытание вала двигателя. Вал на специальной установке прокручивался с числом оборотов, которые он развивал в двигателе. Чувствительные приборы засекали все происходившие в нем процессы: вибрацию, давление на опоры, крутящие моменты. Но подметить какие-либо специфические факторы, влиявшие на разрушение втулки, не удавалось. Однако даже при лабораторных испытаниях втулка разрушалась первой.

— Чего-то мы все-таки не учитываем, — сказал Николай после того, как они с Чулошниковым закончили испытания.

— Чего же? Как ты думаешь?

Ответить на этот вопрос Николай, разумеется, не мог.

— А я вот отвечу, пожалуй, — сказал Чулошников, усмехаясь. — Выше головы решили прыгнуть, вот что. Разве на других заводах не хотят делать более мощных двигателей? Или там конструкторы хуже, чем у нас? Нет, ты сам посуди: три завода выпускают дизели, и мощность у всех равная.

— Веселый довод, ничего не скажешь! Может быть, ты его и при Дмитрие Ильиче повторишь?

— Э, нет! — рассмеялся Чулошников. — При нем я этого не скажу. Я же, собственно, к чему речь веду? До сих пор мы сами машины конструировали, можно сказать, творили. А теперь только чужие чертежи переиздаем, повторяем. Не обидно ли?

— Мне так, например, не обидно. И так, и этак — все для одного дела идет. И не мне это тебе доказывать. Ты человек взрослый.

— Не терплю повторений.

Николай пожал плечами.

Вскоре о затруднении с шатунной втулкой знал уже весь завод. Она превратилась в предмет горячих обсуждений не только в проектно-монтажном отделе. О ней говорили в

цах, на партийных собраниях, на оперативках у директора. В многотиражке появились фельетоны и даже весьма остроумные стихи, читая которые Косторов менялся в лице не от негодования, нет, а от чувства собственного бессилия.

Конечно, часть неудач можно было бы отнести за счет цехов, технологических служб, отдела технического контроля. И Косторов придирчиво наблюдал за каждой операцией изготовления втулки. Изъяны, безусловно, имелись, но устранение их, даже всех вместе взятых, не решало основной проблемы.

Николай все больше приходил к убеждению, что главная причина неудач кроется в самой конструкции втулки. Когда он впервые высказал свое мнение на оперативке у директора, собравшиеся встретили его слова смехом.

— Может быть, ее из золота сделать? — спросил кто-то.

— Ну, хорошо, пусть все дело в конструкции, — терпеливым жестом останавливая реплику, сказал директор, — но разве уж так трудно создать нужную конструкцию? Все-таки это не проблема новой формы двигателя в целом.

— Втулка будет, — только и нашелся сказать Косторов.

— Пусть бухгалтерия запишет двести сил в долг проектному бюро, — предложил тот же голос, который советовал сделать втулку из золота.

До сих пор в конструкторской работе Косторева все шло гладко. Любое задание он и его группа выполняли более чем исправно. Косторов не терпел формализма. На каждое проектируемое приспособление или деталь двигателя он требовал несколько вариантов и из них выбирал наилучшие. Главный конструктор считал его одним из наиболее способных руководителей групп.

И вдруг эта шатунная втулка...

Она задела самолюбие Косторева, самолюбие конструктора, не сумевшего решить поставленную перед ним задачу. Он испытывал стыд честного должника, который и рад бы расплатиться, да нечем. На него, кроме того, ложилась ответственность руководителя за группу, за коллектив, не выполнивший задания.

Он стал отдавать шатунной втулке все свое свободное время и все свои помыслы. Возвратившись домой, садился за чертежную доску, вычерчивая бесконечные

варианты, производя расчеты и пересчеты, читая и перечитывая труды по металлографии, выдумывая одну систему смазки за другой.

Обычно сдержанный, он вдруг принимался рвать на мелкие кусочки кропотливо выполненные чертежи, вскочив на ноги, бегал по комнате, ругался вслух.

— Нет, нет, довольно! — почти кричал он. — Спать, отдыхать. Утро вечера мудренее.

Но сон не приходил.

— Спи! — приказывал он себе, а перед глазами продолжали возникать все новые и новые варианты втулки.

С постели Николай поднимался очень рано, еще задолго до первого гудка. Обнаженный по пояс, с мохнатым полотенцем через плечо, он выходил в безлюдный коридор. Умывался прямо из-под крана ледяной водой, фыркая от удовольствия и рассыпая вокруг брызги. Потом растирал тело, пока оно не становилось пунцовым.

Единственным обитателем общежития холостяков ИТР, который просыпался вместе с Николаем, был огромный кот Ивашка, черный с белым пятнышком на лбу, разжиревший на общественных харчах.

Ивашка вылезал из-за кипятильника, не успевшего остыть за ночь, и, выгибая спину, терся о ноги Николая.

— Ну и житье тебе, Ивашка, — говорил ему Николай. — Никакие втулки выдумывать не нужно. — Нагнувшись и шелкнув кота по носу, отчего тот с громким фырканием отскакивал прочь, добавлял: — И тебе ни одно порядочное животное не позавидует, не то что человек. Ты отвратителен в своей лени, Ивашка.

Каждое утро, собираясь на работу, Николай вспоминал девушку, давшую ему «Рентгеноаппараты» Мошковского, но все не мог выбрать времени и отнести ей книгу. Он так основательно поспорил с лаборантами и заставил их уточнить технологию просвечивания втулок.

По дороге на завод Николай обычно проходил мимо знакомого углового корпуса, хотя это значительно удлиняло его путь. Замедляя шаги и тайком поглядывая на окна, он надеялся случайно встретить или увидеть Анну.

Дважды он звонил в поликлинику, но оба раза ему ответили, что позвать к телефону врача Анну Александровну Лаврову нельзя, пока она не закончит прием. А к этому времени Николай, как правило, уходил на испытательную станцию, откуда звонить уже не было никакой возможности.

Теперь, по крайней мере, он знал ее фамилию. Узнал он и номер ее квартиры. Встретились они, однако, значительно раньше, чем Николай привел в исполнение свое намерение отнести ей книгу.

Вечером, в столовой, за одним из столиков, Николай узнал ее лицо, обрамленное тугим валиком каштановых волос.

За столиком около девушки оставалось только одно свободное место. Николай не особенно любезно отстранил пожилого мужчину, уже собиравшегося занять это место.

— Здравствуйте, — сказал Николай, садясь за стол.

— Здравствуйте, — весело улыбаясь, ответила Анна.

— Как живете, Анна Александровна?

— Ничего, спасибо. А вы?

— И я ничего. Все собираюсь возвратить вам книгу, да только совсем недавно узнал номер вашей квартиры. Вы на меня не сердитесь?

— Нет! Нисколько!

Пожинав, они вместе вышли из столовой. Николаю не хотелось расставаться с Анной, и он решил пожертвовать временем, чтобы пройти с нею один-два квартала.

Но он прошел четыре, пять, даже шесть кварталов... Около ее дома Николай сказал:

— Если вы не очень спешите, Анна Александровна, может быть, мы еще погуляем?

Анна согласилась. Они свернули на широкий центральный проспект.

Наступали синие январские сумерки, но уличные фонари еще не были зажжены. Николай и Анна бродили среди вечернего полумрака по шумным и людным улицам поселка.

В этой встрече было для них обоих уже что-то значительное. И откуда только находились темы для разговора? Они могли проговорить, пожалуй, всю ночь. Каждый пустяк приобретал для них особый интерес.

Близость девушки волновала Николая. Волновали звук ее голоса, ее улыбка. Мир от присутствия Анны как бы окрашивался в радужные сверкающие тона. Рядом с ней Николай чувствовал себя преображенным, восторженным, способным чорт знает на что, полным веры в себя, в свои силы...

Расставаться не хотелось, и Николай, вероятно, провел бы с Анной весь этот вечер, если бы не вспомнил, что на заводе его ждет работа, ждут товарищи.

По дороге на завод Николай улыбался своим мыслям. Из рупоров доносилась музыка, и сегодня она казалась особенно приятной, словно специально созданной для его настроения.

IV

Упрямое желание найти причину, вызывающую разрушение втулки шатуна, не оставляло Косторева, хотя в сущности вопрос был уже решен: дизели пошли в серию с нормальной стандартной мощностью. Таким образом, шатунная втулка исключалась из повседневной текущей работы группы Косторева. Группа выполняла новые задания и решала иные конструктивные задачи.

На заводе о втулке стали постепенно забывать, но конструкторы группы втулок, юноши и девушки, собирались иногда после работы за столом Косторева. Они усаживались тесным кружком и в шумных спорах обсуждали один вариант за другим. Каждый старался предложить что-нибудь свое, оригинальное.

Если случалось, что предложенный кем-нибудь вариант подавал надежды, Косторов откладывал его в сторону и, оставшись один в огромной опустевшей комнате, долго сидел над ним, размышляя, выкуривая папиросу за папиросой. Сизые облачка дыма уплывали вверх, туманом обволакивая лампочку под стеклянным абажуром.

Но нет, все было не то....

Чулошников, знавший о настоячивых поисках Косторева, назвал его как-то шутя «втулочным энтузиастом». Прозвище пришлось всем по вкусу и прочно закрепилось за ним.

Неудача с шатунной втулкой сделала Косторева раздражительным. Проблема увеличения мощности не давала ему покоя.

Даже в присутствии Анны он не мог удержаться, чтобы не поговорить о втулке.

Анна долго отказывалась от приглашения Николая заглянуть к нему в комнату. На вопрос: «Почему?» отвечала уклончиво, смущенно улыбалась и говорила, что «как-нибудь потом, в другой раз зайдет, а сегодня, пожалуй, не стоит».

Но мороз гнал с улицы, а к себе Анна тоже не приглашала Николая, и оттого встречи бывали очень короткими.

Только в начале февраля, когда морозы стали слабее, но зато подул порывистый пронизывающий ветер, Анна позволила уговорить себя зайти ненадолго в общежитие ИТР.

В комнате Николая она медленно расстегнула пальто, а сняв его, нерешительно стояла у двери, будто для того, чтобы поправить волосы.

Николай пригласил ее сесть, сам сел напротив.

И тут вдруг оказалось, что они не знают о чем говорить. Конечно, Николаю очень хотелось говорить о своих чувствах; однако он понимал, что это сейчас неуместно.

Он принялся расспрашивать Анну о ее работе в поликлинике. Потом разговор зашел о минувших годах студенчества. Анна оживилась, на щеках ее появились ямки. Смеялась она едва приоткрывая губы; смех ее был тихим, задумчивым.

Вскоре они знали друг о друге все, начиная со времен далекого детства, а когда переговорили и о работе, и обо всех делах, и разговор стал клониться к выяснению их нынешних взаимоотношений, Анна заторопилась домой.

Николай сделал попытку уговорить ее посидеть еще с полчаса, но, кротко улыбаясь, на вид такая мягкая и уступчивая, Анна, однако, решительно направилась к вешалке. Николай едва успел завладеть ее пальто, чтобы помочь ей одеться.

С тех пор Анна часто бывала у Николая и чувствовала себя в его комнате все свободнее. Он же старался вести себя так, чтобы ничем не задеть ее, не нарушить ее доверия к нему. И в этом он, быть может, даже переусердствовал, потому что разговаривал с ней о вещах скучных и обоим неинтересных.

Только провожая Анну, у подъезда ее дома, Николай задерживал в своих руках ее руки и заглядывал в ее добрые серые глаза.

— Анна Александровна, — сказал он как-то, набравшись храбрости, — Аня... Аннушка. Мне очень не хочется вас отпускать.

— Я никуда не уезжаю, — рассмеялась Анна.

— Да, но...

— Что «но»?

— Может быть, мы еще немного погуляем?..

— Но я так долго у вас просидела! Меня Зина, вероятно, совсем потеряла!

Он обнял ее за талию. Анна испуганно оглянулась, но не отстранилась. Час был поздний, и улицы поселка оставались безлюдными.

— Мне пора, — сказала Анна, — пустите, Николай.

— Аннушка... любимая...

Он поцеловал ее бережно, будто боясь обидеть, чуть коснувшись ее губ.

В воздухе уже чувствовалось отдаленное дыхание весны. Шумели телеграфные провода... В ярком свете электрических фонарей переливалась тонкая серебряная пыль. Она сыпалась на плечи Николая и Анны.

Они долго стояли, будто прислушиваясь к чему-то... Прежде чем отпустить Анну, Николай еще раз поцеловал ее и скорее угадал, чем почувствовал, ответное движение ее губ.

Поднявшись по лестнице, Анна перегнулась через перила и помахала ему рукой. Николай слушал, как затихают ее шаги. Где-то наверху, на третьем или на четвертом этаже, хлопнула дверь, и Николай остался один.

Ему было не до сна. Счастливый и возбужденный, он провел остаток ночи за чертежной доской. Карандаш в его руках совершал чудеса: линии ложились точно, ровно и быстро. Мысли были удивительно ясными.

В шесть утра он вымылся под краном, вытащил из-под кровати двухпудовую гирию и вдруг почувствовал непривычную слабость. Он вынужден был сесть на стул; голова слегка кружилась.

— Заработался, — усмехнулся Николай и толкнул гирию обратно под кровать.

...Анна, прикрыв за собой дверь, разделась, не зажигая света, и присела на кровать к спящей Зине.

— Зинушка, — шепнула она, — проснись на минутку. Я тебе скажу что-то. Слышишь, Зина?

— Не слышу, — не открывая глаз, отозвалась Зина, — я сплю. А что, собственно, случилось?

— Николай сегодня... поцеловал меня...

— Поздравляю. Можно спать?

Анна, прижавшись к согретой сном подруге, широко открытыми глазами смотрела в темноту.

— Ах, Анка, Анка, — неожиданно вздохнула Зина, — столько лет прожили вместе... Не жалко тебе меня оставлять одну? Расскажи хоть, кто он такой.

Слабость и легкое недомогание появлялись внезапно, то по утрам, то к концу дня. А однажды, сидя за чертежной доской и разогнувшись, Николай почувствовал тупую боль в груди. Он постоял, ожидая, пока боль прекратится, приписывая ее тому, что неловко повернулся. Боль, однако, осталась где-то в самой глубине груди. Весь день, бегая по цехам, Николай ощущал ее. Чувство давления внутри не проходило. В конце концов, Николай отмахнулся от этого ощущения, решив, что оно рано или поздно пройдет само собой.

Николаю не пришлось серьезно болеть; болел он только гриппом, который и за болезнь-то не считал, и переносил его обычно на ногах, не оставляя работы. Ему следовало бы теперь посоветоваться с Анной, но в его глазах все это было явлением случайным и не заслуживающим серьезного внимания...

В воскресный день Косторев вместе с другими конструкторами принял участие в коллективной лыжной вылазке. И тут он убедился, что за истекшую неделю в его груди произошло что-то неприятное. Он не мог дышать, как прежде, легко и свободно, и ему пришлось отстать от товарищей, а с полпути вернуться домой.

Пришедшая к нему вечером Анна нашла его в удрученном состоянии, с потемневшим лицом.

— Случилось что-нибудь? — спросила Анна.

— Да нет, пустяки, — ответил Николай.

— Но ты чем-то взволнован?

Он с трудом удержался от резкого ответа. Даже в присутствии Анны он почувствовал беспричинное раздражение.

Анна взяла его за руку; она говорила ровным спокойным тоном. Глядя в ее глаза, Николай тоже начал успокаиваться. Ей он, пожалуй, мог рассказать о своих неприятностях. К тому же Анна оказалась страшно упрямой. Она вытягивала из него слово за словом, пока не узнала и о слабости, и о боли в груди, и об одышке.

Да, да, у него одышка! Это он заметил, поднимаясь по лестнице общежития. Чорт знает что такое! Болеть — занятие не для него. На заводе слишком много работы, там сейчас такая горячка. И потом... шатунная втулка.

Он должен создать ее, он просто не может отказаться от решения этой назойливо преследующей его проблемы! Рано или поздно он добьется своего.

Николай говорил горячася, ударяя кулаком по воздуху.

Анна заставила его сесть, села рядом и обняла его за плечи.

— Ты переутомился, — сказала она, — тебе следует отдохнуть.

— Я — переутомился?

Лицо Николая дрогнуло в улыбке.

— Да у меня не работа, а отдых. Ты бы посмотрела, как мы во время войны сталь варили. Вот тогда я действительно уставал.

Он обнял ее. Раздражение стихало, присутствие Анны разгоняло все мрачные мысли.

— Кроме того, — добавила Анна, — тебе не повредит заглянуть к нам в поликлинику. Ничто не бывает без причины, а тем более одышка и боли в груди.

— Э, нет! — засмеялся Николай. — По врачам ходить я не мастер.

— Ты ко мне приходи, Коля.

— К тебе?

— Ну, да. Я проверю тебя на рентгене. Придешь?

— Нет.

— Но почему? Разве это уж так трудно?

— Зачем отнимать время и у тебя, и у себя?

Ее пальцы принялись путать волосы на его голове; она ласково, но упрямо настаивала на своем.

— Ты любишь меня?

Вместо ответа он притянул ее к себе.

— Поэтому-то я и прошу тебя прийти!

— Ну, хорошо, — сдался Николай, — приду. Милая и хорошая моя Аннушка! Ты очень заботлива, но, кажется, упряма... Когда мы с тобой больше не будем расставаться?

— Мне хотелось бы, чтобы ты получил комнату в заводском поселке.

Увы, Николай никак не мог выбрать время, чтобы сбежать к заместителю директора по жилищным вопросам. Получалось как-то так, что все находились дела более важные и более срочные. Аннушка не обижалась и не ждала оправданий.

VI

Прошло еще немало дней, прежде чем Николай выполнил свое обещание прийти в поликлинику. Ему все не хватало времени, у него постоянно были дела, требующие немедленного разрешения.

Но уже и на заводе стали замечать, что с Косторовым происходит неладное.

Главный конструктор, приняв от него расчеты и чертежи, спросил неожиданно:

— Неважно себя чувствуешь?

— Почему вы так решили, Дмитрий Ильич? — удивился Николай.

— Вид у тебя... — главный конструктор помолчал, подбирая слово — ...пергаментный. В отпуск когда собираешься?

— Пока не собираюсь.

— Напрасно.

— Так я же здоров!

— У врача был?

— Нет.

— Сходи. Заболеешь — подведешь. Долг-то не забыл?

— Не забыл, — Николай сдвинул брови и сжал губы, — помню.

— Долг платежом красен. Двигатель пошел в серию, а мы так ничего своего и не дали. М-да... Так к врачу сходи. Не медля.

Чулошников при встречах с Николаем покачивал головой. На его расспросы Николай раздраженно отмахивался.

В разговорах с конструкторами он становился все более несдержанным, вспыльчивым, особенно тогда, когда его не понимали с первого слова.

— Уж если идти к врачу, — думал он, — так идти к невропатологу, а на рентгене мне делать нечего.

Однако Николай уже начинал понимать, что дело далеко не в одних нервах. Одышка становилась все сильнее, а боль в груди бывала иногда настолько резкой, что Николай вдруг замирал неподвижно, стискивал зубы и, задерживая дыхание, ожидал, пока боль разомкнет свои страшные клешни.

Сильная натура Николая позволяла ему скрывать свои физические страдания. Недуг вызывал у него приливы гнева на самого себя. Прежде никакие болезни к нему не

приставали. Он теперь считал, что болезнь у него пустяковая и пройдет рано или поздно. Оттого, что она не проходила, Николай терял свою обычную уравновешенность, злился неизвестно на кого и на что.

К внезапной слабости, к болям в груди, к усиливающейся одышке начал, между тем, примешиваться лихорадочный озноб. Голова пылала. Иногда он с трудом дотягивал до конца смены.

Болезнь начинала мешать работе. Это совсем никуда не годилось. Недуг отвлекал на себя значительную часть усилий, сосредоточиваться становилось все труднее...

С завода Николай позвонил Анне и попросил разрешения заглянуть к ней в поликлинику после работы.

...За шесть часов мимо Анны успевала пройти многочисленная галерея больных.

С первых же дней прихода в поликлинику Анна полюбила свою профессию рентгенолога. Спокойный и рассудительный характер, острый глаз и глубокая интуиция позволили Анне за короткое время добиться таких успехов, для достижения которых другому потребовались бы годы.

В ней была подкупающая простота. С больными она разговаривала мягким и спокойным тоном. Ее искренняя внимательность располагала больных к откровенности.

Анна не скупилась на вопросы. Прежде чем выключить свет и поставить больного перед аппаратом, она узнавала о нем все, что полагалось знать врачу-рентгенологу. Анна хорошо понимала, какое решающее значение имеет ее слово для установления правильного диагноза. К ней приходили с направлениями терапевта, туберкулезника, хирурга, невропатолога...

— Старайтесь попасть к Лавровой, — советовали своим знакомым те, кто уже побывал в кабинете у Анны. — Эта увидит все! И не ошибется, будьте спокойны!

И вот свет гас, Анна опускала экран и принималась за изучение пораженного органа. Это было своего рода искусство. Непосвященный человек не увидел бы здесь ничего, неопытный врач увидел бы слишком мало. Анна видела иногда так много, что теряла душевное равновесие и, уходя с работы, нередко думала о больном.

размышляя о последствиях, к которым может привести болезнь.

...Поставив Николая перед аппаратом, Анна невольно залюбовалась смутно различимым в темноте контуром его широкой грудной клетки. Трудно было представить, чтобы в таком сильном теле таился недуг. Анна даже прониклась убеждением, что не увидит никаких изменений, характеризующих заболевание.

Феерическим видением возникли контуры легких, упругими толчками пульсировало сердце.

Ожидания Анны не оправдались.

В верхней правой доле легкого, ближе к его корню, увидела она овальную, ясно очерченную тень.

За недолгую практику Анне не приходилось обнаруживать у своих пациентов подобного затемнения. Конечно, прежде всего это могло быть поражение туберкулезного характера. Но могло быть и нечто другое. О «другом» она знала только по институту да по своей специализации в клинике. Заканчивая чтение курса рентгенологического исследования, профессор Ершов, ввиду отсутствия больных, продемонстрировал своим слушателям снимки легких, пораженных раковой опухолью. И Анна отлично запомнила один из них — ясно очерченную почти овальную тень. Загадочная болезнь взволновала молодого и впечатлительного врача. Медицина так мало знала о природе рака и совсем не знала эффективных методов борьбы с ним.

Естественно, что овальная тень в легких Николая заставила Анну насторожиться. Перед ней стоял не просто больной, но любимый ею человек, с которым она готовилась разделить жизнь. Он был ей дорог. Тревога заставила ее крепче стиснуть пальцы, державшие экран.

— Дыши, пожалуйста, — попросила она. — Сильнее... Теперь повернись... Нет, нет, не так сильно... Достаточно... Кашляни.

— Но у меня нет кашля, — пошутил Николай.

Овальная тень и при дыхании, и при кашле осталась неподвижной. При туберкулезе она обычно следовала за изменением поверхности легкого.

Тревога становилась все сильнее, хотя Анна отлично понимала, что ни один рентгенолог не решится с первого просвечивания утверждать наличие рака легких. Для этого требовалась длительная процедура анализов, рентгеноснимков, наблюдений за состоянием больного. Можно

было легко ошибиться. Овальная тень могла, все-таки, оказаться или туберкулезом, или абсцессом, или даже крайне редким заболеванием — актиномикозом легких.

Впервые Анна растерялась. Ее мысли разлетелись, как стая испуганных птиц, и она никак не могла сообразить, что ей следует делать дальше.

Однако она должна была сдерживать свое волнение, прятать тревогу, чтобы не возбудить подозрений у Николая.

— Одевайся, пожалуйста, — сказала Анна и, не включая света, прошла к столику, освещенному красным фонарем.

— Что же ты у меня увидела?

— Пока ничего серьезного, — как можно спокойнее ответила Анна. — Сейчас ты пройдешь к Зине... к терапевту, — поправилась она.

— Зачем же к терапевту, раз нет ничего серьезного?

— Это на экране, а так... — Анна не находила слов для ответа, — терапевт тебя прослушает, возьмет под наблюдение. Галина Федоровна, — сказала она сестре, — проводите больного в терапевтический кабинет.

— Под конвоем? — засмеялся Николай.

Анна не ответила. Присев к столику, она машинально заполнила историю болезни. Потом, сдвинув брови, долго смотрела в пространство, в темную глубину комнаты. И казалось ей, что овальная тень разрастается в огромную зловещую тучу, закрывая собой радужные надежды на будущее.

VII

Терапевт Степанова, молоденькая черноглазая девушка, попросила Косторева раздеться. Увидев его обнаженное до пояса тело, она произнесла «Ого, сложенщице!» и положила перед собой бланк истории болезни.

— На что жалуетесь, товарищ Косторев?

Николай с любопытством посмотрел на врача. Анна восторженно отзывалась о своей способной подруге, много рассказывала о ней. Тем не менее он не ожидал увидеть такую юную и такую подвижную девушку. Она походила на мальчика-подростка.

— Слабость, — ответил Николай, — одышка, да вот здесь побаливает.

Он показал на грудь. Ручка в пальцах Степановой стремительно забегала по бланку, оставляя за собой мелкие витиеватые строчки.

- Прежде болели чем-нибудь?
- Насколько помню, ничем.
- Температура бывает?
- Кажется... да.
- Какая?
- Я не мерил.
- Очень плохо.

Девушка успевала и спрашивать, и записывать одновременно. Кончив опрос, она отложила ручку, встала и подошла к Косторову. Легким прикосновением пальцев пробежала по телу. Затем вставила в уши наконечники резиновых трубок фонендоскопа.

— Дышите глубже... Так... Еще... Теперь не дышите. Повернитесь спиной. .

Коробочка фонендоскопа перепрыгивала по его груди и спине. Николай, глядя сверху вниз на маленькие руки девушки, подумал, что Анне следовало направить его к более опытному терапевту, а не использовать свои дружеские отношения. Молодость Зины, ее торопливые угловатые движения не внушали ему никакого доверия.

Выслушав Косторева, девушка простукала его. Не бывавший никогда у врачей, Николай с интересом наблюдал за этой процедурой. Ему казалось, что звук от удара согнутого молоточком пальца получался всюду одинаковым.

Однако, обойдя все тело, пальцы возвратились к правой верхней стороне груди. Опустились вниз и опять торопливо поднялись вверх. Лицо молодого врача стало сосредоточенным и серьезным.

— Значит, температурите? — переспросила Степанова. — Утром или вечером?

— Когда как. Бывает и утром, и вечером.

— Немедленно же начните измерять температуру.

Присев к столу, Степанова продолжала внимательно смотреть на Николая. Она засыпала его вопросами. Ее интересовали такие вещи, отвечая на которые Косторов краснел. Он уже жалел, что пришел в поликлинику, и негодовал на Анну, направившую его к терапевту.

Здесь, в кабинете, у него исчезли и одышка, и слабость, и боли в груди.

Зина долго записывала его ответы на бланке с жирным заголовком «История болезни».

Николай, уже начинавший терять терпение, по-

думал: «Что она там трактат пишет или сочинение по русскому языку?»

А кончив писать, к полной неожиданности Николая, Зина снова принялась его осматривать. Согнутый палец ее, как и в прошлый раз, остановился на правой стороне груди.

— Одевайтесь, товарищ Косторев.

— Но вы-то у меня нашли что-нибудь?

Зина сдержанно улыбнулась.

— Пока ничего. Придется проверить легкие. Мне кажется, они у вас не в порядке. — Она подала ему бумажку. — Возьмите направление на исследование крови.

— Значит, еще куда-то нужно идти?

— Да, конечно. В лабораторию. Она рядом.

— Благодарю.

Выйдя из кабинета, Николай скомкал листок и сунул в карман. По коридору он прошел так быстро, словно опасался, что его вернут обратно в кабинет и снова начнут осматривать.

В восемь вечера кончился прием. Едва закрылась дверь за последним посетителем, Анна побежала в терапевтический кабинет.

— Ну? — спросила она Зину. — Что?

— А именно? — Зина дернула шнурки на рукавах, шнурки за спиной, почему-то поморщилась и протянула снятый халат Полине, дежурной сестре, полной девушке с удивленными глазами.

— Как твое мнение о... Костореве?

— Ах, так это и есть твой поклонник? Недурен собой. Сложение богатырское. Но как больной он мне не нравится. Легкие у него явно не в порядке. Впрочем, ты сама же мне его направила. А в твоём направлении сказано больше того, что узнала я.

Взглянув на Анну, Зина вдруг рассердилась:

— Ну, чего, чего? Или рога у меня выросли? Подумаешь, у дружка в легких затемнение увидела! Экая невидаль. До ста лет живут с такими пятнышками. А вообще, вот что, Анка: с сего дня Косторев мой больной и твоего пристрастия я не потерплю. Ты меня хорошо знаешь, Анка. Не правда ли? И если будешь приставать ко мне, выставлю из кабинета.

— Зинушка... Ты с ума сошла?

— Нет, не сошла. Завтра мы его вместе посмотрим на рентгене. Потом ты сделаешь снимки, я соберу анализы.

А там пригласим кого-нибудь поопытнее нас с тобой. Ясно? Иди одевайся и жди меня внизу.

А когда Анна вышла, тихо прикрыв за собой двери, Зина вполголоса приказала Полине:

— Косторева завтра пропустишь вне очереди. Историю болезни в регистратуру не сдавай.

И, хрустнув пальцами, прошла по кабинету.

VIII

На испытательной станции гоняли опытную машину с восемнадцатым вариантом шатунной втулки. Закончив работу в отделе, Николай вместе с Чулошниковым и главным конструктором прошли в цех.

На металлическом каркасе, вделанном в бетонный фундамент, грохотала мощная громадина дизеля.

Бригадир испытателей, строгий молодой мужчина в кожаных штанах и куртке, вытирая на ходу руки замшевой тряпкой, направился к главному конструктору.

Шум мешал разговаривать. Сначала бригадир кричал что-то на ухо главному конструктору, а потом тот кричал бригадиру.

Николай встал у пульта, пробежал глазами по приборам. Мощность на двадцать сил выше проектной.

— Втулка дает! — прокричал ему Чулошников.

«Двадцать не двести, — подумал Николай, — достижение не велико».

— Сколько уже крутится? — спросил он у моториста, державшего в руках рычаги управления.

— Сорок девять часов.

— Успех! — прокричал Николаю главный конструктор. — Двадцать выиграли. И это совсем не плохо.

Николай поморщился, а главный конструктор, смеясь, погрозил ему пальцем.

Да, двадцать сил, хоть они и не решали основной задачи, радовали Николая. Это был итог немалого труда, итог продолжающихся поисков.

Вокруг пульта собрались мотористы, мастера, технологи. Главный конструктор вырвал из блокнота листок бумаги и набросал на нем диаграмму распределения динамических нагрузок.

Все кричали, надрывая голосовые связки, выхватывая друг у друга карандаш.

— Еще сил пять-шесть можно выжать, — заключил главный конструктор.

Николай сам взялся за рычаг сектора газа. Стрелка тахометра медленно поползла по циферблату.

Пять сил...

Казалось бы, какая мизерная величина в сравнении с общей мощностью дизеля в полторы тысячи лошадиных сил. Но Николай знал цену каждой новой выжатой силы: это новое усовершенствование в конструкции, новое усиление творческой мысли многочисленного коллектива, достигнутое в результате долгого и кропотливого труда.

Тем не менее Николай жаждал иного решения поставленной перед собой задачи: двести сил одновременно. Правда, для этого требовались принципиально новые пути поисков. Не является ли втулка в работающем сейчас двигателе первой вехой?

Следуя за движением руки Николая, лежавшей на рукоятке сектора, стрелка тахометра продолжала ползти вперед по шкале. Возрастали обороты. От гула двигателя вибрировало все здание испытательной станции.

Главный конструктор сделал предостерегающий знак. Что-то крикнул Чулошников.

Двадцать восемь сил... тридцать... тридцать две...

Может быть, восемнадцатый вариант позволит получить пятьдесят? Семьдесят? Сто? Что не удастся получить все двести, в этом Николай не сомневался. Еще не было принципиального отличия. Резкого существенного отличия.

Тридцать пять... тридцать шесть...

Вдруг дрогнули и заметались стрелки на приборах. В мощный ритмичный гул ворвался воющий скрежет металла. Двигатель задрожал, забился в чудовищной тряске.

Николай рванул рычаг на себя.

И сразу наступила тишина. Она была такой внезапной, такой гнетущей, что люди не сразу привыкли к ней...

— Полетела... втулка... — сказал строгий бригадир, — накрутилась...

— Экий же ты нетерпеливый, — проворчал главный конструктор.

«И все это не то, не то, не то... — с болью в душе сказал себе Николай, — где же настоящее решение? Где?»

Домой он шел пешком. Не стал ждать трамвая и отказался от машины, предложенной главным конструктором. Хотелось побыть наедине с собой, прийти в себя.

Прохладный ветер освежил голову. Николай не

замечал пройденного пути, не видел окружающих предметов. Оставались позади деревянные одноэтажные особняки и двухэтажные с беленым каменным низом дома, длинные досчатые заборы, за которыми поднимались красные кирпичные стены строящихся корпусов; вытянув вверх свои стрелы, стояли подъемные краны...

IX

В течение недели продолжалось изучение дефектов разрушенного двигателя. В эти дни Николай почти не выходил с завода и не виделся с Анной.

Только накануне выходного Николай позвонил Анне, и она впервые разрешила ему зайти за ней на квартиру. В одиннадцать утра он поднялся по лестнице уже знакомого ему подъезда.

Дверь открыла Анна. На ней был длинный халат яркой расцветки, плотно облегающий ее высокую стройную фигуру. Николай невольно залюбовался ею. Свежее, румяное лицо Анны дышало физическим здоровьем и духовной бодростью. Короткие рукава халата падали с ее округлых плеч, оставляя обнаженными полные и гибкие руки.

Придерживая полу халата, Анна пропустила Николая в комнату.

— Я вчера приходила к тебе, — сказала Анна, — но не застала дома.

— Только что освободился, — пояснил Николай. — Ночевал на заводе.

— Познакомься с Зиной, — Анна повернулась к столу, за которым сидела черноглазая девушка с черными косами, собранными в узел на затылке. — Узнаешь?

— Узнаю, — смутился Николай, протягивая руку Зине.

Девушка наблюдала за ним внимательными лукавыми глазами.

— А почему вы не явились ко мне, товарищ Косторов?

— По двум причинам.

— Я вас оставляю на минутку, — сказала Анна и, перекинув через плечо платье, вышла из комнаты.

— Я слушаю.

Лицо Зины стало строже.

— Работа, — понимаете, — работа. Ни одной свободной минуты.

— Потом?

— Да я же чувствую себя совершенно здоровым.

— Разрешите вам совершенно не верить. — Зина поднялась из-за стола и оглянулась на дверь. — Вы немедленно же должны прийти в поликлинику. Завтра же. Слышите, Косторов? У меня отличная зрительная память. Я вижу, во что вам обошлись эти дни. Ни слова! Пожалуйста, не отговаривайтесь работой. Я тоже работаю. Цвет вашего лица мне не нравится. Кровь на анализ сдали? По глазам вижу, что нет. — Она прошла к тумбочке, раскрыла лежавшую на ней сумочку и вернулась с бланком направления. — Завтра же, повторяю. Идите: от меня вы не отвертитесь!

— Разве у меня что-нибудь серьезное? — настораживаясь, спросил Николай.

— Именно это я и хочу знать. А ваше здоровье нужно не только вам, но и... — Зина улыбнулась. — Анна мне дорога, как сестра. Я очень хочу, чтобы она была счастлива.

— Я приду, — сказал Николай, — даю вам в этом слово.

Он пожал ее руку. Глаза Зины смотрели ласковее, она одобрительно кивнула головой.

Вошла Анна в синем шерстяном платье. Пышные волосы красиво лежали над чистым широким лбом. Прическа была затейлива. Видимо, Анна любила быть одетой и причесанной к лицу.

День еще не был по-настоящему теплым, но приближение весны чувствовалось уже во всем: и в более нежных порывах ветра, и в нестерпимом, режущем глаза блеске сугробов, и в бордюрах прозрачных леденцов-сосулек под карнизами крыш.

Солнце, прежде прятавшееся за высокими заводскими корпусами, теперь перекатывалось по конькам крыш и даже взбиралось на самый верх кирпичных труб.

— Куда мы пойдем? — спросила Анна, щурясь от яркого солнечного света.

— К Чулошникову.

— Кто это?

— Очень хороший человек. У него чудесная жена, гостеприимная и веселая. Там обычно собирается вся наша конструкторская компания. Я познакомлю тебя с нашим народом. У Чулошникова приемник с проигрыва-телем. Потанцуем.

— А как ты себя чувствуешь? — неожиданно спросила Анна.

— Я? Не плохо.

— Ты очень изменился, Коля.

— Да нет же. Сегодня я себя отлично чувствую.

— Завтра ты должен побывать у Зины.

— Хорошо, Аннушка.

— А сейчас... сейчас идем к твоему Чулошникову.

Х

Небольшие прямоугольники бумажек лежали на столе перед Зиной. Сжав ладонями щеки, она в десятый раз перечитывала краткие сведения: исследование крови, исследование мокроты, заключение туберкулезника...

Повторный анализ крови и мокроты производился в присутствии Зины. Она сама сидела над окуляром микроскопа. Палочек Коха не было... Значит, туберкулез следовало исключить. Это подтвердили и специалисты из диспансера. Именно поэтому лицо Зины выглядело сегодня таким озабоченным. Она была бы, пожалуй, рада, если бы подтвердился туберкулез. Туберкулеза нет, а опухоль расползается все шире, захватывая все больше легочную ткань и угрожая распространиться на весь корень с его сосудами, нервами. В мокроте обнаружены эластические волокна...

У Косторева появился надсадный мучительный кашель, усилились боли в груди, увеличилось чувство общей слабости. Анна дважды делала снимки: прямые и боковые, мягкие и жесткие. Она получила мастерские отпечатки, ясные, даже слишком ясные.

Анна...

Если бы ее можно было оставить в неведении! Взглянув на повторные анализы, Анна опустила голову и ушла из кабинета Зины с изменившимся лицом.

Последний раз Зина осматривала Косторева в присутствии старшего врача поликлиники, одного из опытейших терапевтов города, Елены Лазаревны Даллих. После ухода Косторева Елена Лазаревна пододвинула к себе историю болезни и в графе «диагноз», которую до сих пор не решалась заполнить Зина, вывела аккуратным каллиграфическим почерком „Cancer pulmonum“ (рак легких). Однако, оставшись одна, Зина поставила рядом крупный

и размашистый знак вопроса. Трудно было мириться с вынесенным Косторову приговором...

Теперь, просмотрев еще раз все анализы, Зина перевела глаза на шестой листок бумаги: направление в раковый диспансер. Зина не решилась сегодня вручить его Косторову. Его уверили в том, что у него сухой плеврит. Запущенный, хронический, в общем какой угодно, но... вовсе не такой уж серьезный.

Косторов не должен был знать. Нет, нет, ни в коем случае! Пусть остается в полном неведении.

Зина отняла ладони от щек, и на лице ее остались розовые полосы, следы прижатых пальцев. Она протянула руку к шестому квадратику бумаги и, разорвав его на мелкие, мелкие кусочки, долго мяла в раздумье.

Потом, решительно собрав листки анализов и взяв историю болезни, отправилась к Елене Лазаревне.

Елена Лазаревна согласилась с Зиной. Посылать Косторева в онкодиспансер значило открыть ему глаза на истинное положение вещей. Он человек грамотный и легко догадается. Конечно, лучше будет устроить консилиум здесь, в поликлинике, вызвав профессора Ершова и кого-нибудь из онкологов.

Возвратившись к себе в кабинет, Зина долго расхаживала взад и вперед, то похрустывая пальцами, то прижимая их к щекам.

— Анка, ах, Анка, — вздохнула она, — чем же помочь тебе, родная?

Анна вошла неожиданно, уже одетая.

— Ты не идешь домой? — спросила она Зину.

— Нет.

— А куда ты собираешься?

— В клинику, к Ершову. В библиотеку зайду. И так, вообще... — Зина сделала неопределенный жест.

— Елена Лазаревна смотрела Николая?

— Смотрела.

— Что она говорит?

— Да ничего определенного.

— Покажи мне историю болезни.

— Может быть, ты потерпишь до завтра?

— Нет, я хочу видеть сейчас.

— Полина, кажется, передала ее в регистратуру.

— Зачем ты лжешь, Зина? — Анна подошла к столу и, перелистав стопку бланков из плотной бумаги, вытащила историю болезни Косторева.

— «Cancer pulmonum», — прочла она вслух. По лицу ее разлилась бледность. — Значит, все-таки... саргег.

— Но ты же видишь, что под вопросом, — заметила Зина. — Завтра будет Ершов, и я уверена, что он поставит совсем другой диагноз... Анка!

Из глаз Анны катились крупные слезы...

XI

Николай был удивлен, когда, придя на прием к Степановой, увидел кроме нее еще двух женщин и высокого худощавого мужчину с седой квадратной бородкой. Женщины, обращаясь к мужчине, называли его профессором.

Впрочем, говорили они мало, только изредка, вполголоса, обмениваясь непонятными для Николая латинскими терминами.

В коротких и лаконичных фразах профессора, в его умных зеленоватых глазах, под которыми мелкими морщинками легли отеки, в скупых движениях его Николай почувствовал большого знатока своего дела.

Во время консилиума Николай впервые испытывал чувство тревоги. Во-первых, почему потребовался консилиум с присутствием профессора? И почему его осматривают с такой подозрительной щепетильностью? Лица врачей все время оставались сосредоточенными. Никто из них не улыбнулся, чтобы ободрить Косторева.

А Степанова и вообще избегала встречаться взглядом с глазами Николая, словно была в чем-то виновата перед ним. Она покусывала губы и нервно перебирала трубки фонендоскопа.

Спустившись на первый этаж, Николай обратился с вопросом к девушке, сидевшей в регистратуре:

— Скажите, пожалуйста, профессор, который находится сейчас в кабинете Степановой, по каким болезням консультирует?

— Профессор Ершов? Он — онколог.

— А что такое онколог?

— Специалист по раковым заболеваниям.

— По раковым?.. Ах, вот оно что... — Выйдя из поликлиники, Николай постоял в раздумье. — Сейчас уточним, в чем суть раковых заболеваний.

Домой он вернулся с толстым учебником внутренних болезней, взятым в библиотеке Дворца культуры.

Он читал долго и внимательно. В тишине комнаты шелестели перевертываемые листы. Николай дышал тяжело, часто кашлял и еще чаще закуривал папиросу. Забытая в отведенной руке, она гасла. Спohватившись, он чиркал спичкой, глубоко затягивался.

Прочтя то, что его интересовало, Николай захлопнул книгу и прошелся по комнате.

— Рак легких... — произнес он. — Рак легких...

Сдвинув брови, сжав ладонью подбородок, он долго ходил по комнате. Остановившись у стола, снова раскрыл книгу и прочел вслух, поразившие его строчки:

— «Рак легких или бронхогенный рак до сих пор достаточно не изучен и представляет собой диагностическую загадку... Он приводит к тяжелой психической травме больного, являясь покуда заболеванием неизлечимым, ведущим к неременной и скорой гибели больного...»

Николай растерянно оглянулся, словно ища поддержки у кого-то присутствующего в комнате. Под сердцем медленно выросла кусочек льда, а от него по всему телу потекли холодные расслабляющие струйки. Вдруг особенно отчетливо ощутил он и одышку, и щемящую боль в груди, и жар в голове.

Николай опустилсЯ на стул, торопливо докурил папиросу. В третий раз раскрыл он книгу и стал перелистывать страницы чужими, негнушимися пальцами. Пальцы рвали листы. Он дышал тяжело, воздух со свистом вырывался из его груди. Глаза стремительно бегали по строчкам, отыскивая хотя бы одну обнадеживающую фразу. Ничего подобного не было. Каждый абзац текста говорил: безнадежно.

И все-таки он не хотел верить. Все его существо протестовало, отвергая им же сделанное открытие. Он говорил себе, что, может быть, у него еще вовсе и не рак, что он все-таки не медик и рискует поэтому вынести себе ложный приговор. А врачи... врачи тоже способны ошибаться. Потом, зачем бы они стали скрывать от него, как от ребенка, чем он болен в действительности?

Но пусть у него даже рак. Зачем пугать себя тем, что случится не сегодня и не завтра, а когда-то в будущем? Судя по книжным сведениям, рак болезнь затяжная.

Да нет, просто не может быть, чтобы вот так, вдруг, ни с того, ни с сего, пришла беда, когда он до краев полон энергии, жажды деятельности, жажды жизни. Люди умирали на полях сражений, и это была смерть во имя

справедливости, смерть героев. Люди умирали, растрачивая свое здоровье на любимой работе, и здесь тоже была смерть, которая оставляла за собой чувство гордости и уважения. Но умереть так глупо, так нелепо в самом расцвете сил...

Николай вскочил и рывком сдернул с себя рубашку, майку. Он осмотрел свои плечи и грудь, сжал ладони в кулаки, отчего под кожей его заиграли упругие бугры мышц. Ударом кулака он оглушил бы лошадь, не то что человека. Его плечи выдерживали тяжесть пятипудового мешка, как пуховую подушку. В нем хватило бы силы на десятерых, а тут вдруг — «безнадежно».

И хотя где-то под сердцем продолжал оставаться куsocек льда, источавший вместе с холодом томительную тревогу, Николай заставил себя не думать больше о своей болезни и вернуться к повседневным делам. Это было нелегко, но он пересилил, прогнал прочь чувство страха.

Николай надел майку, неторопливо отточил карандаш, сдунул с чертежной доски резиновые крошки и наколот на нее лист ватмана. Пусть нет необходимой ясности в мыслях, пусть в движениях пальцев излишняя нервозность, но все равно он должен работать. Главное — не дать болезни опустошить себя и лишит интереса к тому, что до сих пор составляло для него основное в жизни.

XII

К вечеру похолодало. Погода резко изменилась. Первые лужицы талой воды подернулись льдом. Рваные космы облаков сдвигались, затягивая небо низко нависшим грязным покровом. Ветер погнал над землею потоки колючей снежной крупы.

Темнело...

Прежде чем включить свет, Николай подошел к окну, послушал, как шелестит снег о стекло. Дурная погода не сказывалась на людях. С улицы доносились звонкие девичьи голоса, смех, басистый мужской говор. Проехала автомашина, и лучи ее фар скользнули по окну.

Николай повернул выключатель. Яркий свет залил комнату. Тикающий на столе будильник показывал без четверти девять. Николай вспомнил, что сегодня к нему должна прийти Анна. Она обещала забежать прямо из поликлиники. Прием кончался в восемь. Вероятно, Анну что-то задержало, но она сейчас подойдет...

И тут глянули на него глаза Аннушки, и он понял, что едва ли дождется ее сегодня...

Анна первой узнала о его болезни, и она видела все, что происходит в его легких. Не оттого ли на лице ее все чаще появлялось выражение растерянности, а в поведении исчезла непринужденность?

Едва оправившись от первого удара, Николай испытал второй, куда более сильный и жестокий. Он терял Анну, ставшую для него дорогой и желанной. И осознать потерю Анны оказалось труднее, чем осознать свою обреченность.

Так неожиданно все случилось. Он кончил институт и четыре года жил один, не зная ничего кроме своей работы. Ему казалось, что он вполне счастлив. Но вот появилась Анна, и Николай удивился: как он все это время жил без нее? Во сколько раз он был бы счастливее с нею! В десять, в сто, в тысячу раз!

А теперь, едва обретя такое огромное счастье, он уже должен был потерять его. Конечно, Анна и сама тяжело переживает постигшее его несчастье. Она очень изменилась за эти дни.

Случается в жизни, что любовь связывает судьбу людей, имеющих физические недостатки, больных туберкулезом... Но как можно соединить свою жизнь с человеком, жить которому осталось считанные дни?

Аннушка, любимая... Он не осудит ее, если она не придет больше к нему... Он понимает, что ей сейчас тоже очень тяжело... Но как она необходима ему именно сейчас, в эти тяжелые для него минуты.

Стрелки часов слишком поспешно передвигались по циферблату. Николаю хотелось бы остановить бег времени. Он все еще надеялся... Анну могло задержать какое-нибудь непредвиденное обстоятельство...

Но часовая стрелка миновала цифру десять, а Анны все не было. В положении одиннадцатого Николай понял, что все его ожидания тщетны. Остаться одному со своими мыслями было слишком мучительно.

— Пойду к Чулошникову, — решил он и стал надевать пальто.

Тут дверь распахнулась, и Николай увидел Анну. Она тяжело дышала, видимо, от быстрого бега. Ее щеки пылали, волосы выбились из-под платка, и завитушки их прилипли к вспотевшему лбу. Средняя пуговица пальто не была застегнута, на руках не было перчаток.

— Прости, пожалуйста, — проговорила Анна, задыхаясь, — я... я не могла прийти раньше.

Николай взглянул в ее глаза. В них не было лжи. Милые и ласковые, они смотрели чуть-чуть виновато. Он так растерялся, что не знал, что сказать ей. На душе его стало сразу легко и радостно.

— Хорошая моя, — сказал он, протягивая к ней руки.

— Прости, пожалуйста, — повторила Анна, вкладывая в его руки свои ладони. — Ты, наверное, обиделся, что я задержалась?

— Да ничуть! — воскликнул он.

— Ты куда-то собрался? — спросила Анна, заметив на Николае пальто.

— Аннушка, — сказал тогда Николай, — знаешь что? Пойдем во Дворец. Будем танцевать и веселиться.

— Пойдем, — согласилась Анна.

И как ни странно это может показаться, но тот вечер был счастливейшим вечером в жизни Николая.

Из Дворца они вышли очень поздно, почти последними. Николай проводил Анну и домой возвратился с легким волнующим чувством. Ему казалось, будто он только что перенес тяжелую болезнь. Страх за будущее растворился в огромном чувстве любви...

XIII

Рак легких встречается значительно реже других раковых заболеваний. В практике Зины Степановой это был первый случай. И Зина, не доверяя своему опыту, отнеслась к нему с такой щепетильностью, которая приятно удивила старшего врача поликлиники Елену Лазаревну. Зина замучила Косторева анализами и осмотрами. И хотя Елене Лазаревне уже все становилось ясным, Зина продолжала сохранять на истории болезни свой размашистый знак вопроса.

По ее настоянию для осмотра Косторева были приглашены виднейшие онкологи города и в том числе профессор Ершов, у которого Зина в свое время слушала курс онкологии.

И только тогда, когда профессор Ершов сам сделал Костореву пункцию легких и после неоднократных лабораторных анализов обнаружил в ткани раковые клетки, только тогда Зина медленно и нехотя зачеркнула знак вопроса. При этом брови ее сдвинулись, губы плотно сомкнулись, и лицо стало не просто суровым, но злым.

— Весьма печально, — сказала Елена Лазаревна, — такой прекрасный человек и должен погибнуть.

— Погибнуть? — возмутилась Зина. — Вам как старшему врачу непозволительно произносить такие слова.

— Да это же между нами, Зиночка, — смутилась Елена Лазаревна, прекрасно зная, что рак легких считается неизлечимым.

Впрочем, и Зина отдавала себе ясный отчет в том, что положение Косторева безнадежно, но в ней жило непонятное для окружающих упрямство. По мнению Анны, Зиной владел «дух противоречия». Она сдавалась только тогда, когда факт припирает ее к стене. В спорах ее считали невыносимой, невыдержанной и даже грубой. Будучи в чем-нибудь уверена, она готова была спорить со всем светом, и переубедить ее могли лишь самые неопровержимые доказательства.

— Что же дальше? — спросила Зина профессора Ершова, зачеркнув знак вопроса.

— Дальше... — профессор опустил голову и задумался. — Дальше, голубушка, как принято говорить в таких случаях, медицина бессильна. Рак легких пока сильнее нас.

— А рентгенотерапия? А ваш препарат, Павел Сергеевич?

— Т-ссс, — Ершов погрозил Зине пальцем и поднялся со стула. Поскрипывая ботинками, он прошелся по кабинету. — Тайны, чур, не выдавать.

— Степанова мне все уши рентгенотерапией прожужжала, — заметила Елена Лазаревна. — Она за каждую новинку, проверенную или не проверенную, цепляется как за величайшее чудесное открытие.

— А знаете, Елена Лазаревна, — сказал Ершов, — Степанова зарекомендовала себя в клинике как способный и многообещающий экспериментатор. В ней живет дух исследователя.

— Правда, она отличный терапевт.

— У нас еще не кончен разговор о Косторева, — заметила Зина. — Хвалебные гимны я могу выслушать потом...

— Узнаю Степанову! — Профессор погладил бородку, глаза его ласково улыбнулись Зине. — Надеюсь, с больными она обращается более мягко? А в отношении Косторева я думаю так: в клинику, на коечный режим, под постоянное наблюдение. Под ваше наблюдение, Зинаида Алексеевна. Что скажете, голубушка, а?

— Я согласна.

— Вот и отлично! Попробуем применить все, чем располагаем.

— Но согласится ли Косторев лечь в клинику? — высказала сомнение Елена Лазаревна.

— Нужно сделать так, чтобы он согласился.

— Я это сделаю, — сказала Зина.

— Оставляя его в неведении?

— Разумеется.

Ершов начал развязывать шнурки халата. Поднялась и Елена Лазаревна. Только Зина продолжала сидеть за столом, перебирая трубки фонендоскопа.

Оставшись одна, она вздохнула.

— Плохо, — произнесла она вслух, — совсем плохо. И нагрубила я напрасно. Но Николай... Анна...

Анна переживала трагедию, переживала молча, стараясь ничем не выдать своих страданий. В ее разговоре и в ее движениях сохранилось прежнее спокойствие. Нужно было заглянуть в ее глаза, чтобы понять, какие душевные муки она испытывает. Там затаилась такая боль, что Зина готова была плакать, глядя на нее!

Но Зина знала, что слезами горю не поможешь. А чем она могла помочь? Чем?

В этот вечер Зина побывала в клинике и домой вернулась поздно. В комнате не было света. Зина решила, что Анна у Николая, но, включив свет, увидела ее на кровати.

Анна лежала с открытыми глазами, закинув руки за голову. Ее взгляд, устремленный в потолок, был неподвижен.

— Ты дома? — удивилась Зина.

Анна не ответила.

— Сегодня Николая смотрел Ершов. Знаешь?

— Знаю, — тихо отозвалась Анна, и Зина поняла, что она знает и другое: окончательно поставленный диагноз.

— Завтра я пришлю Николая к тебе на боковой снимок.

— Зачем?

— То есть как это зачем? — не поняла Зина. — Должна же я знать течение болезни..

— Течение болезни... Смешно! Мне кажется пора оставить человека в покое и дать ему спокойно...

— Ну?

Анна молчала.

— Что же ты не договариваешь?

Зина провела рукой по волосам. Подойдя к Анне, она присела на край кровати, заглянула ей в лицо.

— Ты же любишь Николая?

Губы Анны дрогнули, но она ничего не ответила.

— Почему ты дома?

— А где же я должна быть?

— С ним, Анка.

— Я это понимаю. Но я не могу. Сегодня не могу. Мне страшно смотреть ему в глаза, я не знаю, какими словами говорить с ним. Сердце истекает кровью... Мне и страшно... и жалко... и... я сама не знаю...

В голосе Анны послышались слезы. Она судорожно глотнула воздух и повернулась лицом к стене.

— Не знаешь, что тебе делать? — крикнула Зина, вскакивая на ноги. — Любишь и не знаешь? Да? А где ж твоя совесть? Или думаешь, ему легче будет умирать в одиночестве? Пусть у тебя уже не будет к нему любви, но как человек... как врач, наконец...

— Не могу... Я не могу.

Зина бросилась к вешалке, схватила пальто. Пальто зацепилось за крючок. Она с такой силой рванула его, что оборвала вешалку.

Анна, повернувшись, следила за ней широко раскрытыми глазами.

— Куда ты... Зина?

— А ты не догадываешься?

Хлопнула дверь, и каблучки зининых туфель застучали по лестнице. Пораженная Анна несколько мгновений смотрела ей вслед. Потом будто невидимая сила заставила ее подняться и броситься вслед за подругой. С криком «Зинка!», она всей грудью ударилась о дверь, и, продолжая кричать «Зина! Зиночка!», помчалась вниз. Она несколько раз оступилась, больно подвернув ногу, на кого-то налетела. Зину она нагнала уже на улице.

Они долго стояли, обнявшись, посреди тротуара, вызывая удивление прохожих. Ветер рвал платье Анны и сыпал снежную пыль на ее непокрытые волосы.

— Простудишься, — сказала Зина и, расстегнув пальто, заботливо прикрыла Анну.

По лестнице они поднимались медленно. Обе приходили в себя, давая отстояться волнению.

Вернувшись в комнату, Анна заторопилась. В ней будто сразу появилась новая энергия, исчезло ненужное и мучительное сомнение. Она убежала, оставив дома сумочку и перчатки, не завязав шарфа и не застегнув пальто.

Такой ее и встретил Николай у себя в комнате.

Гасли лампы над чертежными досками, стучали задвигаемые ящики столов, голоса звучали громче и свободнее: конструкторы заканчивали свой рабочий день.

В одиночку и группами сотрудники выходили из комнаты, их шаги замирали в глубине длинного коридора. Хлопали тяжелые дубовые двери вестибюля. На улице, в темноте ночи, светились широкие полотнища стеклянных стен цехов. Мерцали звезды. Было ветрено, но тепло.

Чулошников шел вместе с Николаем, хотя ему было с ним не по пути. У трамвайной остановки, в ожидании трамвая, они еще постояли, поговорили о заводских делах.

— Вот что, — сказал неожиданно Чулошников, придерживая Николая за локоть, — вчера вечером наш профсоюзный комитет заседал. Путевки на курорт распределяли. Решили тебя в Гагры послать. Знаешь, где это? На берегу Черного моря. Кра-со-та!

— На курорт? — удивился Николай. — Да я же не просил никакой путевки!

— Смотреть на тебя муторно, — проворчал Чулошников. — Совсем зеленый стал. Болеешь, что ли?

— Н-нет...

— Ну, я хоть не врач, а вижу. Да и Сурков на нас тут расшумелся... Короче говоря, правильно тебе путевку присудили и отказываться не позволим. Там, на досуге, втулку свою додумаешь.

Брызги голубых искр сыпались из-под дуги. Трамвай, звонко постукивая колесами, отсчитывал кварталы.

Николай Косторев сидел у затынутого снежным налетом окна и вспоминал разговор с Чулошниковым.

Чудной этот Чулошников! Отличный конструктор, общестественник, бесценный профорг бюро. Он вместе со всем коллективом досадует, что завод перешел на дублирование стандартных дизелей и что конструкторы лишены возможности творить, создавать свое.

Нет, тут Николай не мог согласиться с Чулошниковым. Творить можно всюду и всегда, даже при дублировании. А пример — шатунная втулка. Если бы ее сделать такой (пусть пока в воображении), чтобы она выдерживала любую нагрузку, мощность двигателя увеличилась бы без выхода из габаритов, без нарушения стандартов.

Двигатель с повышенной мощностью! Какая захватывающая, какая прекрасная задача!

Николай вздохнул и снова почувствовал боль в груди. Он весь съежился и с трудом удержался от стога. Боль спутала мысли. К чорту и втулку, и Чулошников! Жить... Он хочет жить. Эта проклятая болезнь выбивает его из колен! Двадцать шесть лет... Любовь Аннушки... Все прахом... Постоянный страх и невольное раздражение, иногда совершенно беспричинное, сводили на нет его трудоспособность.

Почему он должен биться над разрешением такой ничтожной проблемы, как шатунная втулка? В ней не было даже той романтической стороны, без которой не может быть и речи о творческой работе конструктора. Втулка — и двести сил. Не мираж ли это? Не мания ли, навеянная расстроенным воображением?

Болезнь сведет его с ума...

Уехать на юг, к морю, прочь от назойливых мыслей, мешающих ему заняться своим здоровьем. Быть может, отдых ослабит болезнь и позволит ему прожить еще десяток-другой лет. Ведь живут же до глубокой старости люди, больные туберкулезом.

Жить! Жить! Жить! Все его существо жаждало жизни. Он только что начал познавать ее вкус.

Из ФЗУ, шестнадцатилетним мальчишкой, Николай пришел в сталелитейный цех к мартену. Он работал сначала вторым подручным сталевара, потом первым. И продолжал учиться. Ему страстно хотелось стать конструктором, самому создавать машины.

Он учился без отрыва от производства. Некогда было думать об отдыхе. Окончив десятилетку, он поступил в институт. Но тут началась война. Его не взяли на фронт, а предложили встать сталеваром к мартену.

Николай и в эти тяжелые для всей страны дни не бросил учебы. Он договорился со своим сменщиком и стал работать только в ночные смены, чтобы днем посещать институт. Вечернего отделения в институте не было. Наконец — диплом и... победа! Война кончилась, а он стал инженером-конструктором.

Почему бы не отдохнуть ему теперь, спустя четыре года после окончания войны? Что постыдного в его желании? Абсолютно ничего.

На юг, к морю! Втулка подождет.

Поднимаясь по лестнице, Николай принял твердое решение завтра же подать заявление об отпуске.

...Ночью Николай долго не мог заснуть. Мешало удушье, нехватало воздуха. Потом он впал в забытие. Неясные образы маячили перед воспаленным сознанием; из темноты смотрели на него глаза Аннушки.

Он заснул крепко только под утро.

Оглушительный треск будильника поднял его с постели. Было семь часов. В комнату проникал ослабленный расстоянием звук гудка.

Сон не принес бодрости. Отвратительная вялость замедляла движения. Николаю вдруг захотелось еще на полчаса, на часик остаться в постели.

Придя на завод, Николай должен был на некоторое время отложить разговор с главным конструктором относительно отпуска. В бюро возникла масса вопросов, требующих от Николая немедленного разрешения. Из цехов прибегали вечно с чем-нибудь несогласные и чем-нибудь недовольные технологи, у конструкторов появлялись неясности в проектировании, с испытательной станций сообщали об обнаруженных дефектах.

Николай несколько раз заходил к главному конструктору, но заговорить об отпуске так и не решился. У главного конструктора каждая минута была загружена. Отвлекать его на обсуждение личных дел значило оставить ряд вопросов производственного характера не решенными. Да и сама мысль об отпуске на фоне кипящей жизни бюро казалась неуместной. Трудно было представить себя где-то в стороне от всего этого.

Возвратившись домой, Николай вспомнил, что утром ему очень хотелось остаться в постели. Он позволил себе сделать это теперь. Отдыхать, так отдыхать. Раз необходим покой, значит прежде всего следует лечь в постель.

Закинув руки за голову, Николай лежал, глядя в потолок. Он старался ни о чем не думать и убеждал себя, что вот, наконец, отдыхает. Так оно, пожалуй, и было вначале. Но когда он, спустя некоторое время, взглянул на часы, то с удивлением убедился, что лежит не более четверти часа. А ему-то показалось, будто он бездельничает очень долго!

Следовательно, он просто хитрил сам с собой. Лежать и ничего не делать — занятие не для него. В безделье еще острее ощущалось страдание, вызванное болезнью; мысли все настойчивее напоминали о незавидном будущем. Никакие доводы тут не помогали. Нет, его мозг, его руки, все его существо требовало деятельности. Им не руководило

ни честолюбие, ни какое-либо другое расчетливое желание. Николая захватывал самый процесс труда, в нем он находил то наслаждение, которое было невозможным в минуты бездействия.

Каждый советский человек гордится величию своей Родины. Оно, это величие, создается воздвигнутыми городами, покоренной природой, прогрессом науки и техники. Проектирование двигателей разве не было частицей труда, необходимого для создания этого величия? Николай гордился значительностью своей работы. Каждый выполненный чертеж, который должен был завтра превратиться в металлическую действующую деталь машины, вызывал у него глубокое чувство удовлетворения.

В левом кармане пиджака, у самого сердца, носил Николай партийный билет. Он был самым молодым членом заводской организации. Всего лишь три месяца тому назад сменили ему кандидатскую карточку на билет.

XV

Болезнь между тем прогрессировала. Случалось, что внезапное удушье заставляло Николая хвататься за грудь и ловить воздух широко открытым ртом, точно рыба, выброшенная на берег. Часто он бывал вынужден уходить из цеха, где ему становилось душно.

По настоянию Анны он ежедневно измерял температуру и уже не удивлялся, когда она поднималась очень высоко.

Человек свыкается со многим. Свыкается с физическими недостатками, с хроническими заболеваниями, с увечьем. Но разве можно свыкнуться с недугом, который ведет к неизбежной гибели?

Часто вечерами, оставив чертежную доску, сжав кулаки и стиснув зубы до ломоты в скулах, Николай в гневе бегал по комнате. Он переживал страх перед будущим и негодовал на бессилие медицины. В такие мгновения он презирал всех врачей на свете, а черноглазую суетливую Зину — в особенности.

Но как это было ни странно, чем тяжелее становилась болезнь, тем упорнее работал Николай над разрешением проблемы шатунной втулки. Он все острее осознавал ее значение. Часто, погружаясь в раздумье, видел он в своем воображении гигантские теплоходы с установленными на них дизелями его завода.

В действительности Николай никогда не видел теплоходов и даже не бывал у моря.

Но какое это имело значение? Родина необъятна, и ей нужны теплоходы. А двести сил недоданной мощности — это тысячи километров непройденного пути и тысячи тонн перепревшего груза.

Страх перед грядущим и желание работать, несмотря ни на что, тесно переплетались в его мозгу, порождая мучительные сомнения, противоречивые желания, то окрыляя его надеждой, то удручая полнейшей безнадежностью.

Но ни разу он не доходил до отчаяния. Не оттого ли, что самые трудные минуты согревались присутствием Анны, ее любовью?

Анна приходила к Николаю так часто, как только это было возможно. Если он работал, она садилась рядом с книгой в руках. Если ему было плохо, она заставляла его ложиться в постель и оставалась около него до утра. Просыпаясь утром, Николай находил ее у своей кровати. Сидя на стуле, Анна спала, уронив голову на край его подушки. Ее рассыпавшиеся волосы касались его лица. Он вдыхал их запах и замирал неподвижно, не сводя глаз с милого измученного лица.

Случалось, что болезнь вдруг меньше давала себя знать. Николай чувствовал временное облегчение. Тогда он с жадностью набрасывался на работу.

Отрываясь от чертежной доски, Николай посвящал Анну в свои планы, в свои замыслы. Она плохо разбиралась в его объяснениях. Ей чужды были и кривошипно-шатунные механизмы, и системы смазок, и удельные давления. Но она с интересом вслушивалась в незнакомые термины. Голос Николая звучал с такой страстностью, которая невольно заставляла Анну забывать об истинном его положении. Ей тогда казалось, что рядом с ней находится большой здоровый юноша, полный энергии. От него веяло и силой физической, и силой духовной.

Знала Анна, что в поисках больших открытий люди жертвуют своим личным благополучием, а зачастую и своей жизнью. Есть, наконец, люди, которые не боятся отдать жизнь во имя идеи, во имя Родины, во имя народа.

Но что руководит Николаем? К какому разряду людей можно отнести его?

Как ни слабо Анна разбиралась в технике, она понимала, что решение проблемы втулки — это еще далеко не

великое открытие. Однако подсознательное чувство говорило ей, что уже в самой целеустремленности Николая заключалась частица великого.

Вспомнив, что ждет Николая в недалеком будущем, Анна вся съеживалась, будто от острого укола в сердце. Работать над какой-то непонятной втулкой, когда за спиной стоит призрак смерти...

— Но он не знает, — твердила она себе, — он ничего не знает.

* * *

И вот в один из первых мартовских вечеров случилось, наконец, то, к чему так неуклонно стремился Николай, случилось неожиданно, ошелобив его своей необыкновенной простотой и парадоксальностью.

Проводив Анну, он только что возвратился домой. Яркий свет приспущенной над чертежной доской лампы освещал испещренный карандашными набросками лист ватмана и клочки бумаги с расчетами. Расчеты принесли Голубев и Ступникова.

Расстегивая пальто, Николай мысленно проверял эти расчеты. И тут он подумал:

— А не влияет ли на работу втулки прогиб шейки коленчатого вала?

Конечно, прогиб чрезвычайно незначителен, но он должен существовать. И Николай, закрыв глаза, представил себе, как все это может произойти.

Вот искра воспламенила смесь в цилиндре. Давление взорвавшихся газов толкает поршень, а вместе с ним и шатун. Через втулку, запрессованную в шатун, давление передается на шейку коленчатого вала. Шейка очень массивна и лежит на двух опорах, но ведь и нагрузка на нее не малая. Итак, шейка прогнулась. Что же будет со втулкой? Запрессованная в жесткое тело шатуна, она должна сохранить свою форму.

Николай повесил пальто мимо вешалки. Оно упало к его ногам, но он, не замечая этого, стоял и глядел в пространство. Весь цикл работы двигателя, совершающийся в тысячные доли секунды, проходил перед ним, как в замедленной киносъемке.

Динамическая сила взрыва обрушилась на втулку. Но шейка прогнулась, а втулка не изменила своей поверхности. Таким образом вся нагрузка ляжет только на ее края, на две узенькие полоски. Естественно, что никакой материал не мог выдержать такого огромного удельного

давления. Происходило разрушение бронзы. Частицы выкрошившегося металла попадали на трущиеся поверхности, приводили к задиру, а потом и разрушению всего узла.

Вывод? Очень простой. Поверхность втулки должна быть не цилиндрической, какой делали ее до сих пор, а иметь форму изогнутой шейки коленчатого вала. Значит, путь повышения прочности втулки за счет увеличения толщины ее стенок был неверный путь. Наоборот, втулку следовало ослабить, срезать ее края в тех местах, где сосредоточивалась нагрузка, и заставить тем самым напряжение равномерно распределиться по всей рабочей поверхности. Нужна была втулка с особым профилем — только и всего.

— Смешно! — сказал себе Николай. — Смешно и удивительно, что простые решения никогда не приходят первыми.

Но сделанные выводы следовало подтвердить расчетами и экспериментами. С лихорадочным нетерпением Николай сел за расчеты.

Пришедшая утром уборщица долго не могла достучаться. Николай спал, уронив голову на чертежную доску. Пол вокруг него был усеян окурками и обрывками бумаги.

XVI

Утром, по дороге на завод, Николай почувствовал себя плохо. С половины дороги он вынужден был возвратиться домой. Он с трудом добрался до комнаты и упал на постель как был, в пальто и в кепке, почти теряя сознание. На лице выступили капли холодного пота, дыхание стало коротким, свистящим. Долго лежал он, приходя в себя, потом снял телефонную трубку и позвонил главному конструктору.

— Мд-а-а, — протянул Дмитрий Ильич, — плохо. Загляну к тебе вечером.

Но еще задолго до вечера, в обеденный перерыв, приехали к нему Голубев, Ступникова и Чулошников. Голубев и Ступникова, конструкторы группы втулок, наиболее горячо поддерживали Косторева в поисках нужной конструкции шатунной втулки.

— И какой леший надумил тебя отказаться от путевки на курорт, — проворчал Чулошников вместо приветствия. — Не человек, а загадка природы.

Он посмотрел на Николая тревожным взглядом и переглянулся со своими спутниками.

— Вы очень изменились, — подтвердила Ступникова, рослая девушка с крупными чертами лица. — Мы к вам врача вызовем.

— И вовсе не к чему, — возразил Николай. — Вы мне вот что сделайте: закончите расчет, который я начал, да заодно проверьте и начало. Голова у меня была точно в тумане, напутал, наверное.

— Какой расчет? — удивился Чулошников.

— У, брат! — Николай слабо улыбнулся. — Америка! Втулку я придумал для твоего вала такую, что любую нагрузку выдержит. Не веришь? А ты к доске подойди. Я там эскизик набросал. Все поймешь. Рассказывать мне сегодня трудно.

Чулошников, Голубев и Ступникова подошли к чертежной доске. Они долго рассматривали ватман, хотя поняли все с первого взгляда — так проста была мысль, изложенная в скупых карандашных набросках.

— Да-а-а, — протянул Чулошников, — голова у тебя, Коля.

— При чем же тут голова? — возразил Николай. — Работал я, искал. Ну, вот... и нашел.

— Дизелек мы теперь состряпаем!

Чулошников вдруг осекся и молча поглядел на Николая. Откинув голову на подушку, Николай тяжело дышал открытым ртом. Его широкая грудная клетка опускалась и поднималась часто, судорожно, с усилием.

— Здоровье поправишь, — неестественно бодрым голосом заговорил Чулошников, — тогда еще не такие дела делать будешь. Мы вот на партбюро вопрос о тебе поставим. Заставим на курорт поехать.

— С удовольствием! Если...

— Что?

— Да ничего. Что ты опять привязался? Идея втулки вам понятна?

— Понятна, — ответила Ступникова, — характер поверхности мы сегодня же установим.

— Не сегодня, а сейчас, — попросил Николай. — Садитесь за стол. Справочники на этажерке, линейка в столе.

— А как же с работой? За прогул...

— Я отвечу. Дмитрий Ильич поймет...

Вечером главный конструктор приехал вместе с парт-оргом отдела Сурковым.

— Ну, вот что, друг, — сказал Сурков, — валяться одному без всякого ухода — не дело. Давай-ка мы тебя в клинику устроим. А? Это совсем рядом. Там тебя живо на ноги поставят. И друзья к тебе наведываться смогут.

Николай, прикрыв глаза ладонью, подумал: «Дело идет к развязке! Из клиники я уже не вернусь». И, холодея, ответил вслух:

— В клинику так в клинику. Но тут дело такое. Я последнее время над втулкой работал. Вы взгляните, Дмитрий Ильич. На доске... там... набросок.

Главный конструктор подошел к доске. Николай приподнялся на локте, но приступ кашля заставил его откинуться на подушку: Он прижал ладонь к губам, а когда отнял ее, на пальцах была кровь.

— Плохо? — спросил парторг.

— Ничего... привыкаю.

Николай протянул руку к столу за папиросами и спичками. Сурков не спускал с него внимательных, настроженных глаз.

— Прогиб шейки... — произнес главный конструктор, поднося листок с наброском к свету и разглядывая его близорукими глазами. — Учет прогиба шейки... Любопытно. Так-с. Что же это тебе дает?

Николай пояснил свою мысль. Ему приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дыхание, сердце билось тугими и болезненными ударами.

— Ну... поздравляю. Это, брат, большое дело. Это... проблема. Идея смелая. И проста. М-да... Поздравляю!

После ухода главного конструктора и парторга мысли Николая продолжали вертеться вокруг втулки. Даже предчувствие надвигающейся катастрофы не могло отвлечь его. Слишком велика была радость достигнутого успеха. А что он действительно достиг успеха, лучше всего подтверждалось скупым признанием главного конструктора.

Николай продолжал работать, оставаясь в постели. Это было очень трудно. Приходилось держать блокнот перед собой, на весу. Опушенный на грудь, он казался тяжелым, затруднял и без того стесненное дыхание. Глаза горели, их заволакивало туманом.

Расчет был доведен до конца. Оставалась последняя, завершающая стадия всей проделанной работы — чертеж.

Николай посмотрел на чертежную доску, как тонущий смотрит на близкий берег, от которого относит его упрямое течение, и опустил руку с блокнотом.

Темнело... Николай не догадался попросить Дмитрия Ильича и Суркова включить свет перед уходом. Теперь нужно было встать с постели.

Николай взглянул на выключатель. Расстояние до противоположной стены впервые показалось ему значительным. Он усомнился в том, что сможет преодолеть его. Но другого выхода не было. В темноте недомогание ощущалось особенно остро.

Он встал на ноги. Колени дрожали, сердце колотилось словно после бега. На кого он походил сейчас? На немощного старца?

Николай пересек комнату и включил свет. Ему пришлось прислониться к стене, чтобы дать успокоиться сердцу. Что-то страшное давило ему грудь, закрывая доступ воздуха. Николай глотал его короткими судорожными глотками.

Но, собравшись с силами, Николай не вернулся в постель. Нет, он не хотел поддаваться болезни! Он продолжал ходить по комнате, на ходу передвигая стулья, с остервенением делая ненужные усилия.

Этот поединок был прерван осторожным стуком в дверь.

— Войдите, — сказал Николай, но голос его прозвучал так тихо, что, видимо, не был услышан.

Перед глазами его пошли круги, в ушах нарастал шум. Ему удалось только добраться до кровати. Он упал рядом с нею, беспомощно разбросав руки.

...Придя в себя, он увидел склонившихся над ним Анну и Степанову. Анна держала стакан с водой, не замечая, что льет воду на пол.

— Можете вы встать? — спросила Зина. — Вы слишком тяжелы для нас.

С помощью обеих женщин он поднялся с пола и лег на кровать.

— Раскис, — шепнул он, виновато улыбаясь.

— Плохо?

Зина сосчитала пульс и вынула из кармана халата фонендоскоп.

— Давит? — она коснулась пальцем того места груди, где Николай ощущал стесняющие дыхание спазмы.

— Давит.словно... картошкой подавился...

Зина заставила себя улыбнуться. Анна молчала, не сводя с лица Николая широко открытых испуганных глаз.

— Вот что, товарищ Косторев, — Зина оглянулась на Анну, — пора как следует заняться вашей болезнью. Мы вас положим в клинику, на коечное лечение.

— А вылечите?

— Что за вопрос! Конечно, вылечим. Не с такими справлялись.

— Соглашаться... Аннушка?

— Конечно же, — торопливо проговорила Анна. — Зачем так мучиться?

— Ну... хорошо....

— Значит, договорились? Так я побежала. Сегодня же все и оформлю. Ты остаешься, Анна?

— Да, конечно.

Николай лежал с закрытыми глазами. Он слышал, как закрылась дверь за Степановой, как Анна легкой походкой прошла по комнате, расставляя стулья, складывая что-то на столе. Бумага шуршала под ее пальцами, тихо звякнула чернильница.

Наведя в комнате порядок, Анна остановилась около кровати. Николай открыл глаза.

— Тебе пора уходить? — спросил он.

— Нет, побуду с тобой.

— Видишь, как мне не везет, Аннушка! — Николай виновато улыбнулся. — Такой здоровенный дяденька, а стал кисель киселем.

— Заболеть каждый человек может.

— Да, но в такой момент... Ты только представь себе, какие горячие денечки начнутся теперь на заводе. И без меня...

— Главное сделано тобой.

— Главное? А что такое главное и что такое не главное, Аннушка? Разве втулка — это все? Нет! Я догадываюсь, какая еще цепь неразрешенных проблем потянется за нею... А я не успел даже сделать чертеж. Вдруг в расчетах ошибка?

В каждом слове Николая слышалось: «Успею ли?», и Анна подумала: «Неужели он все знает?». Она содрогнулась. Это было слишком невероятно. Тогда бы его мысли замкнулись вокруг болезни. «Нет, — решила Анна, — он ничего не подозревает».

— Ты говоришь, тебе нужен чертеж? — спросила Анна. — Это очень важно?

— Да, на чертеже сразу станет ясно, насколько верны сделанные мною расчеты. Графическая проверка. Ну, и наглядное представление о конструкции.

— Я бы не смогла сделать? — робко спросила Анна.

— Ты? — Николай ласково коснулся ее руки. — Конечно, нет, Аннушка. Ты заметила, на доске лежит набросок? Так вот его нужно перенести на ватман со всеми расчетными данными. А расчет, кажется, на восьми страницах не уместился. Если бы ты была конструктором...

Кивком головы Анна подтвердила слова Николая.

— Тебе необходимо заснуть, — сказала она. — Сон восстановит твои силы.

— Я постараюсь. Но мне кажется, что и ты нуждаешься в отдыхе. Ты прямо из поликлиники? Приляг на кушетке. Чертежи с нее можешь сбросить прямо на пол.

— Я вовсе не устала.

— Нет, устала. Я по лицу твоему вижу.

— Хорошо, я лягу. А ты спи. И, пожалуйста, не разговаривай. Тебе это сейчас очень вредно.

Анна сняла туфли и прилегла на кушетку. Она раскрыла первую попавшуюся книгу, но не прочла ни строчки. Лежала и прислушивалась к тяжелому дыханию Николая.

Убедившись, что он спит, Анна спустила ноги, с минуту посидела неподвижно, а потом на цыпочках, в одних чулках, подошла к столу. Она включила настольную лампу и выключила верхний свет. Углы комнаты потонули в полумраке. Конус света, падавший из-под абажура, осветил часть стола, чертежную доску и голову склонившейся над ней Анны.

Стараясь не шуметь, Анна собрала с чертежной доски разбросанные листки с расчетами и чертежный инструмент. Переложив все это на стол, она наколола на доску чистый лист ватмана.

И долго стояла в раздумье.

Дело в том, что ей не приходилось чертить. Когда-то в десятилетке ее учили обращаться с чертежным инструментом, но это было уже давно. Правда, она имела возможность наблюдать за работой Николая. Однако и здесь имелся явный пробел. Она обычно наблюдала не за тем, что он делал на доске, а за ним самим, за выражением

его лица, за движением руки... Анна теперь крепко ругала себя за это.

Перебрав инструмент, Анна принялась изучать набросок чертежа. Многое на нем было перечеркнуто и исправлено, а вместо размеров стояли буквенные обозначения. От обилия линий у Анны зарябило в глазах.

В расчетах Анна совсем ничего не поняла. Она беспомятно оглянулась на Николая. Если бы кто-нибудь подсказал ей, с чего следует начать...

Подавив вздох, Анна положила набросок на чертежную доску рядом с листками расчета. Тут она заметила, что буквенные обозначения на листках и на наброске одинаковы. Да, так оно и было! Анна вспомнила слова Николая о необходимости перенести на чертеж данные расчета. Значит, ее догадка верна.

Анна каждую минуту затачивала карандаш, который часто ломался от первого прикосновения к бумаге. Угольник выскальзывал из рук, а линии получались кривыми. Циркуль вместо окружностей описывал спирали замысловатой формы. Измеритель дважды вонзился в ее пальцы. Анна охнула и с трудом удержалась чтобы не вскрикнуть.

Часто человек берется за непосильное для себя дело. Он, однако, может справиться с ним или не справиться, в зависимости от того, в какие обстоятельства будет поставлен. И непосильное порою легко делается исполнимым, если человеком руководит страстное желание и упорство.

Николай и Зина поразились бы, взглянув сейчас на Анну. От прежней мягкости не осталось и следа. Чуждая Анне холодная суровость преобразила ее лицо. Глаза сузились, уголки плотно сомкнутых губ опустились вниз. На щеках вместо ямочек выдавались бугорки сжатых челюстей.

...Николай проснулся, когда в комнате уже было совсем светло. Приподнявшись, он с изумлением посмотрел на согнувшуюся над доской Анну. Волосы ее были спутаны, губы выпячены трубочкой. Она часто терла глаза кулаком и старательно отмеряла ватман измерителем.

— Аннушка, — спросил Николай, — чем это ты занята?

— Ой, сколько я тебе бумаги перепортила, — отозвалась Анна уставшим голосом. — Мажу да рву, рву да мажу. А этот, кажется, без грязи. Сейчас покажу.

Она сняла лист ватмана с доски и, осторожно держа его в вытянутых руках, поднесла к Николаю. Она улыбалась смущенной, но ясной улыбкой.

Разве мог он сказать ей, что чертеж никуда не годится!..

— Отлично! — воскликнул он. — Это как раз то, что мне нужно. Я не ожидал этого от тебя! Когда же ты научилась чертить?

— О! — ответила Анна. — У меня вполне достаточно было для этого времени. — Она оглянулась на часы и описала в воздухе круг пальцем. — Вполне.

В десять утра за Николаем приехала машина скорой помощи.

XVII

Косторева поместили в палату для троих.

— Не повезло нам с вами, — сказал ему сосед по койке, одновременно с ним поступивший в палату.

— Почему?

— К Степановой попали. Молода, стало быть, неопытна.

— Ну это вы напрасно, — возразил третий обитатель палаты. — Я Степанову на себе прочувствовал. Да и другие о ней хорошо отзываются. Что молода — ничего не скажешь, но что за каждого больного душу отдаст — тоже верно.

Не успел Косторов еще прийти в себя после переселения в клинику, как в палате появилась Степанова. Она присела к нему на койку, взяла его руку и стала считать пульс. А потом принялась прослушивать, простукивать, прощупывать. Ничего не сказав, она в глубоком раздумье смотрела на Косторева.

— Ну, как мой плевритик? — спросил Николай.

— Ничего, — ответила Степанова, уходя из палаты, а спустя час вернулась в сопровождении двух сестер.

— Помогите больному пройти в процедурную, — приказала она сестрам.

— Нет уж, пока я еще сам могу ходить.

Николай отстранил сестер.

— Не бравируйте, — рассердилась Степанова. — И попрошу не вмешиваться в мои распоряжения.

Голос ее прозвучал жестко. Сестры испуганно подхватили Николая под руки, а он послушно подчинился.

В процедурной Николая положили на покрытый простыней стол, раздели до пояса.

— Анестезию, — сказала Степанова.

Одна из сестер подошла к нему со шприцем в руках, вторая в это время протерла правую сторону груди спиртом. Ему сделали укол над тем местом, где он ощущал боль в легком.

Потом он увидел Зину. Она держала шприц с такой длинной иглой, что ему стало не по себе.

— Не волнуйтесь, товарищ Косторев, — сказала она, — мы заморозили кожу, и это не будет болезненно. Я сделаю пункцию вашего легкого.

— Не нужно, — сказал он сестрам, которые собрались держать его за руки, — я буду лежать спокойно.

На этот раз Степанова сделала сестрам знак, и они отошли в сторону.

Возвратившись в палату, Николай уже не застал в ней двух других обитателей. «Одного оставили, — мелькнула мысль, — чтобы никто не видел, как умирать буду».

Он заставил себя думать о другом, о своей втулке. Делают ли опытный экземпляр в цехе? Оправдает ли она свое назначение и нет ли ошибок в расчетах?

Вечером, когда под потолком палаты вспыхнула матовая лампочка, пришла Анна. Она была в белом халате и белой косынке. В руках она держала сверток.

— Вот и я, — сказала Анна, положив сверток на тумбочку.

Газета, в которой был сверток, лопнула. На пол посыпались яблоки и мандарины. Анна поспешно собрала их.

— Как ты себя чувствуешь на новом месте?

— Как и на старом, Аннушка. Но, боюсь, мне будет здесь скучно.

— Не будет. Тебе Зина скучать не даст. Одними осмотрами замучает.

— О да! Она меня сегодня чуть к столу не пригвоздила. Такую длинную иглу воткнула... Страшно вспомнить.

— Зина делала пункцию легких? — удивилась Анна, но тут же постаралась скрыть свое удивление. Делать пункцию разрешалось только опытным хирургам.

Николай коснулся пальцев Анны, осторожно погладил их. Угадав его желание, Анна положила руку на его ладонь. Он не выпускал ее все время, пока Анна находилась в палате.

А болезнь, словно испугавшись присутствия девушки, притаилась...

Николай не чувствовал ни боли, ни озноба, ни одышки.

После ухода Анны он лежал, глядя прямо перед собой. Он не заметил, как уснул. Его разбудили яркие лучи солнца, падавшие в окно. Появилась медсестра, измерила температуру, принесла завтрак. Николай не притронулся к еде. Опять начало лихорадить, а утихшая было боль стала еще невыносимее.

Днем его навестили Чулошников, Голубев и Ступникова. Они принесли столько конфет и фруктов, что даже при здоровом аппетите ему хватило бы их на добрую неделю.

— Не от себя,—пояснил Чулошников,—от всего бюро. Наказывают долго не болеть.

— Как шатунная втулка? — спросил Николай.

— Шатунная втулка... — Голубев и Ступникова смутились. — Мы сдали чертеж в цех, но цех не знает, как ее изготовить. Разница между диаметром в середине втулки и на ее краях всего две сотки. Поверхность должна иметь гиперболический профиль. Мы предложили копир.

— Копир не пойдет, — сказал Николай и стал искать под подушкой папиросы. Их там не было. Курить Степанова запретила и папиросы отобрала. — Курить есть, ребята?

— Есть, — Чулошников и Голубев одновременно вытащили папиросы.

— Двери плотнее закройте. Так. Копир, стало быть, не пойдет, — повторил он, жадно затягиваясь. — Копировать две сотки — смешно. Нужно что-то более оригинальное придумать. Вы думайте, все думайте. И я бы тут попробовал прикинуть, да... ограбили меня, начисто. Ни карандаша, ни бумаги.

Когда сестра выпроваживала посетителей из палаты, Чулошников на минуту задержался около Косторева.

— На-ка, держи, — шепнул он, косясь на сестру, и сунул под подушку блокнот с карандашом. — Главное, не падай духом.

— Не падаю, — Николай через силу улыбнулся. — А за это спасибо.

— Смотри только, не того, не очень-то старайся. В-о-от.... Ну, а втулку твою действительно мудрено изготовить. Всем бюро думали. Кроме копира ничего в голу не приходит. Копир же не годится, сам вижу. Две

сотки для нашего производства — точность непосильная.

— Ничего, придумаем. Решим и эту задачу...

— Ладно, ты лежи, отдыхай. А я побегу. Как черноглазая-то, не обижает тебя?

— Да ничего, только покоя от нее нет.

Чулошников покачал головой.

— Ну, лежи, лежи.

Оставшись один, Николай закрыл глаза. Жар в голове туманил сознание. Приходилось напрягать всю силу воли, чтобы сохранить ясность мыслей. В воображении возникла изогнутая феерическая линия—профиль втулки. Она напоминала собой лук, из которого Николай в детстве пускал стрелы. Гипербола... Изгиб две сотых доли миллиметра. Если гиперболу вращать вокруг оси, получится гиперболоид вращения — полная поверхность втулки. Две сотки дают выигрыш в двести лошадиных сил мощности. Но как получить эти две сотки в условиях массового производства?

...Палаты клиники погрузились в сон. Дежурная сестра дремала в коридоре у своего столика. Неслышной походкой проходили санитарки.

Николай лежал в полутьме, в висках стучали молоточки.

Гиперболоид вращения... Копир, конечно, не годится. Малейшая частичка пыли, попавшая на поверхность копира, исказит гиперболу, а то и совсем сведет ее на нет. Нужен совершенно иной принцип расточки. Но какой?

— С такой головой ни черта не придумаешь, — сказал себе Николай. — Вот если бы заснуть... Заснуть и проснуться отдохнувшим и свежим.

Он сделал попытку заставить себя не думать и если не уснуть, так хотя бы лежать без мыслей. Ничего не получалось... Мысли, тяжелые и навязчивые, продолжали бродить в его воспаленном мозгу.

Николай вспоминал приспособления для расточки втулок. Они проходили перед ним длинной вереницей, путаясь, теряя форму, заслоняя друг друга и неожиданно исчезая в тумане, из которого так трудно было вылавливать их снова. Он всматривался в расплывчатые контуры механизмов, мучительно вспоминая схемы кинематики. Память изменяла ему. А у него до сих пор была такая отличная память...

Так прошло много часов. Николай то впадал в забытье, то вновь видел перед собой путаницу из диковин-

ных, совершенно незнакомых ему механизмов. Только когда начало светать, пришел короткий сон.

Николай проснулся все с той же мыслью: как получить гиперboloид вращения, как решить задачу массового производства шатунной втулки?

И вдруг картина прошлого промелькнула перед ним.

Он вспомнил первые экзамены в институте. Это была зимняя экзаменационная сессия. И первым предметом сдавали тогда аналитическую геометрию.

Николаю достался билет с выводом поверхности гиперболоида вращения. Он отвечал четко и уверенно. Страшно придиричивый профессор математики, слушая ответы Николая, одобрительно покачивал головой.

— Ну-с, все это хорошо, — сказал профессор. — Значит, гиперboloид вращения может быть образован...

— ...вращением гиперболы вокруг оси, — закончил Николай.

— А еще как?

У каждого человека бывают минутные затмения. Конечно, Николай знал все способы образования гиперболоида. Ответ вот-вот готов был слететь с его языка, он мелькал где-то здесь, рядом и... ускользал.

— Ну-с? — профессор перестал покачивать головой и недоверчиво посмотрел на Николая.

За спиной профессора Николай увидел Василия Горшкова, своего друга. Тот сидел за столом, ожидая очереди. Василий, слышавший вопрос и понявший, что Николай находится в затруднении, показывал ему два скрещенных пальца.

— Гиперболоид вращения может быть образован также вращением прямой линии вокруг некоторой оси, — отчеканил Николай, — если эта линия не лежит с осью в одной плоскости и образует с нею некоторый угол.

По аналитической геометрии Николай получил «отлично».

Сейчас он рассмеялся. Если бы кто-нибудь услышал его, то, вероятно, подумал бы, что он бредит. Но он не бредил. На этот раз мысли его были удивительно ясны. Решение опять пришло до смешного простое. Скрещенные пальцы Василия Горшкова, две символические линии в пространстве напомнили Николаю один из элементарных способов образования гиперболоида вращения.

Он очень долго не мог отыскать блокнот и карандаш, спрятанные Чулошниковым под подушку. Резкие движения вызывали одышку и отчаянное сердцебиение.

После первых же проведенных на бумаге линий лицо его покрылось холодным потом. Он был вынужден закрыть глаза и некоторое время лежать неподвижно. Собравшись с силами, он опять принялся чертить.

Он не заметил, как в палате появилась Анна. Она, в свою очередь, наблюдала за ним с изумлением. Николай кашлял, задыхался, но продолжал водить карандашом по бумаге. Анна ничего не понимала: разве от этих карандашных набросков зависит его жизнь? Но не разум подсказал ей ответ. Душой своей, своим сердцем угадала она, что на бумаге рождается нечто такое, что сильнее страха за жизнь.

Когда Николаю пришлось вторично прервать черчение, он увидел Анну.

— Аннушка, — сказал он, — я окончательно разделался со втулкой.

— Вот и отлично, — сказала Аннушка, — я рада за тебя. Дай я поправлю подушку. Тебе так неудобно.

Поправляя подушку, она коснулась щекою его щеки.

— Все будет хорошо, — шепнула она, — не теряй мужества.

— Аннушка, милая Аннушка, — ответил он, — будь только ты рядом со мною!

XVIII

Через большие окна, занавешенные легкими прозрачными шторами, в кабинет заглядывало уже по-весеннему теплое солнце. Его лучи образовали на стене яркую чешуйчатую полосу, замысловатое чередование света и тени.

Степанова и Ершов только что возвратились из операционной. Ершов, подойдя к окну, откинул штору. Поток света хлынул в кабинет, отразился в стеклянных створках книжного шкафа, зайчиками заиграл на розовом листе плексигласа на письменном столе, навел ослепительный глянец на полированную поверхность мебели.

Зина опустилась в мягкое удобное кресло. Ершов сел напротив и стал набивать табаком трубку. Каждый раз, когда глаза их встречались, Ершов и Зина улыбались друг другу. Так обычно улыбаются сообщники, удачно выполнившие задуманное дело.

— Далеко, далеко пойдете, голубушка, — проговорил

профессор. — У вас врожденные способности хирурга. Собственно, сегодня вы уже могли бы свободно обойтись без моей помощи. Специализация ваша подходит к концу. Что же, на хирургическую работу перейдете?

— Даже не знаю, Павел Сергеевич. Прежде всего я бы желала быть вашим постоянным помощником в лабораторных работах.

— Двери для вас, Зинаида Алексеевна, всегда открыты.

— И хотелось бы еще пройти специализацию по нервным. Знаете, это совершенно необходимо. Терапевт...

— Слышал, слышал! — Ершов замахал на Зину руками. — Я искренне восхищен вашей жаждой знаний. Именно таким и должен быть настоящий врач: с обширным кругозором и виртуозным навыком в одной определенной специальности.

— Вот о чем я хотела поговорить с вами, Павел Сергеевич. Мы закончили серию опытов с вашим раковым препаратом.

— И что же?

— Вы все еще считаете преждевременным испытывать его действие на человеческом организме?

— Безусловно. Вчера вы были свидетелем смерти животного после введения препарата «триста девять». Внезапно... и пока еще непонятно...

— Да, но девяносто четыре процента животных совершенно здоровы и прекрасно чувствуют себя после того же «триста девятого». Разве это не победа, Павел Сергеевич? Тысячи людей гибнут от рака. Сколько смертей... Сколько трагедий...

— Начинаю догадываться, куда вы клоните, Зинаида Алексеевна. В нашей клинике имеется пока только один больной с *сarcinе рulmonis* — Косторов.

— Ему становится все хуже...

— Да, да... Печально.

— А время уходит. Смерть может наступить в любую минуту.

Ершов прищурился, выпустил сизую струйку дыма. Лицо его приняло сосредоточенное выражение.

— Победить рак — это пока моя мечта, — в раздумье произнес он. — Этим я живу, в этом для меня все. И я уверен, что нам, советским медикам, будет принадлежать первенство в решении загадки рака. Может быть, и наш препарат займет не последнее место.

— Первое, Павел Сергеевич, первое!

— Ну, голубушка, — Ершов развел руками, — наша клиника не единственная в Союзе. И мы не лучшие из лучших. Наши коллеги, может быть, придумают что-нибудь и посильнее. Кто знает? А спешить...

— Однако девяносто четыре процента...

— Переход на человеческий организм часто приносит разочарования. — В голосе Ершова слышалось раздражение. — Девяносто четыре процента могут легко превратиться в нуль. Следует изучить до конца действие препарата. Да-с. А убивать своими руками... Извините... Не могу.

— Павел Сергеевич, положение Косторева безнадежно... Рискните сделать инъекцию!.. Павел Сергеевич...

Ершов забарабанил пальцами по ручке кресла. На него начинало действовать возбуждение Зины. И вообще каждый раз, когда они спорили о чем-нибудь, Ершов невольно заражался ее настроением. Это не было слабостью его характера. Он оставался непреклонным в своих решениях. Многие в клинике побаивались крутого нрава профессора Ершова. Но Степанова... Он всегда досадовал на себя за это. Конечно, она очень способный растущий специалист. Однако молодость ее и отсутствие достаточного опыта заставляли Ершова проявлять к ней особую снисходительность и в работе, и в разговорах.

От Ершова Зина научилась чрезвычайно требовательно относиться к себе, проверять свои выводы, постоянно контролировать свои поступки. Но она не мирилась с медлительностью Ершова, с его непоколебимым принципом «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Не дождавшись ответа, Зина повторила:

— Рискните, Павел Сергеевич!

— Что значит «рискните»? Что значит «рискните»? — рассердился Ершов. — Не в преферанс, извините, играем, а с жизнью человека орудуем. Да-с! Сами не знаете, о чем просите. «Рискните»... Кто мне дал такое право?

— Но Косторов все равно...

— И тем не менее, при известных условиях, он протянет еще несколько месяцев.

— А тысячи других больных, Павел Сергеевич?

— Не мудрите, голубушка. В нашей клинике Косторов единственный с сапсер pulmonum.

— Я о всей стране говорю. Не мне объяснять вам, Павел Сергеевич, какое зло приносит нам рак.

— Нет, с вами спорить немыслимо!

Ершов встал с кресла и перешел на другую сторону стола.

— Может быть, вы боитесь, что смертельный исход после инъекции бросит тень на вашу репутацию? — спросила Зина.

— Зинаида Алексеевна! — Ершов вскинул бородкой. — Не обижайте меня. Не нужно. Не заслужил я.

— Простите. Но только я вас совсем не понимаю.

«Рискнуть» — эта мысль Зины захватывала уже и Ершова, превращаясь в тайное желание; оно волновало, тревожило. Но разум приводил слишком веские возражения. Не все было ясно и, самое главное, не было твердой уверенности в успехе.

Опыт давал Ершову все основания опасаться самых неожиданных реакций человеческого организма на введение в него противоракового препарата.

Пятно на репутации? Ерунда. Но он не допускал мысли, чтобы по его вине человек лишился жизни. Он ценил каждую минуту человеческой жизни, каким бы малым ни был счет этих оставшихся минут.

Закономерное течение экспериментальных исследований, которые лишь со временем должны были завершиться переходом от животных к человеку, было нарушено этой молодой женщиной. Ершов любил свою бывшую ученицу, а теперь постоянного ассистента при операциях и лабораторных экспериментах. Рядом с ней он чувствовал себя смелее, будто часть ее энергии передавалась ему. Но вместе с тем он побаивался ее заражающей любознательности, ее горячего стремления вперед, к тому, чего он достигал медленно и осторожно, что было плодом долгих лет работы.

«Рискнуть» — это уже выходило за пределы накопленного в течение почти трех десятилетий опыта. Да, он верил в свои способности, в свои прославленные руки хирурга, в свою интуицию экспериментатора. Он не боялся самых сложных операций. Но резкие повороты всегда опасны, следовало быть осторожным.

— Павел Сергеевич, — сказала Зина, — неужели мы должны оставаться молчаливыми зрителями гибели человека? Быть может, в наших руках спасение Косторева. Павел Сергеевич, у Косторева невеста, моя лучшая подруга. Вы ее знаете: Лаврова, Анна.

— Лаврова? — удивился Ершов и положил погасшую трубку на стол. — Как же, как же, отлично помню. Эдакая большеглазая и невозмутимая до невозможности.

— И у него мать, отец... в Саратове.

Ершов передвигал с места на место чернильницу, перекладывал с места на место карандаши. Его пальцы не находили себе покоя. Пытливый и просящий взгляд Зины тревожил его, заставлял все время сохранять на лице маску непроницаемости.

А Зина, приподнявшись в кресле и перегнувшись к нему через стол, прошептала:

— Давайте рискнем, Павел Сергеевич! Давайте рискнем! А?

Ершов отпрянул от нее. Горячий шопот испугал его.

«Рискнем!» — чуть было не сорвалось с его языка.

— Нет, нет! — торопливо возразил он. — Я не фокусник. Лечить кроликов да мышей не то, что лечить человека. Бог знает, до чего вы договариваетесь, Зинаида Алексеевна!

Зина выпрямилась, схватила сумочку. Лицо ее пылало, глаза стали совсем черными. Заглянуть в них Ершов не решался.

— Павел Сергеевич, — в голосе Зины зазвучали металлические нотки, — разрешите тогда мне... самой... попробовать действие препарата. Я... на себя беру последствия... какими бы они ни были...

— Что, что, что? И не думайте! — он замахал на нее руками. — Категорически запрещаю вам делать это. Вы слышите меня, Зинаида Алексеевна?

Зина, круто повернувшись, вышла из кабинета.

— Ну и ну, — Ершов погладил бородку и, глядя на двери, за которыми скрылась Зина, принялся набивать табаком трубку.

XIX

На улицу Зина вышла расстроенная. Под ноги ей попала пустая консервная банка. Она отшвырнула ее ногой, и банка, жалобно звеня, перевертываясь и подпрыгивая, долго катилась по тротуару.

По дороге домой Зина мысленно продолжала разговор с Ершовым. Она раздражалась по его адресу гневными тирадами, приводила на ее взгляд совершенно неопровержимые доказательства необходимости немедленно испытать действие противоракового препарата на Костореве.

Зина то оправдывала, то обвиняла Ершова. Конечно, риск это не метод. Испробовать новое средство на живом человеке без твердой уверенности в успехе не годилось, тем более, что Ершов опасался, как бы препарат не оказался губительным для человеческого организма.

И тем не менее она бы рискнула. Косторев погибает... Анна переживает трагедию. Нужно на что-то решиться и решиться немедленно.

В таких размышлениях, пройдя несколько кварталов, Зина вдруг остановилась. Внезапная мысль осенила ее, и она почти бегом бросилась обратно в клинику.

...Зина сошла с трамвая в заводском поселке, когда позади заводских корпусов разлилось багряное зарево заката. Гудела испытательная станция, где-то кричал паровоз и гремели составы.

Подойдя к своему дому, Зина замедлила шаги. Поставив в раздумье, посмотрела, как мальчишки гоняют по тротуару снежный обледенелый осколок, вздохнула.

По лестнице она вбежала быстро, но у дверей квартиры опять задержалась и, опустив голову, о чем-то подумала.

— Как Николай? — спросила ее Анна.

— Изменения в состоянии нет. Тебя ждет.

— Я сейчас иду.

Зина, не раздеваясь, засунув руки в карманы пальто, смотрела, как Анна торопливо накидывает платок.

— Подожди минуту... Анка, — сказала она. — Я хочу посоветоваться с тобой. Впрочем... нет... иди. Завтра.

Зина швырнула на стол перчатки, положила сумочку. Похрустывая пальцами, прошла по комнате. Ее глаза смотрели в пространство, мимо Анны, мимо стен комнаты. Однако, когда Анна направилась к дверям, Зина остановила ее.

— Ты все-таки не уходи, Анка, — сказала она, — иначе я не выдержу и сотворю все одна.

— А что же ты собираешься сотворить? — удивилась Анна.

Зина провела ладонями по щекам.

— Мы с Павлом Сергеевичем заканчиваем работу над противораковым препаратом, — сказала она. — Я тебе говорила об этом.

— Да, я помню. Смутные надежды на будущее...

— Николай обречен, Анка...

У Анны дрогнули губы.

— Разве я не знаю об этом?

— Я понимаю, тебе больно слушать меня, но я вот к чему речь веду. О результатах последних работ Ершова ты ничего не знаешь. А мы достигли самых замечательных результатов. Мы исцеляем рак легких у мышей и кроликов.

Анна сделала невольный шаг по направлению к Зине.

— Ну?

— Это открытие, Анка. Большое чудесное открытие. Оно принадлежит Ершову. От опухоли не остается и следа. Даже тогда, когда пошли метастазы. Славно, а? Мы вводим препарат непосредственно в кровь. Просто и безболезненно. Реакция наступает немедленно.

Незаметно для себя они оказались друг против друга. Стояли одетые в пальто, одна — возбужденная, с лихорадочным блеском в черных как уголь глазах, другая — застывшая неподвижно, с мучительно напряженным выражением лица.

— Я пыталась уговорить Павла Сергеевича попробовать препарат на человеке, но он и слушать не желает об этом. Дело в том... дело в том, что шесть процентов животных все-таки погибают после введения препарата. И мы пока еще не установили, отчего они погибают. И вот такая неопределенность удерживает Ершова от решительного шага.

— Он прав, пожалуй.

— А если неправ? Если уже сегодняшний состав препарата может исцелить обреченного на гибель человека? Наши поиски могут продлиться еще неопределенное время. Сколько людей погибнет напрасно? Среди них будет и тот, кого ты любишь, Анка.

— Так что же ты собираешься сделать? Что ты задумала?

— Понимаешь, Анка, — Зина принялась крутить бахрому на платке Анны, — Павел Сергеевич опасается, что противораковый препарат в своем настоящем составе может оказаться губительным для человеческого организма. Однако это — всего лишь предположение. Павел Сергеевич не настаивает на нем и в то же время не решается рискнуть.

— А ты... ты предлагаешь попробовать препарат на Николае?

— Вот я и решила посоветоваться с тобой.

— Я не позволю, — тихо произнесла Анна. — Убить своими руками... Нет, никогда!

Зина утвердительно наклонила голову, словно именно это и ожидала услышать.

— Совсем не обязательно вводить препарат больному человеку. Важно убедиться лишь в том, что он безвреден для человеческого организма, не грозит ему гибелью. А там... там уже дело Павла Сергеевича. Я решила испытать действие препарата на себе.

— Как... на себе?

Зина вернулась к столу и раскрыла лежащую на нем сумочку. Она вынула шприц и картонную коробочку с ампулой.

— Видишь? Вот он. Так называемый «номер триста девять». Я произвела пересчет дозы. Ты введешь его мне в вену. Или ты не решишься на это? Тогда я сама! А то попрошу завтра Полину.

Меняясь в лице, Анна расстегнула пуговицы пальто. Пальцы плохо слушались ее, она сильно побледнела.

— Трусиха ты, Анка, — пропела Зина, и все ее поведение с этого момента стало походить на игру хорошей актрисы. Сняв пальто, она швырнула его на спинку стула. — Люди себе чуму прививают и сохраняют полное спокойствие. А тут, подумаешь, шесть процентов. Зато, знаешь, как все это может повернуться? Николай встанет на ноги; любовь и счастье ждут вас. Потом... потом мы станем возвращать к жизни тысячи других отчаявшихся людей. Разве ради этого не стоит рискнуть?

Зина проявляла ту деловитость, которая бывала при-суща ей в поликлинике или во время экспериментов Ершова. Она включила плитку, сбегала за кастрюлькой в кухню и вернулась, расплескивая по дороге воду. Положив в кастрюльку шприц, Зина поставила ее на плитку.

— А теперь мыть руки, — скомандовала она.

Передавая друг другу кусок мыла, Анна и Зина умылись под одним краном. Так они обычно делали каждое утро, потому что любили поспать и понежиться в постели и вскакивали, когда времени до ухода в поликлинику оставалось в обрез.

— Препарат слегка подогревается, — сказала Зина и поболтала ампулой в кастрюльке. Она посмотрела ее на свет. Светложелтая жидкость искрилась. — Здесь как раз полная доза. Человеческая. Пять кубиков. Ты готова?

Анна молча кивнула головой. Она боялась разомкнуть плотно сжатые губы и с трудом сдерживала их дрожь.

Зина сняла кастрюльку, сбежала в кухню слить воду. Вынув двумя пальцами шприц, она положила его на кусочек разостланной на столе марли.

— Действуй, Анка.

Зина приподняла рукав платья и обнажила руку. У нее была смуглая, покрытая пушком кожа, чистая и гладкая как бархат.

Анна погрузила в ампулу шприц. Зина умолкла. Словно замороженная наблюдала она, как пустеет ампула, а бледножелтая жидкость, следуя за медленным движением поршня, заполняет шприц. Как Зина ни старалась оставаться спокойной, кончики пальцев ее вытянутой руки слегка дрожали.

Шесть процентов... Ничтожная, незначительная цифра... Но что, если она, именно она, Зина, окажется среди этих шести? Зина сжалась, окаменела. Ее брови сошлись вплотную черной мохнатой дугой над полуприкрытыми глазами. Она прогнала прочь замелькавшие было перед ней картины прошлого, которое по сегодняшний день оставалось таким светлым и хорошим.

— В институте ты очень ловко попадала в вену, — нарочито громко обратилась она к Анне. — Не разучилась, надеюсь?

Анна, стараясь не встречаться с ней глазами, молча кивнула головой.

— А вата? — спросила она.

— Ах, да, вата... Она в тумбочке.

Зина поспешно прошла в угол комнаты. Она звенела склянками и бутылочками, разыскивая тампон ваты. Возвратившись к столу, Зина не сразу сообразила, что произошло. Анна стояла в той же выжидающей позе: с поднятой вверх иглой шприца и опущенной левой рукой. Но по кисти ее левой руки, догоняя друг друга, стекали две капельки крови, а шприц был пуст.

— Анка! — не своим голосом закричала Зина. — Анка, что ты наделала? Как... Как ты посмела?

Анна смотрела на нее спокойно, невозмутимая, как всегда; только глаза ее стали еще больше да губы теперь приоткрылись, обнажая полоску зубов.

— Ты не имеешь права рисковать собой, — тихо сказала Анна, — ты будешь спасать людей от рака. А я... я люблю Николая...

— В постель! — скомандовала Зина. — Сию же минуту! Ромео и Джульетта... С вами с ума сойдешь.

На рассвете Анна проснулась от озноба. Она лежала, наблюдая за неясными тенями на стенах и на потолке, а потом, чувствуя, что ей становится все хуже, разбудила Зину.

XX

Сомнения приходят в любых случаях. Самая твердая уверенность в успехе может быть поколеблена, если на пути встанет непредвиденное препятствие в виде неудачного стечения обстоятельств.

Зина пожалела о случившемся. Правым все-таки оказывался Ершов. Вот он, риск — Анна. Разве Зина простит себе, если с Анной случится то, о чем она боится и подумывать?

А с Анной происходило что-то неладное. Разбуженная ее голосом, Зина вскочила с постели и босая, в одной рубашке, подбежала к подруге.

Стремительно поднималась температура. Анна металась в постели, не узнавала Зину и широко открытыми глазами ловила мелькавшие перед ее воображением бредовые видения.

Темносиний сумрак за окном сменялся голубым расцветом, розовело небо на востоке.

Где-то заговорило радио. Может быть, на верхнем этаже... а может быть, на проспекте. Там на фонарном столбе висит этакая трубища...

В подъезде захлопали двери; хозяйки спешили на базар... Застучали скребки дворников, сбивающих лед с тротуара. Все больше звуков возникало с наступлением трудового дня. Скоро к ним стали примешиваться шаги людей, идущих на завод.

...Анна слабела. Силы оставляли ее. Она обмякла, вытянулась, застыла неподвижно.

Пожалуй, впервые в жизни Зина растерялась и почувствовала себя беспомощной. Обычные средства не приносили Анне облегчения. Очень скоро Зина убедилась, что может оставаться только молчаливым наблюдателем.

Бежать за Ершовым?

Зина сунула ноги в боты, накинула пальто. Но, оглянувшись на Анну, остановилась в нерешительности. Что, если самое страшное случится в ее отсутствие?

Зина хрустнула пальцами и застонала. Нет, что угодно, но смерти Анны она себе не простит. Опустившись перед кроватью на колени, Зина приложила ухо

к груди Анны. Сердце билось едва различимыми слабыми толчками.

Медленно тянулись часы...

Зина страшилась отойти от постели Анны хотя бы на одну минуту. Ей казалось, что только ее присутствие задерживает наступление роковой развязки.

И вдруг она заметила, что Анна дышит ровнее. Зина вскочила. Долго стояла прислушиваясь. Сон? Да, ошибиться она не могла: лицо Анны горело, ей было еще очень плохо, но организм уже начал справляться с нанесенной ему травмой.

Только под вечер Анна с трудом разомкнула веки.

— Зина, — позвала она, — ты... здесь?

— Здесь, Аннушка, здесь, — Зина порывисто наклонилась над Анной. — Ну? Как, родная?

— Теперь ничего... Теперь все хорошо.

Анна пошевелила пальцами, будто убеждаясь в том, что снова владеет ими. Повернула голову к Зине и поспешно закрыла глаза: прямо в лицо ей падали лучи заглянувшего в окно солнца.

— Сердце, — пояснила она, — видимо, у меня неважное сердце.

— Мне так хочется отшлепать тебя, — готовая раслакаться от радости, сказала Зина.

— У Николая отличное сердце.

— Знаю и, пожалуй, лучше чем ты. Только... только я боюсь, что Павел Сергеевич все-таки нам не поверит.

— Но почему?

Зина пожала плечами:

— Скажет, что один человеческий организм — это еще не доказательство.

В течение трех следующих дней Анна медленноправлялась после введения противоракового препарата. Зина убегала на прием в поликлинику, на дежурство, в лабораторию Ершова, и Анна оставалась одна. Теперь Анна проявляла нетерпение, настаивала на немедленном введении препарата Николаю.

Но Зина отделялась молчанием, хмурилась и утаивала подробности разговоров с Ершовым о лечении Николая противораковым препаратом.

На исходе четвертого дня, когда Анна окончательно поправилась и встала с постели, Зина возвратилась с выступившим на щеках нездоровым румянцем. Глаза ее

были мутными. Разделась она с трудом и тотчас же села на стул.

— Что с тобой? — спросила Анна. — Нездоровится?

— Пустяки, — ответила Зина, — просто теперь твоя очередь за мной поухаживать.

— Я не понимаю.

— Будто?

— Ты ввела себе противораковый препарат?

Зина утвердительно кивнула головой.

XXI

— Сегодня Ершов разрешил открыть окно в твоей палате, — сказала Анна, входя. — Посмотри, как хорошо на улице.

Николай, сидевший на койке, отложил в сторону книгу и встал на ноги.

Анна распахнула обе створки окна. Теплый поток весеннего воздуха хлынул в палату. Он приподнял занавеску, коснулся волос Анны, шевельнул страницы оставленной на койке книги...

— Чу-дес-но! — Николай вздохнул всей грудью. — Весна.... Слышишь, Аннушка? Гудит.

В палату донесся отдаленный шум испытательной станции завода.

— Сколько еще Ершов намерен держать меня здесь? Я чувствую себя совершенно здоровым.

— Потерпи чуточку, — шепнула Анна, — теперь уже недолго. Все страшное позади.

Николай обнял Анну, коснулся губами ее волос и хотел что-то сказать, но дверь распахнулась, в ней показались Зина, за ней Чулошников, Голубев, Ступникова.

— Ай-яй! — протянула Зина, погрозив пальцем обоим. — Температура нормальная?

— Нормальная, — ответила зардевшаяся Анна.

— Все отлично, Зинаида Алексеевна, — подтвердил Николай.

— Да уж теперь я для вас не Зинаида Алексеевна, а просто Зина. Мои функции врача окончены. Ершов разрешил вас выписать из клиники. В-о-о-т... И делу конец. Смотрите, не забудьте позвать на свадьбу.

— С выздоровлением, дружище, — сказал Чулошников, встряхивая руку Николая. — Искренне рад за тебя. Да не только я. Все бюро привет передает.

— Спасибо, друзья, спасибо. — Николай пожал протянутые руки Голубева и Ступниковой. — Да поскорей рассказывайте, что на заводе делается.

— Пожар от твоей втулки.

— На испытательной? — испугался Николай.

— Зачем на испытательной? В бюро, в цехах, на всем заводе. Двигатель заново проектируем, цехи на новые детали перестраиваются. Министерство проект одобрило. И похоже, что теперь мы будем ведущими, а соромовчане — дублером.

— Хорошо, ой, как хорошо! Вот когда мы по-настоящему победили! Эх, на завод скорее бы. До чего же я по чертежной доске соскучился!

— Да мы ли одни победили? — Чулошников посмотрел на Зину и на Анну. — Ты забываешь о союзниках, Никола. Спасибо вам за товарища, Зинаида Алексеевна, и вам, Анна Александровна. Весь наш завод знает о вашем поступке. Вы оказались сильнее смерти.

— Мы? — удивилась Анна.

— Такими сильными нас делает любовь, — сказала Зина. — Да ты не красней, Анка. Я не только о твоей любви говорю. Я говорю о любви к Родине, ко всем нашим советским людям. Не будь этой любви, и Николай никогда не решил бы своей задачи, со втулкой. Труд во имя любви к Родине и к ее людям — благородный труд! Он не может не дать блестящих результатов!..

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Повесть

I

Светлоглазый широкоплечий юноша вышел из дверей вокзала в ту минуту, когда паровоз уже издал протяжный басистый свисток. Юноша был в тщательно выутюженном темном костюме, на борту пиджака малиновым пятнышком поблескивал комсомольский значок, из под мягкого воротничка рубашки виднелся яркий полосатый галстук.

Скорый Москва—Владивосток тронулся, но молодой человек и не думал спешить. Размахивая небольшим чемоданом, он шел с таким невозмутимым видом, будто был твердо уверен, что без него поезд никуда не уйдет. У края перрона он выждал, пока с ним поравняется нужный вагон, и легко вскочил на подножку.

— Ишь ты, какой неторопливый! — заметил кондуктор, пропуская его в тамбур.

В купе появление молодого человека встретили с удивлением.

— Ах! — сказала женщина с нижней полки. — Вы могли опоздать.

— Никогда! — весело и беззаботно отозвался юноша. — Это только поезда опаздывают.

— Разве мы опаздываем?

— Да, на четыре минуты. А вот сейчас поезд поведет наш, североуральский машинист, и никаких опозданий не будет.

Он присел на нижнюю полку, достал из кармана бумажник и, не обращая внимания на своих спутников, погрузился в созерцание небольшого листка бумаги.

Это было командировочное удостоверение.

Конечно, у молодого человека имелись и время, и возможность насмотреться на удостоверение значительно раньше, но, видимо, очень необычным было задание, с которым он отправлялся в путь.

В командировке говорилось, что Михаил Алексеевич Карпов, конструктор дважды орденоносного станкостроительного Североуральского завода, направляется на Сарденский машиностроительный комбинат для выяснения причины выхода из строя координатно-расточных автоматов типа «Микрон-3».

Михаил Карпов впервые ехал в командировку, к тому же в такой отдаленный район. Сарден находился на берегу Татарского пролива, а Карпов ни разу не выезжал даже за пределы своей области. Именно поэтому он имел сейчас крайне озабоченный вид.

Проводник принес постель. Миша сам постлал ее. Он снял и аккуратно сложил пиджак, заботливо разложил на чемодане галстук, затем сам забрался на полку, а через несколько минут уже крепко спал, сладко посапывая носом.

Поезд шел по высокой насыпи. Вагон, мягко покачиваясь на рессорах, все дальше уносил Михаила от Североуральска. Позади оставались сначала сотни, потом тысячи километров. Поезд мчался через степи, через леса, мимо сел и городов, с пронзительным свистком проскакивая полустанки. Случалось, что дождь хлестал в стекла вагонов и вспышки молнии освещали небо. Но поезд обгонял грозу, и опять жарко пригревало солнце. По утрам в низинах стлался туман, поднимаясь к насыпи, и лохмотья его путались в колесах.

За Иркутском навстречу поезду зашумела прозрачная Ангара, а за нею открылась вдруг вся ширь голубого Байкала. Над Байкалом кружились чайки, волны подкапывались к самой насыпи. Извилистая линия гор опоясывала озеро-море. Поезд долго нырял из туннеля в туннель. Миша начал было считать их, но вскоре сбился со счета. И горы и Байкал остались позади. Леса расступились, и впереди распахнулись зеленые бурят-монгольские степи.

Миша часами простаивал у окна, не уставая смотреть на меняющийся пейзаж. Но когда сгущались сумерки, он не знал, куда девать себя. Публика в вагоне попала тихая. В купе курить не разрешали, в домино, его любимую игру, никто не играл, песни тоже никто не пел.

Миша читал книгу за книгой и слушал неумолкающие потоки звуков из репродуктора, висевшего в коридоре;

радио трещало без отдыха с восьми утра до двенадцати ночи.

Однажды, когда запели любимую песню Миши «Прощайте, скалистые горы», он попробовал подтянуть, но женщина с нижней полки одернула его:

— Во-первых, вы мешаете слушать музыку,— сказала она, — а во-вторых, страшно врете.

Миша не обиделся, оборвал пение.

Иногда, словно спохватившись, он вдруг снова принимался рассматривать свое командировочное удостоверение и все чаще доставал из чемодана тоненькую книжечку с изображением станка на обложке. Книжка называлась «Инструкция по обслуживанию координатно-расточного автомата «Микрон-3». На обороте обложки можно было прочесть: «В составлении принимали участие...» Далее следовало около десяти фамилий составителей, список которых замыкала фамилия Миши.

Он бережно перелистывал страницы. На лбу его появлялись озабоченные складочки, глаза становились строгими.

В день отъезда начальник проектного отдела сказал ему:

— Если тебе придется разрешать спорные вопросы, не забывая об инструкции. Сарденский комбинат обязан выполнять ее без малейших отступлений. «Микрон-3» не токарный станок. Это первый в мире координатно-расточный автомат. Понимаешь? — Автомат.

— Как никак, сам проектировал,— не без гордости ответил тогда Миша. — Если поспорить придется, то не беспокойтесь, Алексей Михалыч. Я свою задачу понимаю. Я вроде как бы представитель фирмы.

— Вот именно! Представитель советской станкостроительной фирмы. Это ты хорошо сказал, Карпов. Не забывай и всего остального, о чем мы говорили с тобой относительно финансовой, рекламационной стороны дела. Не спеши, как можно глубже вникай в дело. А ежели окажется, что вина наша, что же... душой не криви!

Михаил Карпов был рядовой конструктор проектного отдела. За его спиной был год с небольшим производственного стажа в качестве молодого специалиста. Он знал, что ему предстоит пройти еще немалый путь, чтобы стать опытным конструктором завода. И тем большую ответственность чувствовал он, направляясь на далекий Сарденский комбинат для решения вопроса о координатно-

расточных автоматах, в создании которых он принимал хоть и не ведущую, но все же немаловажную роль.

Иногда он начинал волноваться. Перед ним возникал естественный вопрос:

— Справлюсь ли?

Он торопливо доставал папиросы и шел в тамбур. Там подолгу стоял у окна, наблюдая за убегающими назад полями, телеграфными столбами и одинокими постройками среди бескрайней степи.

II

В Хабаровске Миша простился со своими спутниками, вышел из вагона. Но на этом его поездка еще далеко не кончилась. В Хабаровске предстояла пересадка на Комсомольск, а в Комсомольске, после переправы через Амур, нужно было сесть на поезд, идущий к Сардену.

На исходе был одиннадцатый день пути, когда поезд вылетел на берег темнофиолетового, почти черного моря. Дробно стуча колесами, с пронзительными свистками, он долго петлял на бесконечных поворотах, пока, наконец, домчался до двухэтажного гранитного здания и отдуваясь остановился около него.

Это был Сарден.

Солнце утонуло в море, быстро сгущались сумерки. Остроконечная гряда сопок полукругом обступила разбросанный на склонах городок.

Комбинат находился в двенадцати километрах от города, в тайге. Узнав, в каком направлении следует идти, Миша прямо с вокзала отправился в путь.

Огни комбината появились неожиданно, когда Миша после длительного подъема очутился на гребне холма. Он изрядно вспотел за эти двенадцать километров. Чемодан его был довольно тяжелый. В нем находился кое-какой инструмент, прихваченный на всякий случай. А главное, уж очень неровной была местность: дорога шла то вверх, то вниз, то снова вверх.

Среди двухэтажных корпусов рабочего поселка Миша разыскал гостиницу. Обитатели ее уже спали. Мише отвели койку в комнате во втором этаже. Койки стояли тесно; проходя между ними, Миша задевал чемоданы.

— Это что за слон тут бродит? — спросил кто-то, проснувшись. — Или глаз у тебя нет?

Миша извинился. Быстро раздевшись, он забрался под одеяло и вскоре заснул.

Наступило утро. Где-то далеко, далеко запел гудок, и где-то совсем рядом ему стал вторить мощный певучий бас.

Когда главному инженеру доложили о приходе представителя Североуральского завода, он отодвинул в сторону все папки с бумагами, даже те, на которых стояло «Весьма срочно», и сказал:

— Пусть войдет. Дождались, наконец-то, — прибавил он, обращаясь к сидевшему рядом с ним начальнику производства.

В кабинет вошел Миша Карпов.

— Разрешите?

Отрекомендовавшись, Миша протянул через стол свое командировочное удостоверение и опустился на стул.

Главный инженер ему понравился, хотя и разговаривал немного грубоватым тоном. У него было широкое скуластое лицо с квадратным подбородком, бескровные губы, узкие глаза с мохнатыми бровями и коротко подстриженные седеющие волосы.

— Хорошо ли вы представляете себе, почему мы вызвали представителя с вашего завода? — едва взглянув на командировку, спросил главный инженер.

— Да, конечно, — Миша кивнул головой и, не зная куда девать руки, стал гладить край стола. — Мы получили от вас телеграмму. Я не читал ее сам, но меня предупредили... то есть мне объяснили, что два автомата не дают вам нужной точности. Видимо, вы их не можете настроить.

Главный инженер переглянулся с начальником производства. Оба усмехнулись.

— Сколько времени вы провели в дороге?

— Одиннадцать суток.

— Так вот, товарищ Карпов, в течение этих одиннадцати суток следом за двумя первыми автоматами вышли из строя еще восемь. Все они могут быть сданы в утиль. А у нас всего-навсего восемнадцать автоматов. Что прикажете делать с комбинатом? Закрывать и ждать, пока ваш завод научится работать?

Румянец на щеках Миши стал чуть-чуть гуще, но светлые голубые глаза продолжали смотреть на главного инженера спокойно, внимательно и с уважением.

— Все это очень серьезно, — согласился он.

— Простите,— вмешался в разговор начальник производства,— а вы по профессии... кто?

— Конструктор.

— Старший конструктор?

— Нет, просто конструктор.

— Ах, просто конструктор,— с притворной любезностью протянул начальник производства.— Чудесно! Правда, чудесно, Валентин Федорович?— и, обращаясь к Карпову, продолжал:

— Удружили вы нам со своими станочками. Коллектив нашего комбината от всей души благодарит Североуральский завод за такое необычное новшество в технике. Когда вернетесь домой, так и передайте: «большое спасибо от дальневосточников». Техника, мой милый юноша, не любит скоропалительных и непродуманных новинок.

— Да, да,— охотно согласился Миша,— скоропалительные выводы к добру не приводят.

Начальник производства подозрительно покосился на Мишу, но в голубых глазах юноши не было ни малейшего признака иронии.

— Мы всего лишь четыре года осваиваем «Микроны»,— пояснил Миша.— Нам война помешала... А Швейцария двадцать лет осваивала свои СИП'ы...

— Мы теряем время на пустые разговоры,— прервал его главный инженер.— Вы, товарищ Карпов, являетесь ответственным представителем завода-поставщика, а мы, ваши потребители, предъявляем вам иск за негодную продукцию. Работа комбината парализуется, мы причиняем государству миллионные убытки. Понимаете? Миллионные. Нужно в самом срочном порядке составить рекламационный акт на списание и замену вышедших из строя автоматов. Начните с того, что обсудите с Анатолием Ивановичем, — он жестом руки указал на начальника производства, — текст рекламационного акта.

— Я хотел бы увидеть станки,— заметил Миша.

— Вы их увидите позже, когда договоритесь...

— Я хотел бы их видеть раньше.— И Миша добавил смущенно: — Это мое законное право.

Главный инженер принялся барабанить пальцами по столу. Затем повернулся к пульту, на котором стоял добрый десяток телефонов, и нажал кнопку звонка. Вошла секретарь.

— Вызовите ко мне немедленно Крещенко,—приказал главный инженер.— Сейчас придет начальник цеха

координатно-расточных станков, — пояснил он Мише, — пройдите с ним в цех и все посмотрите на месте.

В ожидании начальника цеха все трое молчали. Главный инженер барабанил пальцами по столу. Миша разглядывал орнаменты на стенах, а начальник производства не спускал с него своих насмешливых выпуклых глаз.

Наконец, пришел начальник цеха, и вместе с ним Миша поспешно вышел из кабинета.

Главный инженер и начальник производства несколько минут молчали.

— Ну, что ты скажешь об этом ответственном представителе? — спросил главный инженер.

Начальник производства пожал плечами:

— Зеленый юнец, не более, не менее.

— Вот именно. Прислать мальчишку, когда речь идет о миллионах убытка... Да его больше интересуют узоры на стенах этой комнаты, нежели решение рекламационных вопросов.

— А вы не волнуйтесь, Валентин Федорович, — успокоительно произнес начальник производства. — Не все ли равно, кто подпишет рекламационный акт. Нам важно что? Чтобы все убытки нашего комбината были отнесены на счет Североуральского завода, чтобы вышедшие из строя станки были заменены новыми, тоже за счет их завода. А представьте себе: приехал бы какой-нибудь волк-станочник и начал бы выискивать поводы и отговорки, находить всяческие возможности для отвода вины от своего завода с тем, чтобы перевалить ее на наши плечи. Рекламационное дело — дело хитрое. Стоит только обнаружить малейшее отклонение от инструкции по обслуживанию, и вот уже явится формальный повод для отклонения претензий.

— Да, но если виноваты мы, то так и следует признавать, — проговорил главный инженер. — Кстати, ты проверяешь выполнение инструкции?

— В цехе есть начальник, Валентин Федорович. Если еще после Крещенко проверять, что же тогда с другими цехами делать? Одной проверкой заниматься?

— Короче говоря, — главный инженер нахмурился, — обдумай и подготовь текст рекламационного акта. Только не тяни. Мы уже сорвали августовскую программу. Досадно, что «Микроны» не выдержали испытания.

III

Миша шел рядом с начальником цеха между длинными и просторными корпусами цехов по асфальтовому тротуару. Начальник цеха, длинный, худой мужчина средних лет, вышагивал широченными шагами, и Миша едва поспевал за ним.

— Из Североуральска? — спросил он Мишу, хотя уже знал, что он именно оттуда.

— Да.

— Как жизнь там?

— Хорошая.

— И погода хорошая?

— Да, и погода не плохая.

— А у нас дожди и дожди. Вот только два дня как лить перестало. Простите, как ваше имя и отчество?

— Михаил Алексеевич.

— Большое дело предстоит вам, Михаил Алексеевич.

— Да, — подтвердил Миша.

— Справитесь?

— Отчего не справиться; конечно, справлюсь.

Крещенко удивленно сверху вниз посмотрел на своего спутника. Не то, чтобы ответ прозвучал очень твердо и уверенно, но он был произнесен с такой простотой, что начальнику цеха невольно захотелось поверить этим словам, хотя, откровенно говоря, он сильно сомневался в этой возможности.

— Вот наш цех, — сказал он, когда за первым корпусом начался следующий, отличающийся обилием стекла и ажурностью металлических переплетов. — Кстати, моя фамилия Крещенко. Но прошу вас называть меня Марком Захаровичем.

Миша утвердительно кивнул головой. Следом за Крещенко он поднялся по узкой металлической лестнице на антресоли цеха, где помещались служебные помещения. От цеха их отделяла перегородка, состоящая из маленьких прямоугольников матового стекла, поэтому Миша не мог увидеть, что делается в цехе, хотя услышал знакомый звук работающих станков.

— Как вы собираетесь приступить к работе? — спросил Крещенко. В деловом тоне его не было того недоверия, которым встретили Мишу главный инженер и начальник производства. — Я лично не представляю себе, в чем тут дело. Вначале у нас шло все хорошо,

станки работали как полагается, мы обрабатывали детали с любой необходимой для комбината точностью. Но потом, спустя месяц с немногим после пуска комбината, станки начали выходить из строя один за другим. Никаких видимых причин к тому не было. Если бы случаи были единичные или происходили явные поломки... А то вот, стоит станок, все в нем такое же, как и в первый день работы, но точности обработки не получается. Брак идет массовый.

Они разговаривали стоя. Оба курили и энергично жестикулировали. Неприятность с координатно-расточными автоматами волновала обоих.

— Что обо всем этом думают люди, работающие на станках? — спросил Миша.

— Скажу вам откровенно, Михаил Алексеевич: на мой взгляд в станке имеется какая-то конструктивная недоработка. Вот такая именно, сказать затрудняюсь. Я и мой народ еще не встречались с такими сложными агрегатами. Скорее всего что-то связано с электроавтоматикой.

— Что же, все это вещь вполне возможная, — согласился Миша.

— Вот именно, — оживился Крещенко, — трудно придумать что-нибудь другое. Главное, почти одновременный выход десяти станков из строя.

— Странно.... и очень неприятно.

— Еще бы! Знаете, как сейчас на нас смотрит весь коллектив комбината? Как на виновников срыва производственной программы. Боюсь, что нас когда-нибудь просто избыют, — добавил он полушутя.

Миша рассмеялся.

— А может быть, так и следует? — сказал он.

— Сомневаюсь. Так, значит, с чего же мы начнем?

— Я хотел бы пройти в цех.

— Дело.

Они бросили окурки в пепельницу. Миша направился к дверям, но Крещенко остановил его.

— Минуточку, — сказал он и прошел в угол кабинета, где стоял шкаф. Из шкафа он достал два чистых белых халата, из которых один протянул Мише. — Так требует ваша инструкция и такой мы завели порядок.

Чистое и светлое помещение цеха понравилось Мише. Только что выстроенный комбинат во всех отношениях

являлся передовым предприятием: оборудованный по последнему слову советской техники, он имел большую производственную мощь и в нем были созданы наилучшие условия труда.

В цехе ни на полу, ни на стеллажах не было ни одной лишней вещи. У станков — ажурные металлические тумбочки для инструмента и для обрабатываемых деталей. Между пролетами станков, на высоких подставках, стояли цветы.

Посредине цеха шел широкий центральный пролет. По одну сторону стояли «Микроны», а по другую — швейцарские СИП'ы. На «Микроны» Миша взглянул с радостной улыбкой, будто попал в круг старых знакомых, а на СИП'ы только покосился. СИП'ы у него вызвали ревнивое чувство. Это были чужие машины, которые можно было терпеть как явление временное.

— На каком станке хуже всего получается расточка? — спросил Миша у Крещенко.

— Ярославцева! — закричал Крещенко. — Где Ярославцева?

Между пролетами станков показалась женская фигура в белом халате. Это была девушка примерно одних лет с Мишей и почти такого же роста, то есть далеко не высокая. Из-под белой косынки, повязанной на голове, выбивались черные волосы. Глаза тоже были черные, ресницы длинные, нос остренький, а пухлые губы сложены так, будто она вот-вот готова рассмеяться.

— В чем дело, Марк Захарович? — спросила девушка и покосилась на Мишу.

— Это сменный мастер участка ваших «Микронов», — сказал Крещенко, обращаясь к Мише, — познакомьтесь.

Девушка протянула руку Мише и сказала:

— Ярославцева.

Рука у нее тоже была маленькой. Пожимая ее, Миша подумал: «Такая пуговка и — сменный мастер».

— Который станок барахлит больше всего? — спросил Крещенко.

— Вот, пожалуйста.

Все трое подошли к одному из «Микронов», стоявших в ряд у застекленной стены цеха. Миша провел рукой по глянцевой поверхности станка. На ладони остались следы пыли. Миша поморщился, но ничего не сказал.

— Станок бездействует, так что ухаживать за ним некому, — пояснила девушка.

— Все равно, — возразил Миша. — Это нарушение нашей инструкции. Значит, в цехе плохая вентиляция.

— Мы можем сделать анализ воздуха, если хотите, — сказал Крещенко. — Здесь, в этом помещении, все в таких нормах, какие требует ваша инструкция. На станке пыль накопилась за две недели, вещь вполне естественная для любого идеального помещения.

— А тот, кто работал на этом станке, хорошо его знает? — спросил Миша.

— На нем Юсупов работал, — ответила Ярославцева, не глядя на Мишу. — Наш лучший координатчик. Ясно?

— А где он сейчас?

— Временно на СИП'е работает, на втором участке. Там у них кто-то на бюллетень ушел.

— Нас сейчас только СИП'ы и поддерживают, — покусывая усики, проговорил Крещенко и, встретившись взглядом с Мишей, удивился: на него смотрели светлые холодные и, пожалуй, даже злые глаза. — Да, координатчики у нас лихие, — поспешно добавил он. — Сто пятьдесят, двести процентов дневных норм вырабатывают.

— Юсупов сейчас на СИП'е почти триста дает, — хмуро заметила Ярославцева. — Там все просто, а здесь, — она пренебрежительно махнула на «Микроны», — морока сплошная.

— Никакой здесь мороки нет, — сердито ответил Миша. — Просто вы не знаете станка и не научились на нем работать.

— Вот как? — вспыхнула девушка. — Что же, посмотрим, чему нас научит представитель завода.

— Я проведу с вами техминимум.

— Вы вот попробуйте станки в ход пустить! — сказала Ярославцева. — Техминимум мы и сами кому нужно прочтем. Мы опозорились из-за ваших автоматов. Такого у нас на комбинате еще не бывало. Правда, не бывало, Марк Захарович? Что ни день, то станок из строя выходит. А вчера сразу два остановились. Детали в брак пошли! Кому говоришь, так не верят!

— Тише, тише, Верочка, — успокоил ее Крещенко. — Не нужно ссориться. Товарищ приехал, чтобы выяснить, почему все это получается. Нам следует оказать ему помощь. Обеспечь его, пожалуйста, инструментом и представь в его распоряжение кого-нибудь из людей.

— В помощи мы не откажем, — сказала Вера, успокаиваясь.

— Мне будет нужен Юсупов, — сказал Миша.
— Что ж, Юсупов так Юсупов.
— Когда вы намереваетесь начать работу? — спросил Крещенко.
— Сегодня же. Схожу в гостиницу за комбинезоном и начну.
— Я могу быть свободной? — спросила девушка. — Меня на участке ждут.
— Да, да, Верочка. Товарищ потом подойдет к тебе.
— Смелая девушка, — немного погодя сказал Крещенко, когда Ярославцева скрылась между станками. — Огонек! Мне немало пришлось поскандальить с начальником производства, прежде чем утвердили мой приказ о ее переводе в сменные мастера. Упрямая, но дельная. Лишнего говорить не любит. И хоть самая молодая в цехе, все уважают ее. Один недостаток: вспыльчивая. А вспылит... — Крещенко покачал головой, — берегитесь: съест!

IV

По дороге в гостиницу Миша намечал план предстоящей работы. Он понимал, что чудес в природе не бывает и потому должны существовать вполне определенные причины выхода станков из строя. Однако по пути между комбинатом и гостиницей его охватывали самые противоречивые чувства. То он боялся, что не найдет неисправности, затратив на ее поиски слишком много времени, то, мысленно воскрешая отлично известные ему схемы кинематики, электрической, масляной и прочих систем, приходил к твердой уверенности, что быстро найдет дефект. Потом опять появлялись сомнения.

Координатно-расточные автоматы выполняли сложнейшие операции механической обработки деталей. Только с их помощью можно было расточить в детали несколько отверстий, выдержав координаты, расстояние между их осями, с какой угодно точностью, вплоть до одного микрона, одной тысячной доли миллиметра.

Естественно, что и сами автоматы представляли собой необычайно сложные механизмы, изготовленные с предельной точностью.

Североуральский станкостроительный завод первым не только в Союзе, но и вообще в мире, начал производство координатно-расточных автоматов. До сих пор

единственным поставщиком станков для координатной расточки была швейцарская фирма СИП. При всей точности обработки СИП'ы имели существенный недостаток: ручную настройку. На обработку каждой отдельной детали уходило много времени.

Ручная настройка не могла удовлетворить нашу быстро развивающуюся промышленность. И правительство поставило перед Североуральским заводом двойную задачу: освоить изготовление координатно-расточных станков, освободив страну от необходимости их импорта и создав при этом принципиально отличную от СИП'ов конструкцию станка-автомата.

Конструкция координатно-расточных автоматов так же далеко отстояла от конструкции обычных СИП'ов, как далеко авиационный мотор отстоит от велосипеда.

Началась генеральная реконструкция цехов, перестройка всего технологического процесса.

Едкая бетонная пыль, сквозь которую с трудом пробивались конусы солнечного света, наполняла помещения цехов. Звенел металл, грохотали подъемные краны, скрипели лебедки, перекликались человеческие голоса. Часть оборудования цехов заменялась новым, более совершенным, другая часть была расставлена в ином порядке. Появились новые участки, ранее не известные на заводе: участок ограничительных реле, участки масло-системы, опытной сборки и много других.

Но самые горячие денечки, какие бывали лишь в военное время, переживал проектный отдел. Он должен был создать конструкцию координатно-расточного автомата. Не существовало чьего-либо опыта, опираясь на который можно было бы спроектировать свой, более совершенный механизм. Конструкторы в общем коллективном усилии нащупывали необходимые формы.

Да, это были денечки!

Михаилу Карпову тогда казалось, что ему всю жизнь за них не отоспаться. Рассчитывали, чертили, рвали чертежи, начиная все снова, пока, наконец, не появилась первая конструкция координатно-расточного автомата — «Микрон-1».

Тут уж досталось технологам, формовщикам, литейщикам, токарям, шлифовщикам, сборщикам, электрикам. Да и кому тогда только не досталось!

Но «Микрон-1» не пошел...

Автомат оказался сложным в сборке и капризным в работе. Для массового производства он не годился.

Тогда проектный отдел разработал совершенно новую, принципиально отличную от всего известного в технике, электрическую схему автоматики. Сколько споров, сколько тревог и сомнений вызвала эта смелая необычная идея, у которой не было автора, ибо в ее создании участвовал весь коллектив отдела.

Работа началась сызнова не только в проектном отделе. Все цехи завода опять приступили к перестройке технологического процесса, к освоению новых деталей.

Появился «Микрон-2». Он был прост в монтаже, прост в настройке. Но когда его поставили на длительное испытание, то есть попробовали работать на нем непрерывно несколько суток, то в нем обнаружилась масса неожиданных дефектов: поломки в тех узлах, где их вовсе не ожидали, разрегулировка реле и т. д.

Только спустя четыре года после начала работ появился, наконец, «Микрон-3». Его принимала приехавшая из Москвы правительственная комиссия.

Какие тревожные дни переживали тогда конструкторы, технологи, литейщики, токари — все работники завода от директора до рядового рабочего.

Станок выдержал испытание. Его допустили к массовому производству. Задвигался полукилометровый конвейер монтажного цеха, и первый эшелон, груженный «Микронами», вышел с заводского двора.

Дни проектирования координатно-расточного автомата были лучшими днями в жизни Михаила Карпова. В этой работе он почувствовал себя настоящим конструктором. «Микроном-3» гордился весь завод, а в создании его небольшую долю своего труда вложил и Миша. Вот почему с первого дня отъезда из Североуральска он чувствовал себя немножко торжественно настроенным и подтянутым.

Он ехал разрешить недоразумение в работе «Микронов», и совсем не случайно выбор пал именно на него: все знали, что Миша буквально влюблен в станки. Координатно-расточный автомат был для него идеалом. Миша не выходил из монтажного цеха, пока ему не разрешили принять участие в сборке. Он делил свое время на три неравные части: проектный отдел, монтажный цех и короткий сон. Больше для него в то время ничего не существовало.

Казалось бы, что волноваться? Конструкцию он знает, навыки в монтаже имеет. Но он еще никогда не волновался так, как в первые минуты разговора с главным инженером. Волновался он и сейчас, надевая на себя комбинезон. Ведь ответственный представитель должен знать абсолютно все. Что скажут работники комбината, если он не сумеет найти неисправности?

V

Волнение исчезло, как только Миша приступил к работе. В помощники ему дали Юсупова, молоденького узбека. Вокруг автомата поставили жестяные ширмы, чтобы грязь не разносилась по цеху.

Сначала около Миши и его помощника собирались станочники. Всем было любопытно посмотреть, как ответственный представитель завода будет искать неисправность в станке, и все почему-то считали, что он найдет ее немедленно, стоит только ему начать работу.

Но представитель Североуральского завода начал с внешнего осмотра станка. Потом он попросил Юсупова расточить одну деталь, чтобы убедиться в неисправности автомата, и, пока Юсупов производил расточку, Миша ходил вокруг станка, щупал летевшую из-под резца стружку, чуть слышно что-то насвистывал.

К концу смены он не отвернул еще ни одной гайки. Станочники один за другим разочарованно отходили прочь.

— Пойдешь домой? — спросил Миша Юсупова.

— Ты не пойдешь, мне зачем уходить. Вместе чинить будем.

— Ну, хорошо. Сейчас мы с тобой схему электроавтоматики начнем проверять.

Карпов осматривал каждый провод, каждый винтик, каждую катушку. Тщательность, с которой он это делал, очень удивила Юсупова.

— Будто блоху ищешь, — покачал он головой. — От блохи станок не испортится.

— Верно! Люди портят станки!

— Плохие станки, подвели нас.

— Ну, ну, ты не очень-то, джигит.

— Я не джигит, — обиделся Юсупов, — я координатчик. Починишь станок, покажу свою работу.

За спиной Карпова раздался короткий смешок. Он оглянулся и увидел Ярославцеву. Она стояла, засунув руки в карманы халата, в прищуренных глазах ее прыгали веселые искорки. Миша, стараясь не обращать на нее внимания, опять принялся сосредоточенно перебирать провода. Но он чувствовал, что девушка продолжает стоять за его спиной. Его так и подмывало еще раз взглянуть на нее. В движениях появилась странная неловкость, которая мешала ему сосредоточиться.

— Наверное, у вас в Сардене не кино, ни театра не бывает, — громко обратился он к Юсупову. — У нас, знаешь ли, на заводе так не принято, чтоб в цехе толпились зрители.

— Если вы меня в виду имеете, то напрасно, — сказала девушка. — Я сдала смену и по дороге домой остановилась взглянуть. Счастливо оставаться. Больше вам никто мешать не будет.

Ярославцева ушла. Миша посмотрел ей вслед. Ему стало досадно на самого себя. Пусть бы смотрела, что тут особенного...

Но, погрузившись в работу, он сейчас же забыл обо всем на свете; он видел только бесконечную паутину проводов, связывающую узлы станка в единое целое.

Первый день работы (точнее — вторая половина его, потому что Миша приступил к работе уже в третьем часу) прошел без всяких результатов. Хотя Миша и не надеялся обнаружить неисправность так быстро, но тем не менее бесплодные поиски подействовали на него удручающе.

Возвратившись в гостиницу, он достал из чемодана чертеж автомата, развернул его на кровати и, встав на колени, погрузился в размышления.

На следующий день он продолжал проверку электрической автоматики.

План его действий был вполне определенный: сначала проверить электрическую часть автомата, потом механическую, оптику, а там уже все остальное.

К обеденному перерыву он покончил с осмотром реле, проверил электромоторы и всю паутину проводов. Он мог дать какую угодно гарантию, что в этой части автомата неполадок нет.

Миша присел на чугунную отливку расточенной Юсуповым детали и задумался. Начиная поиски дефекта, он надеялся найти его прежде всего в сложных и чувствительных реле. Теперь он должен был признаться, что те-

ряется в догадках, где еще может скрываться причина неисправности.

Юсупов не спускал с Миши внимательных глаз.

У автомата неожиданно появилась Ярославцева, посмотрела на Мишу, на разобранные реле, постояла немного и молча исчезла.

В конце смены девушка снова подошла. Миша в это время снимал с автомата оптические приборы, намереваясь разобрать весь шпиндель.

— Так ничего и нет? — спросила она.

— Ничего нет, — ответил за Мишу Юсупов и развел руками.

— Вы конструктор? — поинтересовалась девушка.

— Конструктор, — ответил Миша.

— Когда я окончила институт, я тоже просилась в конструкторское бюро.

— И хорошо, что туда не попали.

— Это почему?

— Потому что из вас конструктор не получился бы...

Девушка вспыхнула.

— Действительно, стать таким конструктором, как вы, сплошное несчастье.

Миша ожидал, что теперь она уйдет, но Ярославцева, заходя то с одной стороны автомата, то с другой, наблюдала за его работой.

— Вам бы лучше всего в отделе технического контроля работать, — заметил Миша.

— А вам, вернее вашему почтенному заводу, прежде чем присылать инструкции с громоподобными предостережениями, следовало бы сначала техническое описание составить. А то вот посмотрим мы на ваши автоматы, как баран на новые ворота...

— Справедливое сравнение.

— ...и гадаем: как же у него внутри все устроено?

— Да уж это не СИП'ы, конечно.

— Ах, оставьте СИП'ы в покое!

— Я их терпеть не могу.

— И я также.

— Да ну?

Миша прекратил работу и недоверчиво покосился на девушку.

— Что вы думаете, мы с Юсуповым не понимаем, какая разница между автоматами и СИП'ами? Это швейцарская шарманка нам давным-давно надоела.

— Да неужели?

Бесстрастный тон Миши окончательно вывел Ярославцеву из себя.

— Подумаешь, какой умник в наши края приехал! — фыркнула она. — Автоматы вещь хорошая, только научитесь их делать сначала.

— Не спешите с выводами, Верочка!

— Для вас я не Верочка, а Вера Семеновна.

Ярославцева все-таки не ушла от автомата. Впрочем обмен «любезностями» продолжался недолго. Вера не была особенной любительницей подобных разговоров и не ради них задерживалась около Карпова. Сначала она просто наблюдала за его работой, но потом, когда он разсбрал шпиндель и обнажил сложную кинематику передачи, Вера подошла ближе и попросила Мишу объяснить ей работу механизма.

Сама не зная того, Вера задела слабую струнку Миши. Еще в институте товарищи любили его за то, что, первым поняв объяснения профессора, он обычно, не дожидаясь просьбы слушателей, начинал все подробно пояснять. Ну, а уж когда его просили... Правда, подчас его пояснения бывали куда многословнее, чем объяснения самого профессора. Но как бы там ни было, а Миша всегда радовался, когда являлась необходимость в его пояснениях.

Начав с кинематики шпинделя, он перешел к коробке скоростей и еще дальше — к приводу, а в прямой связи с приводом находилось ограничительное реле. Юсупов с Верой ходили следом за Мишей вокруг автомата, засовывали головы в раскрытые коробки.

Уже в двенадцатом часу ночи девушка объявила, что на сегодня хватит.

— Мне остались сущие пустяки, — взмолился Миша, — рассказать оптику и масляную систему.

— Ой, не могу, — засмеялась Вера, — я совсем засыпаю. Сегодня день какой-то сумасшедший был. Избежалась я..

Они все втроем вышли из цеха.

VI

Крещенко наблюдал за работой Карпова издалека, на расстоянии. Но глаз у него был острый, и он сразу оценил достоинства Миши как настоящего опытного монтажника.

Все четырнадцать лет своего производственного стажа Крешенко провел на работе со станками. Он любил станки, считая их высшим творением человеческой мысли. Они для него, как и для Миши, были краеугольным камнем всей промышленности страны.

Немало станков собрал он своими собственными руками и теперь с чувством глубокого удовлетворения наблюдал за быстрыми, точными и уверенными движениями рук Миши.

— Этот найдет, — решил он, — такой не может не найти.

На третий день в самый разгар работы. Карпова вызвали к начальнику производства. Уже поднимаясь по лестнице заводоуправления, он вспомнил, что ему предстоит не только найти неисправность в автоматах, но еще принять участие в другой, незнакомой ему и неприятной стороне всего этого дела: в составлении рекламационного акта.

В приемной толпился народ, и секретарь, попросив Карпова обождать минутку, скрылась в кабинете.

— Анатолий Иванович просит вас, — сказала она, возвратившись в приемную. — Пройдите, пожалуйста.

Миша вошел в кабинет. Начальник производства поднялся ему навстречу. Он поздоровался с такой сердечностью, которая невольно тронула Мишу.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Расскажите, что вам удалось сделать за эти дни. Я, знаете ли, не мог присутствовать при разборке автомата. У меня столько хлопот, — просто закружился.

— Я сделал и много и мало, — ответил Миша. — Я просмотрел электроавтоматику и часть механической системы...

— Но неисправности не обнаружили?

— Не обнаружил.

— Плохо. На нас насаждает министерство. Сегодня получили телеграмму. — Начальник производства взял со стола бланк и протянул его Мише. — Да вы садитесь, Михаил Алексеевич, садитесь.

Миша опустился в кресло. Начальник производства сел против него и, закинув ногу на ногу, поглаживал подбородок. Выражение его лица и все его обращение с Мишей были совершенно иные, чем в прошлый раз. Миша охотно простил насмешливое недоверие, с которым тот встретил его сначала. Он даже мысленно оправдал поведение начальника производства.

В телеграмме был приказ немедленно сообщить состояние дел с «Микронами». В ней, кроме того, запрашивалось, какие меры приняты со стороны представителя завода для выявления причин неисправности автоматов.

— Обратите внимание на подпись, — заметил начальник производства. — Телеграмма подписана лично министром. Видите, насколько все это важно! Вопрос нужно решать немедленно.

— Какой вопрос? — слово «министр» смутило Мишу.

— Вопрос об обмене станков. Вам не удалось найти причину неисправности, и я с полной ответственностью утверждаю, что вы и не найдете ее. Все дело в конструктивной недоработке. Можете поверить мне. Я повидал на своем веку немало станков. От вас сейчас требуется только выполнение необходимых формальностей.

Начальник производства рывком открыл ящик стола и вынул лист бумаги.

— Вот, пожалуйста, прочтите, Михаил Алексеевич. Я считаю, что с вашей стороны не может быть никаких возражений.

Это был «рекламационный акт». Он начинался, как обычно начинается всякий акт: «Мы, нижеподписавшиеся...» Очень подробно перечислялись типы автоматов, их заводские номера, гарантируемый срок работы, величина неточности обработки, то есть все, что характеризовало станок и его состояние. Затем следовало заключение о непригодности автоматов к дальнейшей эксплуатации, заключение о необходимости конструктивной доработки существующего типа «Микрон-3». А в самом конце решение: «Североуральский завод обязуется немедленно обменять вышедшие из строя автоматы на новые и возместить все понесенные комбинатом убытки».

Пока Миша читал рекламационный акт, начальник производства наблюдал за ним пристальным взглядом.

— Прочли? — вежливо осведомился он, когда Миша положил акт на стол рядом с телеграммой.

— Прочел.

— Прошу подписать.

Начальник производства обмакнул в чернильницу ручку и протянул ее Мише.

— Нужно подумать, — сказал Миша.

— Подумать? — начальник производства усмехнулся, и лицо его стало опять неприятным: в нем появилось какое-то брезгливое выражение, как бы подчеркивающее

сознание собственного превосходства. — О чем тут еще думать? Акт нужно подписать немедленно. Каждый потерянный день — это миллионные убытки. Мы приносим ущерб государству. Понимаете ли вы это?

— Понимаю.

— Ну, и что же?

Миша опустил глаза.

— Это очень ответственный шаг.

— Да уж конечно, ответственный. Мы не в бирюльки играем.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула секретарша.

— Опять телеграмма, Анатолий Иванович, — сказала она, — из Москвы, из министерства.

— Ваши «Микроны», кажется, нас с ума сведут, — принимая телеграмму, сказал начальник производства. — Я вижу, мы с вами так ни до чего хорошего не договоримся. Прошу вас пройти со мной к главному инженеру. Может быть, он сумеет убедить вас.

Главный инженер беседовал с главным механиком и главным энергетиком завода. Миша прислушался к его тону: он говорил неторопливо, видимо, обдумывая каждое слово.

Освободившись, главный инженер вопросительно взглянул на Мишу.

— Итак? — спросил он.

— Представитель завода отказывается подписать рекламационный акт, — пояснил начальник производства.

— Почему?

— Я считаю составление акта преждевременным, — сказал Миша, — я не обнаружил неисправности.

— Твое мнение, Анатолий Иванович?

— В автоматах какая-то конструктивная недоработка. И чем скорее мы от них избавимся, тем лучше.

— Подожди, такие выводы меня не удовлетворяют. Что вы нам посоветуете, товарищ Карпов?

— Я? — Миша пожал плечами. — Я не могу советовать, пока не найду неисправности.

— А разве вы не понимаете, во что обходится нам каждый день простоя? Акт, конечно, нужно подписать, и немедленно. Если у вас имеются какие-нибудь реальные основания воздержаться от этого, тогда дело другое. Но, как мне уже доложили, вам не удалось обнаружить дефекта. Обнаружить его не могли и мы. В чем же тогда дело?

Миша молчал. Он не находил слов для возражений. Факты были против него. Десять автоматов вышли из строя, и это не могло быть простой случайностью или недосмотром людей, которые на них работали. Значит, ему не в чем винить комбинат.

И тогда Миша подумал: «Почему бы не подписать?» На этом кончатся все его обязанности ответственного представителя. Он вздохнет свободно и, вернувшись в гостиницу, поспешно соберет свой чемодан... Потом волнующая суতোлка вокзала... Паровозный свисток... Замелькают мимо телеграфные столбы, и поезд помчит его в обратный путь к далекому, родному Североуральску.

А что скажут на заводе?...

Ругать его едва ли будут. Он сделал все, что от него требовалось. Он осмотрел автомат и не обнаружил неисправности. Да, да, он не может абсолютно ни в чем винить работников комбината. И разве не обязан он, в конце концов, верить таким авторитетным людям, как главный инженер, начальник производства и начальник цеха?

Избегая встречаться глазами с нахмуренным взглядом главного инженера и насмешливыми глазами начальника производства, Миша взял протянутую ему ручку. Потом он еще ближе пододвинул к себе рекламационный акт...

VII

...И все-таки его не подписал...

Одного короткого мгновения оказалось достаточно для того, чтобы внезапно найти тот довод, который Миша так мучительно искал в течение всего разговора.

Миша решительно отодвинул акт и положил на стол ручку.

— Я не подпишу, — твердо сказал он, ни на кого не глядя.

Он знал, что главный инженер и начальник производства не сводят с него глаз.

Мысль, внезапно осенившая Мишу, была очень простой и ясной.

Подписывая акт, он не только признавал выпуск заводом недоброкачественной продукции. Нет, за его подписью скрывалось нечто большее: честь завода, честь его многотысячного коллектива, создавшего координаторские автоматы.

Создавая «Микроны», все они — конструкторы, технологи, литейщики, электрики, монтажники — считали, что создают отличные, первоклассные, самые лучшие станки в мире. Но вот он подпишет акт, признавая тем самым, что гордиться вовсе и нечем, что «Микроны» еще далеко не оправдывают своего назначения. Значит, что же? Нужно прекратить их изготовление и снять с эксплуатации?..

Осваивая «Микроны», Североуральский завод выполнял правительственное задание. Координатно-расточные автоматы были нужны не только Сарденскому промышленному комбинату, в них нуждалась вся страна. Бракуя их здесь, на комбинате, Миша подписывал им смертный приговор вообще.

А разве он нашел дефект? Разве он знает, каков характер неисправности?

— Глупое детское упрямство, — пробормотал главный инженер.

Привстав, он с грохотом захлопнул ящик стола и опустился в кресло. — Чорт знает, что такое!

— Значит, «мы» умнее всех? — делая ударение на «мы», заметил начальник производства. — Значит, главный инженер комбината ничего не понимает, а Михаил Алексеевич — авторитет?

— Я не подпишу, — повторил Миша. — Я вовсе не считаю себя авторитетом, но я поступаю так, как нахожу нужным.

— Он находит нужным... Мальчишка! «Ответственный представитель»...

Миша вспыхнул и посмотрел на начальника производства исподлобья.

— Я командирован своим заводом, — сказал он, — и вы обязаны относиться ко мне с уважением. Я отвечаю не только за дефект автомата, но и за честь коллектива, который его создал. Ответственный — за все.

— Можете идти! Нам не о чем с вами больше разговаривать, — устало махнул рукой главный инженер.

Миша встал и вышел. Он шел по коридору, что-то насвистывая, и, только дойдя до тупика, сообразил, что идет совсем не в ту сторону. Он нервно рытал пачку папирос, долго не мог зажечь спичку, а выкурив папиросу, заметил, что стоит у дощечки с предупреждением: «Не курить».

— Спокойствие, Михаил Алексеевич! — произнес он вслух. — Вы представитель весьма солидной фирмы. На

воротах вашего завода красуются изображения двух орденов Ленина. То-то!

Главный инженер в это время нервно шагал по кабинету.

— Когда, в конце концов, кончится вся эта история с автоматами? — спросил он, круто останавливаясь около начальника производства. — Или я должен оставить все дела и сам заняться этим вопросом?

— Я думаю, Валентин Федорович, — ответил начальник производства, — что пока вся тяжесть работы координатно-расточного цеха будет покоиться на «Микронах», подобные истории не перестанут повторяться.

— Ну?

— Я считаю... м-м-м... я считаю необходимым просить министерство о закупке СИП'ов. Неприятно, конечно, отказываться от своих отечественных станков, но... но как временное мероприятие это спасет нас. СИП'ы вполне надежны.

— Но один наш «Микрон» по своей производительности равен трем СИП'ам!

— Теоретический «Микрон», Валентин Федорович, теоретический. Я же замучился с цехом Крещенко. Только и слышишь: «Микроны», «Микроны» и «Микроны».

— Мы получили ведь только первую партию.

— Вторая едва ли будет лучше.

— Нет! — главный инженер вернулся к столу и, опустившись в кресло, решительно сказал, раскрывая папку с бумагами: — Нет, о СИП'ах не может быть и речи! Будем ставить вопрос об обмене. Думаю, что Североуральский завод сумеет извлечь уроки из всей этой истории. Надо проверить еще раз, как выполняется инструкция цехом Крещенко.

— Да инструкция, что ж...

— Немедленно свяжись с министерством, сообщи им о состоянии дел. А главное, не тяни. Я согласен с тобой, что этот юнец не подходит для решения рекламационных вопросов. В общем, поступай как нужно.

— Ясно, Валентин Федорович. М-да, вот так орешек оказался, — вздохнул начальник производства. — И кто бы ожидал? На вид тихоня-тихоней. Неспроста говорят, что в тихом омуте черти водятся.

Миша возвратился в цех. Не так-то просто было продолжать работать после всего, что произошло в кабинете главного инженера. Он чувствовал себя так, будто на

него вылили ведро холодной воды. Но он решил ни в коем случае не прекращать работу.

— Продолжим? — спросил он ожидающего его Юсупова.

— Давай, давай, — сказал Юсупов. — Чего дальше?

— Да... чего дальше?

Миша закрыл глаза и задумался. Электроавтоматику он проверил, механическую часть осмотрел, оптика в порядке. Маслосистема? Но все детали смазаны прекрасно, масло подается во все узлы нормально.

— Давай-ка соберем автомат да расточим пару деталей. Может быть... — Миша в раздумье покачал головой, сам не зная, чего ожидает от этого «может быть».

Они собрали автомат. Юсупов принес детали, установил их. Миша ходил вокруг работающего станка, прислушивался к гудению мотора, к шелесту вращающихся в коробках шестерен, к перестукиванию контактов реле, пытаясь уловить какой-нибудь выпад в этой симфонии звуков. Нет, станок работал с ритмом часового механизма.

Из-под резца летела тонкая чугунная пыль.

Расточенную деталь отнесли в контрольный отдел. Ее забраковали. Вторая деталь получилась в норме. Поспешно расточили третью. Опять брак.

— Выключай, — приказал Миша Юсупову. — Подумаем. И знаешь что? Пойдем в лес, на самую высокую, превысокую сопку.

— Иди один, — засмеялся Юсупов, — я пойду пока на СИП'ах работать. Конец месяца, нужно на программу нажимать. Помогу ребятам.

VIII

Лес со всех сторон окружал комбинат и рабочий поселок, подступая к ним вплотную. Высокие кедровые ветви в два-три обхвата переплетали свои ветви с раскидистыми лиственницами. Природа здесь была своеобразна и необычна; здесь можно было встретить северные растения в сочетании с южными, кусты дикого винограда рядом с черникой и рябиной.

Но едва ли все это замечал Миша, бродивший по лесу. Перед глазами его возникали схемы реле, кинематика автомата. Его мысли в поисках дефекта продолжали блуждать среди паутины проводов.

В гостиницу Миша вернулся ночью, страшно усталый, но зато с новым, твердо принятым решением.

Утром он сказал Крещенко:

— Я думаю приступить к осмотру следующего автомата.

— А... этот? Что-нибудь обнаружили?

Миша отрицательно покачал головой.

— Пусть отдохнет. Может быть, тогда сам исправится.

— Ну, что ж... я не возражаю. Все, что вам потребуется для работы — спрашивайте, не стесняйтесь.

Самое трудное было взглянуть в глаза Юсупову.

— Как же мой автомат? — удивился Юсупов. — Разве ты уже починил его?

— Мы вернемся к нему.... позднее.

— Не можешь починить? — прямо спросил Юсупов.

— Починю, джигит, починю, — весело ответил Миша и похлопал Юсупова по плечу. — У второго автомата дефект может быть более ярко выражен. Понимаешь? Не найдем у второго — третий осмотрим, четвертый, пятый... десятый. Но все равно найдем.

Юсупов утвердительно кивнул головой, губы его улыбались, но глаза смотрели серьезно и недоверчиво.

Досадно было еще и то, что у станка перестала появляться Вера Ярославцева. Проходя мимо, она бросала на Мишу равнодушные взгляды. Значит, она тоже не верила...

Пожалуй, единственным человеком на комбинате, который еще продолжал верить в Мишу, был Крещенко. Настойчивость Миши была ему по душе. Он понял, почему Миша перешел ко второму автомату. Другой уже давно отказался бы от поисков, ну, а этот добьется своего!

В этот день Крещенко несколько раз подходил к автомату.

— Ну как, станочники? — спрашивал он, обращаясь одновременно к Мише и к Юсупову. — Скоро автомат доканаете?

— Крепок! — смеялся Миша. — Дюжит! Не хочет рассыпаться.

— Вот же хитрая бестия!

— Что и говорить!

— У меня собственный мотоцикл. Кажется, на что простая машина, с «Микронами» ни в какое сравнение не идет, а поди ж ты, иногда такие фокусы выкидывает — диву даешься! Один раз повез семью в лес на прогулку.

Километров двадцать отъехали — он и заглохнул. Не заводится, и все тут! Я уж бился, бился над ним. Пришлось мне и мотоцикл и ребятишек на себе тащить. Наверное, с тех пор я такой худой и остался.

— Неисправность все-таки нашли?

— Нашел. Такой пустяк оказался, что смешно и вспомнить. Просто сразу на глаза не попадался. И ты найдешь. Если захочешь, найдешь. Вечером приходи ко мне. Одному-то, наверное, скучно в Сардене? Приходи, на мотоцикле прокачу. Если что, так вместе тащить легче будет.

— Приду, — засмеялся Миша, — обязательно приду.

В обеденный перерыв в опустевшем цехе наступила тишина. Миша остался один. Хотя он ничего еще не ел в этот день, но голода не чувствовал. Ему было не до еды.

Он вскрыл только что просмотренное реле ограничения.

Нет, что-то все-таки здесь было не так. Должна же в самом деле существовать вполне реальная причина неисправности? Ну ясно, должна.

Миша включил станок на холостой ход. Загудели электромоторы и трансформаторы реле. Миша присел на корточки и стал ощупывать провода. Он уже дважды проверял все соединения, а теперь упрямое желание добиться своего заставило его повторять все сызнова. Ему казалось, что вот еще один миг, еще одно усилие, и он увидит неисправность, поймет в чем дефект.

Сбоку от коробки реле, в станине станка, находилось продолговатое окошко, закрытое лючком. Миша снял лючок, чтобы осмотреть шины, подводящие напряжение от общей магистрали к реле. Они представляли собой медные прямоугольные пластинки. На шинах сидели катушки. Это были чрезвычайно чувствительные устройства. Самые незначительные повреждения могли нарушить слаженное взаимодействие механизмов автомата.

С вниманием и щепетильностью часового мастера Миша проверял каждый винтик и, увлекшись, забыл о том, что станок включен.

Катушку, закрепленную на шине, он осмотрел благополучно. Может быть, и дальше все обошлось бы хорошо, если бы, закрепляя шину, он не задел рукой поверхность оголенной, не покрытой краской станины.

Сильный и неожиданный удар заставил его громко вскрикнуть. Отдернув руку от станины, Миша маши-

нально схватился за вторую шину. Тогда пальцы обеих рук свело судорогой, они сомкнулись вокруг шин мертвой хваткой, не подчиняясь его воле.

Миша всем телом рванулся назад, прочь от станка, больно ударился головой о край лючка, но освободить пальцы не смог. Они, деревенея, сжимались все сильнее и сильнее. Горячая волна прошла через его тело, вызывая боль в мышцах, заставляя замирать сердце.

Он попытался крикнуть, но в горле только забулькало, перед глазами пошли мутные круги. Он не видел, как в пролете между станками белой молнией метнулась Вера и, бросившись к распределительному щиту, рванула на себя общий рубильник.

Все разом прекратилось. Пальцы разомкнулись. Миша откинулся назад, но чьи-то небольшие крепкие руки уже подхватили его и осторожно опустили на пол.

Не размыкая глаз, он жадно ловил воздух и испытывал необычайное наслаждение от того, что опять дышится так легко и свободно.

Открыв глаза, он увидел над собой испуганное лицо Веры.

— Ну? — спросила она. — Что?

Она помогла ему приподняться и сесть. Виновато улыбаясь, Миша сделал попытку встать. Колени его дрожали. Он посидел еще немного, но, опасаясь, как бы его не увидел кто-нибудь в таком смешном положении, встал и несколько минут стоял, прислонившись спиной к стене.

— Как же ты это? — тихо спросила Вера. — Разве так можно?

— Ничего, пустяки... — Миша стал сжимать и разжимать онемевшие пальцы. — Отходят... А здорово встряхнуло... Это ты... выключила?

— Я.

— Ну... ладно. Спасибо тебе.

Побледневшие щеки Миши постепенно принимали естественный цвет.

— Могло бы ведь и насмерть, — добавил он и вдруг с необычайной остротой осознал, что, действительно, все могло кончиться очень печально, не появившись в цехе Вера. Ему хотелось пожать ее руку, сказать ей хорошее, ласковое слово...

Происшествие осталось незамеченным другими работниками цеха. Крещенко, спустившийся было с антресолей,

чтобы посмотреть, как идут дела у Миши, увидел, что «ответственный представитель» и сменный мастер мирно беседуют у станка...

Крещенко возвратился в кабинет. В эту минуту раздался телефонный звонок. Звонил начальник производства. Крещенко слушал сначала в недоумении, потом усики его гневно зашевелились.

— Нет! — закричал он в трубку. — Нет, нет! Эти фокусы ты, Анатолий Иванович, оставь для себя. Что? И не думай, не позволю. Оставить его без Юсупова? Не выйдет! Коли потребуется, я ему еще двух слесарей выделю. Пусть работает на здоровье. Да, да, пусть работает. Миллионы? За наш счет? Что ж, ежели заслужили, так и выложим, а палки в колеса вставлять не стану. Вот как? Ты не пугай меня, не пугай. Нет! — рявкнул он и швырнул трубку на рычаг с такой силой, что она подскочила, едва не опрокинув аппарат.

Успокоившись немного, Крещенко схватил кепку, распахнул дверь и ринулся вниз по лестнице. Лестница была крутая, металлические ступеньки очень узки. Поскользнувшись, Крещенко едва не скатился вниз. Широкими шагами направился он к заводууправлению, в партком.

— Чорт знает, почему такого мерзавца держат на комбинате, — ворчал он по пути, — не понимаю, как только его главный инженер терпит! Но я не позволю! Нет уж, у себя в цехе я не позволю...

IX

В восемь вечера, когда Миша вернулся с завода в гостиницу, его позвали к телефону. Звонил главный инженер. Он просил немедленно прийти к нему.

В приемной было много ожидающих, но, как и в прошлый раз, Мишу немедленно пропустили в кабинет.

— Садитесь, Михаил Алексеевич, садитесь, — сказал главный инженер. — Сегодня я вас долго задерживать не буду и, надеюсь, вы меня не задержите. Телеграмму мы получили с вашего завода. Адресована она вам. Прочтите-ка.

Миша развернул телеграмму; она была от директора завода. «Оформите акт согласно законному требованию комбината. Немедленно возвращайтесь. Сотов».

К столу подошел вошедший следом за Мишей начальник производства.

— Во-от и всем тревоблениям конец, — сказал он и с насмешливой улыбкой подал Мише все тот же рекламационный акт. — Никогда не следует перечить людям, которые и старше вас, и знают больше. Когда будете готовы к отъезду, — позвоните. Я распоряжусь перебросить вас самолетом до Хабаровска. Там наш представитель посадит вас на курьерский поезд или в мягкий вагон скорого. Я думаю, что мы расстанемся друзьями.

— Мне бы очень этого хотелось, — сказал Миша.

— Вы в общем не плохой юноша, — мягко заметил главный инженер. — Упрямство у вас есть, это да. Вам следовало сразу же подписать рекламационный акт, а не тянуть до сегодняшнего дня.

— Я и сегодня не собираюсь его подписывать.

Голос Миши прозвучал жестко. Сквозь прищуренные веки голубые глаза его смотрели холодно. Лицо приняло суровое выражение.

В кабинете наступило тягостное молчание. Главный инженер, откинувшись на спинку кресла, тяжелым взглядом смотрел на Мишу. Начальник производства выпрямился.

— Что вы сказали? — переспросил он медленно.

— Я сказал, что не буду подписывать акт. Я считаю его неправильным.

— Вы... вы в своем рассудке?

— Да. Можете не беспокоиться за мой рассудок. — Миша говорил, удивляясь собственной храбрости и новым ноткам, появившимся в голосе. — Я буду поступать так, как подсказывают мне моя совесть и здравый смысл. Конечно, я обязан выполнить приказ директора, но не раньше, чем выясню, почему станки вышли из строя.

— Сказка про белого бычка Ваську? Вы, в конце концов, что же, нас за дурачков считаете? Да понимаете ли вы, наконец, или не хотите понять, что станки непригодны для работы?

— В данный момент они действительно непригодны.

— Стало быть, вы намерены у нас в цехе организовать музей негодной продукции вашего завода? Ясно ли вам, что мы не можем получить новые станки, пока не спишем старые?

— Это я отлично понимаю.

— Так какого же чорта, — багровея закричал начальник производства, — какого же чорта вы морочите голову нам и всему министерству? Сколько времени вы еще намереваетесь околачиваться здесь, занимаясь никому ненужными экспериментами? Чтобы завтра же вас не было на комбинате!

— Не кричите на меня, — сказал Миша, и его спокойствие подействовало на начальника производства как ушат холодной воды. — Вы не смеете кричать на меня. Вы просто не годитесь для руководства производством, и я вам сейчас докажу это. Советские люди так не поступают. Мы честно трудились, создавая «Микроны», и я не позволю, чтобы наш труд оплевывали... хотя бы и опытные производственники. Хорошо! Вы считаете, что наши «Микроны» нужно списать в утиль. А откуда вы собираетесь достать качественные станки? Из Швейцарии? Кроме-то нас в Советском Союзе их больше никто не делает. А?

— Ну, о швейцарских СИП'ах пока еще речь не идет, — хмурясь, но уже немного более примиряющим тоном заметил главный инженер.

— Но речь пойдет о них, и непременно, стоит мне только расписаться в этой бумаге.

Миша указал на рекламационный акт.

— Стало быть, вы отказываетесь выполнить приказ своего директора?

— Нет, не отказываюсь. Но в телеграмме говорится о законных требованиях.

— Кроме законных требований, там говорится также о вашем отъезде. Или вы намерены уехать, не решив вопроса, то есть не выполнив своего задания? А?

Разговор опять заводил Мишу в тупик, но на этот раз он гораздо быстрее выбрался из него.

— Срок моей командировки еще не истек, — сказал он.

— Возвратиться немедленно — это значит выехать сегодня же, — сказал начальник производства.

— Телеграмма адресована на мое имя и вас не касается, когда я выеду. Для вас единственным документом является мое командировочное удостоверение.

Начальник производства хлопнул ладонью по столу и прокричал, становясь перед Мишей:

— Меня поражает, что такого несведущего упряма послали решать дела завода. Еще раз спрашиваю:

намерены ли вы выполнить приказ своего директора или не намерены?

— Мой директор не в курсе дела.

— Ваш директор получил соответствующие указания от министра.

— А министра информировали вы.

— Станки вышли из строя или не вышли?

— Не известно еще, кто их вывел из строя. Я не проверил, насколько точно выполняется инструкция. Вы меня торопите и не даете работать.

— Разве моего заверения и заверения начальника производства вам недостаточно? — спросил главный инженер. — Вы уже познакомились с Крещенко и должны знать, какой это честный человек. Мы доверяем ему.

— Я уважаю и вас, и Крещенко.

— Ну? И что же?

— Я должен убедиться на деле.

— То есть?

— Исследовать автоматы до тех пор, пока не найду, в чем состоит неисправность.

— Я понимаю; любыми способами вы хотите доказать, что в неисправности виноваты только мы, — усмехнулся начальник производства. — Благородная задача! На заводе вас похвалят, вероятно, за это. От кого вы получили такое несоветское наставление? Раньше так поступали представители капиталистических фирм. Но они отстаивали интересы своих хозяев и получали за это дополнительные подачки. А мы с вами, по-моему, граждане одного государства и служим одному общему делу.

— Да, — согласился Миша, — дело-то у нас общее, но подход к нему разный. Именно вы думаете не о всем государстве в целом, а только о своем комбинате.

— Вот как? — усмехнулся опять начальник производства. — Любопытно! А сорванная работа нескольких десятков других предприятий, находящихся в прямой зависимости от работы нашего комбината, это что же, по-вашему, тоже частное дело комбината?

— Чуть пошире, только чуть пошире.

— Объясните мне, бестолковому, что-то я не пойму вас.

— Престиж наших станков, — Миша твердо посмотрел на начальника производства, — означает престиж всего советского станкостроения. Престиж наших станков

(я имею в виду автоматы) означает превосходство советской техники перед иностранной. Поймите же, это — наш международный авторитет, наша гордость в глазах тех, кто с любовью относится к советской стране. Разве я не прав? Не прав? Да?

На одно мгновение, — правда, только на одно короткое мгновение, — начальник производства почувствовал превосходство над собой сидевшего против него голубоглазого юноши. Он не выдержал его прямого и осуждающего взгляда. Он вынужден был опустить глаза.

— Что вы намерены делать дальше? — спросил главный инженер.

— Продолжать поиски дефекта.

— До бесконечности?

Миша пожал плечами.

— Послушайте, молодой человек, — голос главного инженера прозвучал по-отечески мягко и наставительно. — Вы слишком молоды. Поверьте мне, я вовсе не хочу вам зла. Ваш завод только что начал освоение координатно-расточных автоматов. Мы получили первую партию. Что ж тут удивительного, что автоматы не соответствуют всем необходимым техническим требованиям? Это же вполне естественно. Я не сомневаюсь, что по мере накопления опыта ваш завод будет изготавливать станки гораздо лучшего качества, чем, скажем, даже швейцарские СИП'ы.

— Вот видите, — заметил Миша, — и опять мы расходимся с вами по самым основным пунктам.

— То есть?

— Я считаю, что мы уже превзошли швейцарцев, а вы еще только в будущем обещаете нам успехи. Нет, товарищи, — поднимаясь с места, закончил Миша, — так нам действительно не договориться. Поэтому прошу вас разрешить мне продолжать работу над автоматами. Никаких актов я, конечно, подписывать не буду.

Взглянув на главного инженера, Миша удивился. Тот смотрел на него с явным сочувствием и даже одобрением.

— Продолжайте, Карпов, — сказал он и, положив ладонь на рекламационный акт, добавил: — А ты, Анатолий Иванович, как лицо, ответственное за организацию разбора рекламационного дела, позаботься о том, чтобы никаких помех товарищу Карпову не было.

В эту ночь Мише, разумеется, не удалось уснуть. Он ворочался на немоверно скрипевшей койке, раздражая своих сожителей, шумно вздыхал, иногда сбрасывая одеяло, садился на кровати и начинал искать в тумбочке папиросы.

— Ты что, пятьдесят тысяч выиграл? — спросил его сосед.

— Я миллионы проигрываю, — проворчал Миша, — да еще чорт бы с ними, с миллионами. — Он решительно начал одеваться. — Честь заводскую...

Миша вышел из гостиницы и остановился на дороге, соображая, что же еще, собственно, он может предпринять?

Теплая безветренная ночь плотным мраком окутывала шумящие цехи комбината и спящий рабочий поселок. Только на востоке медленно всходила луна, и бледная феерическая каемка света очерчивала остроконечные гребни сопок.

Миша спустился к берегу моря, постоял, послушал плеск волн, поднял голову к небу.

— Осталась маслосистема, — сказал он вслух. — Но что значит маслосистема в работе автомата? Выходит... складывать оружие? Пойти с повинной к начальнику производства? — Миша задумался. — Сидеть без дела совсем невыносимо... Что ж, покопаемся в маслосистеме.

В цехе его встретили с удивлением. Часть отделения «Микронов» была погружена в полумрак. Только над оставшимися в строю автоматами горели киловатки.

Он включил свет над огороженным жестяными ширмами автоматом, оглядел его, погладил глянцевые поверхности.

Осмотр масляной системы он начал с разборки насоса.

— Лишнее, — шепнул Мише внутренний голос.

— Для практики и это полезно, — возразил ему второй, противоречащий.

— Ты сделал все, что от тебя требовалось, — сказал первый.

— Значит, в природе все-таки существуют чудеса? — усмехнулся второй. — Или у тебя за спиной многолетний опыт?

В масляном насосе все оказалось в самом отличном состоянии, а времени на его разборку и сборку ушло много. Когда Миша перешел к осмотру трубопроводов, над комбинатом раздался тягучий зов гудка.

Кончилась ночная смена. Солнце заливало цех яркими потоками лучей.

Первой в цех пришла Вера. Заметив у станка Мишу, она подошла к нему.

— Здравствуй, — сказала она, приветливо протягивая руку.

— Здравствуй.

Это первое рукопожатие наполнило его радостью. Он даже забыл вытереть грязь со своей руки и перепачкал ей пальцы.

— Ничего, — успокоила его Вера. — А ты что же, ночевал в цехе?

— Не спалось после разговора с вашим начальником производства, — признался Миша, — на душе кошки скребут.

— Это не секрет?

— Могу рассказать... если хочешь.

— Конечно, хочу. Расскажи. Может быть, и посоветую что-нибудь.

Вера забралась на стеллаж. Миша сел рядом с нею. Ему давно нужен был собеседник, перед которым он мог бы выложить все, что его так мучило.

Конус солнечного света сквозь стеклянную крышу цеха падал на стеллаж. Вера шурилась. Ее волосы, выбившиеся из-под белой косынки, казались особенно черными.

— Я понимаю тебя, — сказала она, когда Миша умолк. — Я и сама переживаю за ваши автоматы. Вот так придешь на работу и смотришь всю смену, как десять станков пылью покрываются. Сколько бы за это время мы на них деталей обработали! И знаешь, что я скажу? Я все-таки согласна с Анатолием Ивановичем. Мне не хочется тебя обидеть, но ваш завод, наверное, и в самом деле не научился еще автоматы делать.

— Вон что! — Миша спрыгнул со стеллажа. — Конструктивные недоработки? Слышал уже. Старая песня. Пусть кто-нибудь из вас подойдет к станку да ткнет пальцем в то место, где имеется эта самая конструктивная недоработка.

— Мы не конструкторы.

— Тогда и не болтайте о конструктивных недоработках.

Вера нахмурилась и промолчала. Спустившись со стеллажа, она встала рядом с Мишей.

— Ты очень упрямый, — сказала она.

— И грубый, — подсказал Миша.

— Грубость я прощаю. Когда я после дневной смены еще ночную отработаю, я тоже злая бываю.

Миша долго разыскивал по карманам спички.

— Здесь нельзя курить, — сказала Вера.

— Я всю ночь не курил.

— Значит, ты масляную магистраль разбираешь? Разве она влияет на точность обработки? Ведь износа деталей станка нет, масло поступает нормально.

— Все равно. Чем мне сейчас заниматься? Сидеть у моря и ждать погоды?

Миша, на ходу чиркая спичкой, направился в курительную комнату, Вера осталась у станка. Она медленно обошла вокруг него и остановилась около напроловину разобранного масляного фильтра.

— Смешной, — подумала она о Мише, — смешной, упрямый и... хороший.

Осторожно, чтобы не запачкать рукава халата, Вера приподняла крышку фильтра. На крышке лежали отвернутые Мишей гайки. Они посыпались на пол. Вера положила крышку на стол и принялась разыскивать их. Гаек должно было быть восемь, Вера нашла семь. Она решила, что одна из них упала внутрь корпуса фильтра.

Вера заглянула в корпус, круглую коробку, закрепленную на траверзе. Но ей не удавалось увидеть дно коробки, потому что в ней находился проволоочный барабан, обтянутый фетром.

Вера вытянула барабан.

Она тотчас же забыла о потерянной гайке. Ее поразило обилие грязи и отложений на фетре. Нитяные волокна и металлическая стружка лежали на нём плотным слоем.

Вера хорошо понимала назначение фильтра. Фетр очищал масло. Но как же фетр мог очищать его, если сам был обмазан грязью, как глиной?

Желая разобраться в конструкции фильтра, Вера положила барабан на стеллаж рядом с крышкой и принялась рассматривать корпус. И тут у нее возникла другая, очень неприятная мысль.

В инструкции по обслуживанию «Микрона-3» жирным шрифтом было напечатано, что необходима ежедневная промывка фетра в бензине. Ежедневная! Хорошо написать такое предупреждение. А подумал ли Североуральский завод, сколько времени будет непроизводительно затрачено на это?

На одном из совещаний с мастерами цеха Крещенко сказал: «Фильтры временно можете не промывать. Когда заметите уменьшение подачи масла, тогда мойте». А уменьшения подачи масла не происходило. Уж за чем, за чем, а за состоянием автоматов Вера следила.

Ярославцева была работником промышленного комбината, и ей прежде всего следовало подумать об интересах своего предприятия.

Грязь на фильтре давала Мише формальное право отклонить всякие претензии комбината на работу автоматов. Что поделаешь, факт оставался фактом: инструкция не выполнялась...

Вера оглянулась и увидела около автомата ведро с бензином. Его еще вчера принес Юсупов для промывки деталей. Стоит только раз-два окунуть фетр в бензин, — и от грязи не останется и следа.

Вера взяла кончиками пальцев барабан и понесла его к ведру. Однако она долго колебалась, прежде чем опустить его в бензин. Можно ли обманывать человека, который честно выполнял задание своего завода?! Хотя Вера и ненавидела формальности, но еще больше она презирала людей, способных на обман.

Однако существовало другое обстоятельство, способное заставить ее решиться на обман. Эта неприятная история с «Микронами» накладывала грязное пятно на коллектив ее цеха. А срыв программы комбината позорил весь многотысячный коллектив в целом.

И Вера решительно опустила барабан в ведро.

Ее пальцы ощутили приятную прохладу бензина. На поверхности бензина сразу же появились радужные масляные пленки.

Но прикосновение бензина испугало Веру. Кровь бросилась ей в лицо. Она почувствовала себя так, будто ее руку поймали в чужом кармане.

И Вера и Миша были членами равноправных коллективов, точнее говоря, членами одного общего коллектива. Обман — это преступление, его невозможно оправдать никакими доводами...

Миша вышел из курительной комнаты успокоенный. Он быстро направился к станку. Вера стояла у ведра с бензином. Щеки ее пылали. В руках она держала проводной барабан, обтянутый фетром. С фетра стекали на пол тягучие струйки грязи. Рукава и полы халата Веры были в грязных масляных пятнах. Вера не замечала, что стоит в образовавшейся под ее ногами луже.

— Что с тобой? — спросил Миша.

— Я промыла фильтр.

— Ну, и что же? — удивился Миша. — Хорошо, что промыла.

— Ты сними с другого станка, а этот... я... я пойду принимать смену.

Вера швырнула фильтр обратно в бензин и пошла прочь. Миша оторопело посмотрел ей вслед. Потом он достал фетр из ведра. Фетр был совершенно чистым.

— Что с ней? Неужели я ее так сильно обидел? И при чем тут фильтр?

Несколько минут он стоял в раздумье. Потом взял ключ и, все еще теряясь в догадках, направился к соседнему автомату. Он отвернул гайки, снял крышку с корпуса и извлек из него барабан.

— Так вот в чем дело! — изумился он, рассматривая забитый грязью фетр. — Молодцы координатчики! Славно за станками ухаживаете! Но подождите, дорогие, подождите. Грязь грязью, а что же дальше? А ну-ка, а ну-ка...

На лбу Миши образовались складки. Он вспомнил, сколько споров в свое время вызвал этот фильтр в проектно-монтажном отделе. Куда бы его ни пристраивали на автомате, всюду рядом с ним оказывались электроавтоматические устройства. Конструкторы опасались попадания масла в электрическую систему. Конструкцию фильтра меняли раз пять или шесть. Наконец, после долгих поисков разработали тот фильтр, который находился на «Микронах-3». На случай чрезвычайного загрязнения, которое могло вызвать перекрытие пути масла в корпусе фильтра, предусмотрели специальный перепускной аварийный клапан.

Инструкция по обслуживанию требовала ежедневной промывки фетра и периодического осмотра уплотнений клапана.

Теперь Миша понял, что ни то, ни другое требование на комбинате не выполнялись...

Что же отсюда следовало?

Миша вернулся к автомату, над которым работал в поисках неисправности. Он очень внимательно осмотрел поверхность под корпусом фильтра. То, что он увидел, объяснило ему сразу все.

Забитый грязью фильтр создавал большое сопротивление движению масла. Поэтому значительная часть его проходила через клапан, просачиваясь сквозь ослабнувшие уплотнения, и тонкой, едва заметной на глянцевой поверхности станка пленкой стекала вниз. Вниз, к ограничителю реле...

Вера, подойдя к Мише, не увидела на его лице признаков волнения. Ей следовало бы взглянуть на его руки. Пальцы Миши дрожали, когда он вторично вскрывал реле.

Но ему уже не было необходимости производить полную разборку. Он снял размыкающие контакты и разыскал в кармане увеличительное стекло. То, чего он не замечал прежде простым глазом, теперь появилось перед ним. Поверхность контактов походила на сито, на тончайшую сетку. Это были следы сгорания масла. Они создавали для проходящего электрического тока дополнительное, непостоянное по величине, сопротивление. А отсюда и непостоянная, меняющаяся точность работы станка.

— Нашел! — произнес Миша.

Голос его звучал глухо, а глаза сияли.

— Что нашел?

— Дефект, Вера, дефект. Вот, взгляни сюда.

Он схватил ее за руку и заставил нагнуться к реле. Он начал свои объяснения издали, с конструкции фильтра, о чем не успел досказать в прошлый раз, рассказал, как идет ток, для чего введен перепускной клапан, почему такие ничтожные порции масла влияют на работу автомата. Он объяснял до тех пор, пока Вера не сказала:

— Я все поняла, Миша.

Выпрямившись, она заправила под платок выбившиеся локоны волос.

— Ты уверен, что теперь автомат будет работать нормально? — спросила она.

— Абсолютно уверен!

— Хорошо... Нужно рассказать обо всем Марку Захаровичу. Сейчас что же... сейчас можно сразу за все станки приниматься?

— Конечно! — воскликнул Миша. — Конечно же!

Вера ушла торопливой походкой.

У автомата появился Юсупов. Он улыбнулся, кивнул головой. В глазах его был вопрос.

— Ну, — сказал ему Миша, — сегодня ты оседлаешь свой автомат. Посмотрим, лихой ли ты координатчик.

— А что?

— Снимай-ка фильтр со своего автомата, — приказал Миша.

Юсупов взял ключи и повторил операцию, проделанную Мишей. Вынув фетр, он вопросительно посмотрел на Карпова.

— Ты на фетр смотри, на фетр! — закричал Миша. — Видишь, что на нем делается?

— Грязный.

— Не грязный, а безобразный. Почему не промывал?

— Мне сказали: промывать не нужно.

— Время сэкономили?

— Да.

— Ну, много сэкономили? Автоматы — дрянь? А? Эх вы, друзья... В общем, готовь детали для расточки. Только быстрее. Слышишь? У меня колени от нетерпения трясутся. И что же я за растяпа? До сих пор не догадался заглянуть в фильтр!

Юсупов побежал за деталями, а навстречу ему уже спешили Крещенко с Верой.

— Это... правда? То, что мне рассказала Ярославцева? — спросил Крещенко.

— Подождите, одну минутку, — попросил Миша. — Сейчас Юсупов принесет детали.

Пока Юсупов устанавливал деталь в станок, Миша зачистил контакты, заполировал их шкуркой и промыл в бензине. Он подтянул гайки клапана, протер станок над реле, установил контакты на место. Потом он заставил Юсупова погонять станок вхолостую и наблюдал за искрой между контактами. Убедившись, что следов сгорания масла нет, Миша сказал:

— Работай!

И, заложив за спину руки, отошел в сторону. Он наблюдал за расточкой с равнодушным видом постороннего зрителя.

Юсупов настроил станок, включил привод боковой подачи. Загудел мотор, мягко зашуршали шестерни. Резец подошел к отверстию. Юсупов нажал кнопку привода шпинделя, и резец, вращаясь, начал брать стружку. Она летела из-под него тонкой стружкой.

Время тянулось томительно.

Когда Юсупов снял деталь, Вера выхватила ее и помчалась в контрольный отдел. Миша, Крещенко и Юсупов побежали за ней следом. Девушка сама сделала промеры, но, не поверив, попросила контрольного мастера повторить их.

Промеры подтвердили качественную расточку.

— Вторую! — приказал Крещенко.

Получилась и вторая. Получились и третья, и четвертая. Крещенко схватил руку Миши и пожал крепко, крепко, как мужчина мужчине.

— Поздравляю, — сказал он, — искренне поздравляю! Я рад за вас, и ваш завод может гордиться вами.

— Благодарю.

— Да вот что, Михаил Алексеевич, собирался сказать вам сразу. Меня просили передать, чтобы вы сегодня же зашли в наш партком.

— Зайду непременно.

— А сейчас я сделаю необходимые распоряжения по цеху и попрошу вас вместе со мной пройти к главному инженеру. Нужно поставить его в известность.

— Хорошо, пожалуйста.

— Минут через десять я освобожусь. Буду ждать вас у себя в кабинете.

Крещенко ушел. Юсупов посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Одна беда ушла, — сказал он, — пришла другая.

— Чего ты еще мелешь? — нахмурилась Вера.

— Хороший был начальник цеха... Правильный был человек...

— Как? — не понял Миша. — Почему был? Ты его увольняешь, что ли?

— Юсупов, кажется, прав, — сказала Вера, и ее испуганные глаза раскрылись широко-широко. — Ответственность за фильтры в конечном счете ложится на Марка Захаровича. Это с его ведома не была введена обязательная промывка. Ты не знаешь, какой у нас начальник производства... Едва ли Марк Захарович отделается только тем, что его снимут с должности начальника цеха.

— Да ну вас, в самом деле, — проворчал Миша, — нашли время, когда мне настроение портить.

Он поспешно начал помогать Юсупову устанавливать пятую деталь, подготовленную для расточки. Радость победы сразу померкла. Крещенко с первого дня вызвал у Миши искреннюю и горячую симпатию. Миша понимал, что многим обязан Крещенко, — хотя бы уже тем, что тот не встретил его с недоверием и позволил спокойно закончить работу. Он вел себя с Мишей как равный с равным, не подчеркивая своего превосходства ни в опыте, ни в знании дела.

— Хороший человек Крещенко, — продолжал Юсупов, настраивая станок. — И жена у него хорошая. Красавица. Пятерых детей подарила ему. Последний — год назад родился. Я на крестинах был. Как лучшего стахановца пригласили.

— Замолчи, Юсупов! — крикнула Вера. — Как это неприятно, — сказала она Мише, — скандал на весь Союз... Простой комбината... И на чем споткнуться!

— Бывает.

Вера хотела сказать, что если бы не она, Миша не нашел бы дефекта, и все, может быть, повернулось бы совершенно иначе... Ведь, собственно говоря, это она предала Крещенко. Но она ничего не сказала... Такой упрямец, как Миша, все равно рано или поздно докопался бы до истины!

— На него наложат суровое взыскание, — сказала она Мише. — Тебе-то, конечно, это безразлично. Ты на комбинате чужой. А мы с ним вместе пришли в цех. У нас все его любят. И уважают. Он за каждого человека в цехе горой стоит.

— Значит, ты желаешь, чтобы Крещенко избежал наказания?

— Да. — Вера решительно встряхнула головой. — Кто из нас не делает ошибок?

— И значит я должен скрыть истинный характер дефекта?

— Да.

— Ого! Ловко... Ты сама-то лгать способна?

Вера потупилась и ничего не ответила.

— Я... подумаю, Вера, — сказал Миша, — подумаю...

Он направился в кабинет Крещенко, но по дороге свернул в курительную комнату. Одну за другой выкурил две папиросы и только после этого поднялся по железной лесенке на антресоли.

Крещенко сидел за столом, сжав голову кулаками.

— Можно? — спросил Миша.

— А? — Крещенко, очнувшись, поднял на Мишу по-темневшие глаза. — Это ты, Михаил Алексеевич? Идем, идем, дружок. Я тебя ждал.

По дороге к главному инженеру Миша несколько раз порывался заговорить с Крещенко, но все не мог найти подходящих слов. Только уже в дверях заводоуправления Миша не выдержал и спросил:

— Как же это случилось? Почему же вы не промывали фильтры?

— Ну, брат, теперь лучше не оправдываться. Ты знаешь, что такое программа? Спешка меня попутала.

Крещенко хотел было сказать, что, собственно, не ему принадлежала мысль отступить от инструкции. Начальник производства неоднократно указывал на непроизводительную трату времени при промывке фильтров. Но поди попробуй-ка теперь напомнить ему об этом. У начальника производства в таких случаях появляется странная забывчивость.

Глупая, непростительная ошибка...

Главный инженер встретил появление Миши и Крещенко вопросительным взглядом.

— Я вас слушаю.

— Михаилу Алексеевичу удалось сегодня найти причину неисправности, — сказал Крещенко.

— Причину неисправности чего?

— Автоматов «Микрон-3».

— Да?

— Разрешите пояснить? — спросил Миша.

— Одну минуту. — Главный инженер нажал кнопку звонка. — Анатолия Ивановича, — сказал он вошедшему секретарю.

Пришел начальник производства.

— Расскажите, Карпов.

Трудно было придумать более тяжелое испытание. Миша боялся поднять глаза, чтобы не встретиться взглядом с Крещенко. Но Крещенко стоял рядом, и его присутствие ощущалось как-то особенно остро. Миша искал такой золотой середины, которой ему удалось бы спасти положение Крещенко и в то же время со всей справедливостью изложить суть дела. Такая середина не находилась. Либо следовало извратить суть факта, либо приписать вину кому-то другому. В данном случае виновник

мог быть только один: или комбинат, или Североуральский завод.

И Миша так закончил свои объяснения:

— Вы сами виноваты в простое комбината, а автоматы здесь ни при чем. Себя вините.

— Так-с, — главный инженер гневно посмотрел на начальника производства и на Крещенко. — Как назвать все это?

— Вот к чему приводит нерадивость руководителей цехов! — с возмущением воскликнул начальник производства. — Сколько раз я напоминал Крещенко о самом тщательном выполнении инструкции по обслуживанию. Возмутительно! За такие дела мало отдать под суд.

Крещенко молчал.

Главный инженер раскрыл папку с бумагами, вынул из нее лист, в котором Миша без труда узнал рекламационный акт, и, скомкав, бросил его в мусорницу.

— Как мы сможем в самый кратчайший срок восстановить автоматы? — спросил он Мишу.

XII

В парткоме, кроме Миши, находились главный инженер, начальник производства, Крещенко и Ярославцева.

— Что же, — сказал парторг, — можно считать проблеме с «Микронами» разрешенной. Правда, не в пользу нашего комбината... но все-таки решенной. Виноваты, Валентин Федорович, виноваты, ничего не скажешь. Попадет нам крепко и, как я считаю, по заслугам.

— Урок серьезный, — согласился главный инженер. — Лишний раз убедились, к чему может привести нерадивость одного человека. — Он покосился на Крещенко. — Придется наказать без всякой скидки за прошлые заслуги.

— Разрешите мне сказать, — попросил Миша.

— Говорите, Карпов, говорите.

— Простите, что я вмешиваюсь не в свое дело, но я считаю неправильным сваливать всю вину на начальника цеха.

— А как правильно? — главный инженер наклонил голову и удивленно посмотрел на Мишу.

— Я считаю, что все зло пошло от администрации комбината. Наши автоматы вы приняли так, как прини-

мали до сих пор все прочие станки. Вы не поняли самого главного. «Микроны» — не обычные токарные станки. «Микроны» — это... это большое усовершенствование, большой шаг вперед. Мы опередили иностранное станкостроение, и ваша задача была помочь нам утвердить престиж нашего станкостроения.

— Но вы... — заговорил начальник производства, перебив Мишу.

Парторг постучал карандашом по столу.

— Продолжайте, Карпов.

— Вы, руководители комбината, обязаны были окружить автоматы заботой и вниманием, привить к ним любовь всего цеха. А вы встретили их с недоверием. Вы не считали наши «Микроны» лучше СИП'ов. И вы сами, товарищ главный инженер, сказали мне, что завод в конце концов научится изготавливать станки не хуже СИП'ов. Понимаете? Научится. Нет, я считаю, что мы уже научились, и они уже сейчас лучше их. И куда лучше! И бить теперь нужно не только Крещенко...

— Это уже слишком! — крикнул начальник производства. — Что он тут плетет?

— Учись слушать, Анатолий Иванович, — сказал парторг, — глотать пилюлю и не морщиться. Виноват, безусловно, не один товарищ Крещенко.

— Мы все виноваты, — сказала Вера. — Мы, действительно, очень недоверчиво отнеслись к «Микронам». И ни главный инженер, ни начальник производства не пытались рассеять это недоверие. Они вообще мало интересовались работой автоматов.

— Пока не начался выход автоматов из строя, — подсказал парторг.

— Именно.

— Вы сделали большое дело, товарищ Карпов. — Откинувшись в кресле, парторг в раздумье вертел в руках карандаш и глядел на Мишу. — Но все-таки и вы допустили серьезный промах. Я хочу указать вам на него. В будущем вам наверняка придется разрешать подобные вопросы и на других промышленных предприятиях. — Карандаш парторга указал на комсомольский значок Миши. — Помнили вы об этом? Почему вы просто не пришли ко мне? Разве вопрос о чести коллектива может ограничиваться кабинетом главного инженера? Вы чувствовали себя на комбинате как на враждебной территории, товарищ Карпов. Вот в чем состоит ваша ошибка.

— Но мое пребывание у вас еще слишком коротко, — пробормотал Миша. — И недели еще не прошло.

— Хотя бы один час. Мы и на одну минуту не имеем права отрываться от коллектива. И ваш завод, и наш комбинат это только частицы одного общего коллектива — советского народа. Вы поняли меня, товарищ Карпов?

— Да, я вас хорошо понял.

— Вы согласны со мной?

— Согласен. Я воевал в одиночку. Это была моя ошибка.

— Скажите, сможем ли мы быстро восстановить координатно-расточные автоматы? С вашей помощью, разумеется.

— Мы уже обо всем договорились, — сказала Вера. — Завтра, после работы, вся моя смена остается в цехе и поступает в распоряжение товарища Карпова.

Из парткома Вера и Миша вышли вместе. Солнце уже спряталось за сопки. Медные облака неподвижно висели над горизонтом.

— Ты хорошо поступил, выступив в защиту Марка Захаровича! — сказала Вера. — И я чувствую себя страшно виноватой перед тобой. Я же комсорг цеха. Нам следовало сразу же обо всем договориться.

— Ничего, все это для меня урок на будущее.

Они медленно шли в тени раскидистых лиственниц. Им не хотелось расставаться. Они и не заметили, как с координатно-расточных автоматов перешли на другие темы.

Вера рассказала о себе, Миша — о себе. Оказалось, что их биографии удивительно похожи.

Они подошли к корпусу, в котором жила Вера, но не остановились, а прошли дальше вдоль улицы заводского поселка. Они долго бродили по немощенным еще дорогам, по тропинкам между невыкорчеванным пнями. Стало уже совсем темно, когда они вновь очутились около дома Веры.

— Так мы ждем тебя завтра, — сказала Вера, — не забывай.

— Не забуду!

На другой день вся смена Веры Ярославцевой осталась после работы в цехе. Юноши и девушки оделись в темносиние комбинезоны.

— Командуйте нами, товарищ Карпов, — сказала Вера. — Устраивает вас такая армия? — она указала на обступивших их станочников.

— Устраивает, — рассмеялся Миша.

Он разбил смену на пять бригад и объявил что следует делать. Он запретил только касаться реле ограничения, не доверяя его неопытным в монтаже людям. Ему помогала Вера. Зачищая контакты, он рассказывал ей конструкцию реле.

Поздно вечером в цехе появился главный инженер.

— Как дела? — спросил он Мишу.

— Нормально.

— Завтра пойдут станки?

— Непременно.

— Ну... что же, Карпов... — произнес он в раздумье, — нам все-таки следует расстаться друзьями. Стыдно, конечно, что я получил урок от такого юнца, как вы, — сказал он. — Вы молодец. И впредь так работайте. Больше я вам, пожалуй, не скажу ничего.

Простившись с Мишей, главный инженер направился к выходу из цеха...

XIII

Приближался день отъезда. Но вместо того, чтобы радоваться предстоящему возвращению домой, Миша становился все более грустным. Проходя между гудящими рядами «Микронов», он разыскивал глазами знакомый белый халат и тайком вздыхал.

Он искал встреч с Верой, но когда они оставались наедине, терялся, принимал равнодушный вид, начинал давать советы относительно работы на автоматах и объяснял устройство различных узлов «Микрона».

В день отъезда Миша подписал обычный акт, подтверждающий пригодность автоматов типа «Микрон-3» для дальнейшей работы. Акт подписали главный инженер и начальник производства. Один экземпляр акта был вручен Мише. Миша бережно сложил его и спрятал в бумажнике рядом с командировочным удостоверением.

Потом он прошел в цех, чтобы увидеть Веру.

— Я уезжаю, — сказал он.

— Уже?

— Работа закончена...

— Да? — неопределенно произнесла Вера.

— Да, — подтвердил Миша.

— Юсупов! — закричала Вера. — Возьми наряды. Они в моем столе. — Так, значит, вы уезжаете?

— Уезжаю.

— Ну... что ж. Остается пожелать вам счастливого пути.

— Спасибо. И... знаете, я еще хочу спросить у вас: если я напишу вам, вы мне ответите?

— Конечно, отвечу, — торопливо согласилась Вера.

— Но я буду часто писать.

— Да хоть каждый день...

— Может быть, мы еще и увидимся?

С чертежом в руках подошел бригадир и с ним девушка-станочница.

— На таких отливках мы все резцы загоним, — с возмущением произнес бригадир, обращаясь к Вере. — Ты только посмотри, какие припуски они делают. Просто безобразия! Нужно сообщить начальнику цеха.

— Да, да, я это сейчас сделаю... — Вера протянула руку Мише. — До свидания. Счастливо доехать.

Когда Миша очутился за проходными комбината, он вдруг почувствовал себя глубоко несчастным. Ему так много хотелось сказать Вере, а он ничего ей не сказал...

— Напишу, — решил он, — в письме обо всем расскажу. Так даже лучше! Не так страшно будет...

ТОРЦОВЫЙ КЛЮЧ

Повесть

I

Из репродуктора, висевшего около дверей, раздалось сначала шипение и потрескивание, потом послышался щелчок. Это включили микрофон.

— Внимание! — произнес голос диктора, известного на всех курсах-Виктора Костарева, заведовавшего институтским радиоузелом. — Внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

В полутемном коридоре общежития, освещенном одной только синей лампочкой, надсадно завывала сирена. В открытое настежь окно из ночной темноты донеслись отрывистые гудки паровозов с железнодорожной станции Тушино. С речного вокзала Химки ветер принес раскаты в пространстве выкрики мощного радиорупора.

— Начинается, — сказал Владимир, сидевший посреди комнаты на перевязанном крест-накрест толстыми веревками чемодане. — Значит, нам и сегодня из Москвы не выбраться.

— Похоже, что так, — отозвался с кровати Семен.

В коридоре захлопали двери, раздались голоса, густоватые — парней и звонкие — девушек, послышался дружный топот ног.

— Пойдем? — спросил Владимир.

— Да ну тебя! — лениво возразил Семен. — Из-за двух-трех прорвавшихся фрицев я должен спускаться с четвертого этажа и, как суслик, прятаться в землю? Никуда я не пойду.

В коридоре становилось тише. Голоса уже раздавались под окнами общежития, на пустыре, где были вырыты щели-бомбоубежища.

Дверь комнаты распахнулась. В ней появилась смутно различимая в темноте человеческая фигура.

— Эй, молодые специалисты, — крикнул высокий, почти женский голос Федора Плешкова, которого на пятом курсе не любили за чрезмерную болтливость. — Храбрость свою доказываете? А приказ директора?

— Закрой-ка дверь, — сказал Владимир, таким голосом, что Плешков, поспешно войдя в комнату, захлопнул за собой дверь.

— Да не с этой стороны, а с той, — более выразительно произнес Владимир и потянулся за книгой, валявшейся на полу.

Плешков выскочил в коридор.

Несколько минут Владимир Тупиков и Семен Кузьминых молчали, погруженные в свои думы.

В полумраке комнаты виднелись две кровати без одеял и простынь, без подушек, с одними только волосьяными матрасами на металлических сетках. Между кроватями, у окна, стоял небольшой письменный стол, усыпанный обрывками бумаги. На этажерке в невероятном беспорядке были навалены книги, свертки чертежей, ложки, кастрюли, чертежные принадлежности, грязная сковородка, разбитая стеклянная банка.

В распахнутые дверцы небольшого шифоньера виднелись рваные ботинки сорок третьего размера, принадлежавшие Семену. Дырявое полотенце висело одним концом на гвозде, спускаясь другим концом до самого пола.

В малом отделении шифоньера, на полках, стояли пустые банки из-под компотов; Семен и Владимир травили на это лакомство почти всю свою стипендию.

На полу валялись книги, скомканные чертежи, окурки папирос.

Тут же, посреди комнаты, стояли связанные чемоданы и тюки с постелями. Все говорило о том, что комната вскоре окончательно опустеет.

Действительно, Владимир и Семен приготовились к отъезду, но они не собирались эвакуироваться...

Институт, дипломный проект—все оставалось позади...

Владимира и Семена соединяли не только институт и общий хлеб (они всегда покупали одну булку на двоих) и не только общие интересы и стремления: их соединяла давнишняя дружба. Они выросли на одной улице, пришли в школу из одного детского сада и все

десять лет просидели за одной партой. Сэа они приехали на учебу в Москву из Смоленска. Впрочем, они приехали не вдвоем, а троим, но о третьем лице речь будет позже.

Если бы Владимира или Семена спросили о дне или даже месяце их встречи, ни тот ни другой не сумели бы ответить на этот вопрос. Они встретились едва научившись ходить. Теперь это были самые задушевные друзья. Их знал весь институт, и не только как самых неразлучных друзей: хорошо известна была их отзывчивость и их прекрасная успеваемость. Отличные спортсмены, Владимир и Семен в течение всех пяти лет удерживали два первых места по лыжам и по гребле на двухпарке.

Оба рослые, широкоплечие, с копной густых каштановых волос, они все-таки совсем не походили друг на друга. У Семена черты лица были мягкие, округлые. Губы его чуть выпячивались, светлосерые глаза всегда глядели приветливо, дружелюбно. Когда он улыбался, то у каждого, кто с ним разговаривал, появлялось желание пожать его руку и сказать ему что-нибудь хорошее.

В противоположность Семену у Владимира были прямые и строгие черты лица, широкий лоб, прямой с небольшой горбинкой нос, густые мохнатые брови, сросшиеся над переносицей и низко нависшие над темно-кариими глазами, вытянутый в линию рот с опущенными уголками губ.

Лицо Владимира выдавало его недюжинные умственные способности и в то же время дышало самоуверенностью. Он и в самом деле был чрезмерно самоуверен. У многих из его товарищей это вызывало досаду, но одернуть Владимира никто не решался, потому что его самоуверенность оправдывалась блестящими успехами.

Владимир любил подтрунить, подшутить над товарищами, когда тех постигала неудача: схваченная на экзамене двойка, нерешительность в каком-нибудь предприятии, неудача в любви. Шутки его, как правило, бывали остроумными и едкими.

Семена любили, а Владимира уважали и особенно ценили за ту помощь, которую он частенько оказывал отстающим товарищам.

Однако, несмотря на все различия в характерах, они не могли обходиться друг без друга даже в течение самого короткого времени; они были неразлучны.

За окном где-то в вышине раздалось тонкое, едва слышное гудение.

— Летят, — зло бросил сидевший на чемодане Владимир, — прорвались фрицы.

В сторону Химок метнулись лучи прожекторов, заахали зенитки, будто кто пробки из бутылок начал дергать.

— Вот уже вторую неделю уехать не можем, — вздохнул Семен. — Восемнадцать здоровых молодых людей в такое напряженное, тяжелое время слоняются по Москве, как на каникулах!

— Действительно, чорт знает что такое! — согласился Владимир. — Сидим у моря и ждем погоды. Но все-таки здорово получилось: мы — инженеры. Инженеры! Слово-то какое, сколько смысла в нем!

Владимир встал, прошелся по комнате, наступая на разбросанные книги и скомканные чертежи. Семен, не отрываясь, продолжал лежать на матраце, лицом вниз, положив голову на скрещенные руки.

— Я так ждал этого момента, — восторженно продолжал Владимир. — Конечно, таким здоровым ребятам, как мы, полагалось бы держать сейчас путь совсем в другую сторону; но я считаю, что правительство лучше знает, как нужно распорядиться нашей судьбой. И вот теперь перед нами неограниченное поле деятельности: завод, конструкторское бюро, создание необычайных машин. А ты чего молчишь?

— Я? — удивился Семен, приподымая голову. — Что ж, я не первый год знаю тебя. Кажется, вместе росли. У тебя отличные способности и ты, коли действительно хочешь, так и добьешься своего.

— Большие силы в себе чувствую, — продолжал Владимир. — Я знаю, что создан для больших дел. Мне хочется создавать такие вещи, которых еще никто и никогда не создавал. Швецов, Климов, Ильюшин, Туполев — все они тоже стремились и стремятся к новому, лучшему, необычайному. Я хочу быть таким, как они. Я... я хочу быть в одном ряду с ними.

Над крышей послышался нарастающий грозный вой. Владимир умолк, стоя посреди комнаты, Семен поднял голову. Бомба разорвалась где-то совсем неподалеку от общежития. Четырехэтажное кирпичное здание вздрогнуло. В комнату посыпались выпавшие из рамы стекла.

— По заводу бьет, — заметил Владимир.

— Мда, дела... — Семен снова опустил голову на матрац.

— И вот, в частности, — возвращаясь к прерванному разговору, сказал Владимир, — я предполагаю посвятить себя созданию такого мотора, который будет развивать колоссальную мощность. У меня на этот счет есть кое-какие соображения. Ты о них знаешь. Я не фантазер и не пустой мечтатель. Нет, нет, я только хочу творить и создавать, хочу быть в рядах лучших людей нашего времени.

— Нашей страны, — поправил Семен и добавил задумчиво: — А Смоленск-то уже в осаде...

* * *

Под окном слышалось фырканье автомобиля. Машина с потушенными фарами развернулась у самого входа в общежитие и остановилась. Это была «скорая помощь». Выключенный мотор умолк. Из кабины выпрыгнула молодая девушка в белом халате с белой повязкой на рукаве и в белой косынке. На повязке виднелся красный крест.

Крикнув шоферу: «Я сейчас, быстро!», девушка вбежала в двери общежития.

По ночному небу продолжали метаться лучи прожекторов. Они скрещивались и вдруг застывали неподвижно, поймав в свои сети летящий в высоте самолет. Тогда начинали ахать зенитки. Осколки зенитных снарядов звенели по крыше общежития или со свистом проносились мимо окна и со стуком падали на мостовую.

Дверь в комнату распахнулась.

— Ребята, это я! — крикнула девушка.

— Таня! — в один голос вскрикнули Владимир и Семен.

Семена словно ветром сдуло с кровати, он едва не сшиб с ног опередившего его Владимира.

Девушка была тем третьим лицом, с которым Владимира и Семена соединяло столь же сильное чувство дружбы, как то, что связывало их между собой. Впрочем, что греха таить, они тайно друг от друга уже давно любили ее, эту стройную девушку в белой косынке, из-под которой выбивались волнистые пряди белокурых волос и весело смотрели светлосиние, почти голубые искрящиеся глаза.

Владимир и Семен познакомились с Таней в Смоленске, когда им только что стукнуло по тринадцать лет. Тане тогда было еще неполных одиннадцать; веселая и подвижная девочка принимала участие во всех проделках мальчиков. Она вместе с ними лазила в чужие сады за яблоками, хотя яблок было вдоволь и в собственном саду, вместе с ними ходила на рыбную ловлю, часто до утра, с ночевкой, встречала восход солнца на берегу реки, дрожа от утренней прохлады.

Однажды они все вместе отправились путешествовать в вагоне, груженном углем. Их, разумеется, сняли после первого же перегона. Но встречный ветер так разукрасил угольной пылью потные лица друзей (дело было в июле), что железнодорожники полустанка долго и безудержно смеялись, рассматривая троих «чертенят».

Владимир и Семен научили Таню плавать, и это им едва не стоило жизни. Таня, слишком рано уверовав в свои силы, выплыла на средину Днепра, а на обратный путь сил у нее уже не осталось. Дружья поспешили ей на помощь. Перепуганная Таня вцепилась в Семена. Она наверняка утащила бы его вместе с собой на дно, если бы не Владимир, который, подплыв сзади, схватил Таню подмышки и оторвал ее от Семена. Потом Владимир и Семен по очереди плыли с ней до берега.

Это происшествие осталось на всю жизнь памятным для друзей.

По окончании десятилетки Семен и Владимир уехали учиться в Москву, а спустя два года в столицу приехала и Таня. Она поступила в медицинский институт. Конечно, они оба любили ее. Но тайная любовь к Тане ничуть не ослабила дружбы Владимира с Семеном. Нет, они не ревновали ее друг к другу. Приезд Тани оживил воспоминания прошлых детских лет, в образе ее как бы воплощался весь родной Смоленск, его окрестности, исхоженные и избеганные вместе. О любви еще не было сказано ни слова, хотя по глазам друзей Таня уже кое о чем догадывалась.

— Ой, ребята, я так боялась, что уже не застаю вас, — сказала Таня, проходя в комнату и усаживаясь на кровать между Владимиром и Семеном. — Если бы вы уехали не простившись, я бы с ума сошла.

— Да как же ты добралась к нам? — спросил Владимир. — Ведь сейчас воздушная тревога.

— А я на «скорой» дежурила. Как раз, когда объявили воздушную тревогу, кончилось мое дежурство. Шофер парень хороший. Ну... Ну вот я и у вас! Я так боялась, что вы уже уехали!

— Куда там, — безнадежно махнул рукой Владимир, — застряли мы в Москве. Как на поезд, так воздушная тревога. Вот сидим здесь, бездельничаем, тревоги созерцаем. Уж одно бы из двух: или работать или воевать.

— Это хорошо, что я вас застала, — разглаживая на коленях складки халата и глядя себе под ноги, сказала Таня.

Владимир и Семен уловили вдруг в голосе Тани какую-то нотку, которая заставила их насторожиться.

— Мы бы все равно пришли к тебе проститься, — сказал Владимир, всматриваясь в смутно различимое в темноте лицо Тани. — От Комсомольской площади до Сокольников рукой подать, а посадка теперь не сорок минут длится, а все три часа.

— Под Смоленском тяжелые бои идут, — заметила Таня.

— Куда-то наши эвакуировались? — в раздумьи заметил Семен. — Нет ни письма, ни телеграммы...

— Какие сейчас телеграммы, — вздохнула Таня.

— Твой институт тоже на Урал эвакуируется, — заметил Владимир. — Может быть, где-нибудь поблизости будем?

Таня промолчала.

— Ты чего молчишь? — удивился Владимир. — Я же точно знаю, что вы на Урал выезжаете.

— Дело в том, ребята, — тихо произнесла Таня, — дело в том...

Над общежитием опять послышался свист падающей бомбы. Яркий, ослепительный свет вспыхнул на краю пустыря. Общежитие содрогнулось. Раскрытые окна захлопнулись с такой силой, что одна из рам развалилась. Сильный порыв ветра распахнул дверь в коридор.

Владимир заслонил собою Таню, но осколки разорвавшейся бомбы ударились в стену общежития, миновав окно.

— Да вы в самом аду живете, — проговорила испуганная Таня.

— Ничего, мы уже привыкли, — самодовольно улыбнулся Владимир. — Так что ты хотела сказать?

— Я? Ах да, верно! Я хотела сказать, ребята, что не эвакуируюсь с институтом.

Последние слова Таня произнесла скороговоркой, словно они не заслуживали особенного внимания.

— Ты остаешься в Москве? — удивился Семен. — Но что ты здесь собираешься делать?

— Нет... я не остаюсь в Москве. Дело в том, ребята... понимаете, я же медик. У меня имеется известный навык. Я умею...

— Не тяни, пожалуйста, — жестко остановил ее Владимир. — Ты уходишь на фронт?

— Да! — Таня облегченно вздохнула, сбросив со своей души тяжесть признания.

— Танька! — ахнул Семен. — Как же так? Мы в тыл, а ты на фронт? Володька, что же это? А?

— Ее спрашивай, — нахмурился Владимир, — я тебе мало что сумею объяснить. Как говорится: дружба дружбой, а планы врозь.

— Вот уж и обиделся! — Сидя на кровати между обоими друзьями, Таня взяла их под руки и принялась болтать ногами. — Ведь у вас совсем другое, ребятки. Вас учили, чтобы вы потом работали на заводе. А меня специально готовили лечить людей. Потом, я же не буду воевать или таскать раненых с поля боя. Я буду в госпиталях работать. Что в этом особенного?

Таня говорила неправду. Ей предстояла работа в тылу у немцев, в одном из партизанских соединений Белоруссии.

Под окном раздались сдержанные сигналы автомобильного гудка.

— Ой, мне же нельзя задерживать машину. — спохватилась Таня и легко вскочила на ноги. Следом за ней поднялись оба студента.

— Значит... прощаемся? — хриплым голосом проговорил Владимир.

Семен молча и не отрывая глаз смотрел на Таню, губы его вздрагивали. Он начал шарить по карманам в поисках папирос. Но, взяв папиросу в рот, вспомнил, что зажигать огонь во время воздушной тревоги нельзя.

Нервно скомканная папироса полетела в сторону.

— Ну? — Таня вопросительно поглядела сначала на Владимира, потом на Семена. — Наверное, долго не увидимся.

— Прощай, Танюша, — сказал Владимир, протягивая ей руку. Но Таня вместо того, чтобы принять протянутую ей руку, бросилась ему на шею. Владимир крепко обнял ее. Это был их первый поцелуй.

Потом Таня повернулась к Семену, стоявшему с опущенной головой.

— Семен, — сказала она, — прощай... Сема.

Семен долго не выпускал ее из своих объятий, а когда под окном опять раздались автомобильные гудки и Таня сделала попытку высвободиться, он вдруг принялся целовать ее глаза, лоб, щеки, волосы...

— Ой, Семка, что ты! — воскликнула Таня. — Нельзя так...

В ее голосе послышались слезы. Владимир отвернулся, почувствовав комок, подкативший к горлу.

— Мы встретимся, ребята, — сказала Таня, протягивая им руки. — Кончится война и мы непременно встретимся. А пока... пока прощайте!

И, не оглядываясь, на бегу поправляя сбившуюся косынку, она выбежала из комнаты.

— Эх, скорее бы до завода добраться, — простонал Владимир, широкими шагами меряя комнату. — Я буду работать как чорт. Я... я покажу, на что я способен. Я такие номера отолью...

Семен, бросившись на матрац лицом вниз, молчал. На стене опять зашипел, закашлял репродуктор. Заспанный голос Виктора Костарева произнес:

— Товарищи! Угроза воздушного нападения миновала! Отбой! Отбой! Отбой!..

В коридоре зашумели возвращающиеся из убежища студенты. К шуму голосов присоединилось громкое хлопанье дверей, слышался топот ног...

На следующее утро, часов в девять, в комнату ворвался Федька Плешков.

— Ура, инженеры! — завопил он. — Едем! В двенадцать часов дня идет добавочный поезд на Бойленск. Дашаев только что звонил с вокзала. Билеты забронированы, готовьте барахлишко!

— А не врешь? — усомнился Владимир.

— Чтоб мне тройным интегралом подавиться! А институт выделяет в наше распоряжение грузовую автомашину. Полнейший порядок.

Федор Плешков, захлопнув дверь, помчался разносить добытые им сведения по другим комнатам общежития.

Он оказался прав. Староста Петр Дашаев, тучный, самый старший по годам студент на курсе, почти круглосуточно дежуривший на вокзале, действительно звонил в институт и сообщал о добавочном поезде, уходящем на Бойленск.

Началась подготовка к отъезду.

Институт предоставил отъезжающим грузовую автомашину. Провожать молодых специалистов военного времени высыпало на улицу все население общежития.

Все были взволнованы.

Не так-то просто покидать стены, в которых провел пять лет и с которыми связаны воспоминания о самых лучших днях твоей жизни, о днях учебы, студенчества. По случаю окончания не пришлось организовать ни банкета, ни даже скромного выпускного вечера. Во-первых, все произошло слишком неожиданно, чересчур стремительно, а во-вторых, на сердце у всех было тревожно, дни начались напряженные, и было не до празднеств!

Уже перед самым отходом машины Владимир сказал:

— Не плохо было бы добежать до института. Возможно, пришли какие-нибудь вести от родных.

— Ты оставайся с вещами, — предложил Семен, — а я сбегаю. Если есть письма, я заберу и твои и свои.

— Только не мешкай, — предупредил Владимир. — Машина тебя ждать не будет.

— И не надо. Поезд уходит не скоро. До вокзала я доберусь на метро. А если что, так на посадке ребята тебе помогут.

Институт находился между заводом и общежитием. Добежать до него было делом нескольких минут. Но тем не менее к моменту отъезда Семен не вернулся.

Машина тронулась. Стоявшая у общежития толпа студентов и студенток грянула «ура». Девушки замахали платками, послышались напутственные пожелания, возгласы, остроты. Отъезжавшие, сидя в кузове, наполненном вещами, отвечали нестройным хором голосов.

Владимир все вытягивал шею, надеясь через головы товарищей увидеть бегущего по дороге Семена. Но машина вышла на тракт, где под лучами солнца ярко блестел асфальт, развернулась и, набирая скорость, понеслась вдоль канала Москва—Волга, а Семен так и не появился.

Вскоре общежитие скрылось из глаз; автомобиль нырнул в туннель под канал. Из города мчался встречный поток грузовиков, большей частью воинских, с военным снаряжением, с боеприпасами.

К Ярославскому вокзалу приехали до начала посадки. Дашаев мастерски организовал отъезд своего курса. Молодым специалистам с путевками наркомата отвели три купе плацкартного вагона. На перрон их выпустили за несколько минут до посадки, для перевозки вещей дали тележку.

А Семен все не появлялся...

Вещи с помощью товарищей Владимир внес в вагон. Выкуривая папиросу за папиросой, он прогуливался в людской сутолоке, напряженно посматривая то в сторону выхода на перрон, ожидая увидеть знакомую фигуру друга, своим сильным плечом прокладывающего себе дорогу, то на стрелки часов, висевших на столбе. Стрелки двигались слишком быстро.

Сутолока на перроне постепенно утихла.

Наконец, объявили об отходе поезда. До самого последнего момента Владимир успокаивал себя тем, что Семен вот-вот появится. Он не находил никаких объяснений для такой странной и длительной задержки своего друга. Посадка тянулась очень долго. За это время можно было бы дважды съездить в Тушино и обратно. Нет, с Семеном случилось что-нибудь из ряда вон выходящее.

Чувство тревоги все возрастало, Владимир готов был вернуться в институт, но его удерживало большое количество вещей, с которыми ему одному было бы не справиться. Да и товарищи доказывали, что в опоздании Семена нет ничего страшного. В крайнем случае, говорили они, он сможет один добраться до Бойленска.

Но когда Владимир услышал пронзительный паровозный свисток, сердце его упало, словно в предчувствии беды. Товарищи почти насильно втащили его в вагон. Прислушиваясь ко все усиливающемуся перестукиванию колес, Владимир мучительно ломал себе голову над вопросом, что могло случиться с Семеном. Мысль о разлуке казалась ему слишком нелепой, невозможной.

II

Бесконечной вереницей мелькали города, села, поля. Десятки мостов через малые и большие реки проскочил поезд. Далеко позади осталась затемненная Москва с ее воздушными тревогами.

В вечерних сумерках перед глазами возник город Бойленск. Здесь мирно дымились трубы заводских корпусов. Залитый морем электрических огней, город как бы

олицетворял собой спокойствие, силу, уверенность в неиссякаемой мощи, которая все больше крепла в глубоком тылу, несмотря на то, что все дальше продвигались на восток немецкие армии, опьяненные миражем победы.

В Бойленске специалисты явились к уполномоченному наркомата.

Кабинет уполномоченного находился в деревянном наскоро выстроенном помещении, длинном и низком, напоминавшем железнодорожный пакгауз. Рамы широких, наполовину застекленных, наполовину заделанных фанерой окон почти касались земли.

Над дверью висела жестяная вывеска «Отдел найма и увольнения». Сойдя несколько ступенек вниз, молодые специалисты очутились в узком коридоре, тускло освещенном горящими под самым потолком электрическими лампочками. Дневной свет сюда почти не проникал. В коридоре толпился народ. Табачный дым прозрачными волнами расходился вокруг лампочек. Где-то звенели телефонные звонки, пулеметной очередью трещали пищащие машинки. На одной из дверей висел белый листок бумаги; на нем тушью была выведена надпись: «Уполномоченный наркомата». Шедший впереди всех Дашаев остановился и, оглянувшись на следовавших за ним однокурсников, открыл дверь.

— Прибыли, — шепнул он. — Подтянись, инженеры!

Уполномоченный наркомата, невысокий коренастый мужчина с широким, почти квадратным лицом, сидел за большим письменным столом. Стремительным и размашистым движением руки он подписывал лежавшие перед ним бумаги.

— Ко мне? — спросил он, бросив быстрый взгляд на вошедших.

— Мы молодые специалисты, — громко ответил за всех Дашаев, — только что прибыли из Москвы.

— Значит, земляки, — отодвигая в сторону папку с бумагами и приветливо улыбаясь, произнес уполномоченный наркомата. — Садитесь, товарищи. Стульев маловато, так вы по двое на один устраивайтесь. Как говорится: «В тесноте, да не в обиде».

Уполномоченный сразу понравился Владимиру. У него была хорошая ободряющая улыбка, в его скуластом лице с выдающимся вперед подбородком чувствовался человек волевой, умеющий приказывать.

Пока молодые инженеры, гремя стульями, устраива-

лись поближе к столу, уполномоченный рассматривал их, слегка наклонив вперед голову. Из-под лохматых густых бровей на Владимира глянули умные и немного усталые серые глаза.

— Как вам понравился Бойленск? — спросил уполномоченный.

— Мы к вам прямо с вокзала, — ответил за всех Дашаев, — в трамвае было слишком тесно, так что города мы и не видали.

— Как Москва живет?

Все наперебой принялись рассказывать про Москву, про воздушные тревоги, про все приближающуюся линию фронта...

Потом разговор перешел и к самой сути дела.

— Где и кем вы желаете работать? — уполномоченный быстрым взглядом окинул лица молодых специалистов.

— Мы? — Дашаев переглянулся с товарищами. — У нас у всех направление на машиностроительный завод. Мы инженеры-мотористы. Я лично готов работать на любом участке, куда бы меня ни поставили. Военное время...

Уполномоченный одобительно кивнул головой.

— Отлично, — сказал он, — именно это я и хотел от вас услышать. Давайте ваши командировки.

Владимир первый подал свою командировку уполномоченному.

— Я попросил бы вас направить меня в конструкторский отдел, — тихо, но твердо произнес он. — Я хочу работать над проектированием мотора.

— Именно в конструкторский? — удивленно переспросил уполномоченный.

— Да, именно в конструкторский.

— Вот чего я не могу сделать. На заводе острый недостаток инженеров в механических и литейных цехах. Конструкторский отдел завода, насколько мне известно, укомплектован полностью. Как вы занимались в институте?

Владимир вынул диплом и подал его уполномоченному. По всем предметам он был аттестован «отлично».

— Недурно, — заметил уполномоченный и принялся барабанить пальцами по столу. — Да! Пойдите, пойдите... Я совсем выпустил из вида. Недавно сюда эвакуировался проектный отдел. Он пока будет работать

совместно с машиностроительным заводом. И у них как раз нехватка в людях. Я сейчас выясню.

Продолжая рассматривать аттестационный лист, уполномоченный потянулся рукой к телефону, стоявшему на столе сбоку от него.

Когда он положил трубку обратно, Владимир улыбнулся сдержанно, но счастливо. Он-таки добился своего. Главное было попасть в конструкторский или хотя бы проектный отдел. Это все равно. В работе он себя покажет, за этим дело не станет.

Не желая откладывать окончательное оформление на работу, Владимир прямо из отдела найма и увольнения направился разыскивать проектный отдел, который находился не на территории завода, а в одном из жилых корпусов поселка, временно занятом под служебные помещения.

Начальник отдела обрадовался приходу Владимира.

— Вы для нас находка, — сказал он. — В людях у нас острый недостаток. Сколько времени вам потребуется для отдыха после дороги?

Владимир пожал плечами.

— В отдыхе я не нуждаюсь, — ответил он, — я могу сегодня же приступить к работе, только...

— Что?

— ...только я хотел бы знать, какая работа меня ожидает?

— Я направляю вас в группу бортового инструмента. Она ближе всего подходит к вашей специальности. Руководит группой Коньков. Человек дельный, толковый.

— Позвольте, — растерялся Владимир. — Почему группа бортового инструмента? Я... я направлен к вам проектировать моторы.

Начальник отдела сначала удивленно приподнял брови, а потом рассмеялся.

— Здесь какое-то недоразумение, — объяснил он. — Мы никогда не проектировали и не собираемся проектировать моторы. Мы проектируем станочное оборудование и инструмент для машиностроительного завода. Вы должны понимать, что без инструмента и без приспособлений немыслимо никакое современное производство, будь то даже изготовление швейных машин.

— Да, да, — согласился Владимир, — вы правы, конечно. Однако проектирование какого бы то ни было

инструмента и проектирование мотора—дело совершенно различное. Я же хочу проектировать моторы.

— Мне кажется, — сказал начальник отдела, внимательно посмотрев на Владимира, — что в такое время, как сейчас, нужно делать не то, что хочется, а то, что необходимо. Вы комсомолец?

— Комсомолец. Но тем не менее я должен снова поговорить с уполномоченным наркомата. Он пойдет мне навстречу.

— Жаль. — Начальник отдела возвратил Владимиру командировку с направлением. — Очень жаль! Нам крайне нужны специалисты. Может быть, вы все-таки передумаете? Нет? Ну, не стану вас неволить. А если передумаете, приходите. Я буду рад вам.

Когда Владимир возвратился к уполномоченному наркомата, его кабинет был полон народа. Прибыл эшелон с оборудованием одного из эвакуированных в Бойленск заводов. Кроме того, уполномоченного отвлекали то телефонными разговорами, то принесенными на подпись бумагами.

— Ну, как устроились? — спросил он, наконец, Владимира, в нетерпении ожидавшего, пока до него дойдет очередь.

— Такой проектный отдел меня не устраивает, — ответил Владимир. — Я просил вас направить меня на проектирование мотора, а не на проектирование инструмента.

Уполномоченный холодно посмотрел на Владимира:

— Вы считаете, что можно обойтись без инструмента? — спросил он. — А?

— Разумеется, не считаю, — усмехнулся Владимир, — но я не хотел бы размениваться на мелочи. Я знаю, на что я способен. В институте меня учили проектировать мотор. Я и хочу заниматься мотором. Разве это постыдное желание? Моя мечта — стать конструктором. И не просто рядовым конструктором. Я хочу создавать, творить...

— Мечтать хорошо, — согласился уполномоченный, — но много советских людей, мечтавших, как и вы, о больших делах в будущем, уже отдали свою жизнь на фронте. Об этом вы думали? А о том, что нам нечем заменить людей, ушедших в армию, вы думали? Нет, товарищ Тупиков, так поступать нельзя! Мечтайте и надейтесь

в будущем стать большим конструктором, творцом моторов, но сейчас, в такие тяжелые дни, выпавшие на долю нашей Родины, идите работать туда, где вы необходимы.

Так решилась судьба Владимира Тупикова.

Он, конечно, понимал, что и начальник проектного отдела, и уполномоченный наркомата правы. Виною всему была война. Но разве можно заглушить в себе мечту, которую вынашивал в течение многих лет, которая стала целью жизни, ее движущей силой?

Молодых специалистов разместили в общежитии инженерно-технических работников. Это был небольшой двухэтажный кирпичный корпус. Он стоял последним в ряду других таких же корпусов. За общежитием начинался большой пустырь, отделяющий заводской поселок от города. Пустырь порос короткой зеленой травой. Два старых тополя стояли посреди него. По краю пустыря, вдоль корпусов, проходила плохо вымощенная ухабистая дорога.

Владимира поселили в комнате на четверых вместе с Александром Безруковым, Леонидом Раковским и Петром Дашаевым. Александр и Леонид были отличные ребята, а сдержанный и мало разговорчивый Дашаев хотя и держался несколько обособленно, но в общем человек тоже был неплохой.

Когда Владимир возвратился в общежитие, все трое, скинув рубашки, сидели за столом и играли в домино. Хлопанье костяшек о стол донеслось до слуха Владимира еще на лестнице.

— Ну, как? — встретили они его вопросом. — В конструкторском?

— В конструкторском.

— А чем недоволен? Ведь добился же своего.

— Теперь Володя пойдет дела делать, — воскликнул Александр, — не остановишь. Эх, знай наших!

— Помолчи-ка лучше, логарифм единицы, — предупредил Владимир Александра.

— Тебе письмо, — сказал Леонид.

— Какое письмо? — встрепенулся Владимир. — Где оно?

— Письмо обыкновенное, прямоугольное, — Александр приподнял на столе скатерть и вытащил из-под нее конверт. — От друга твоего письмо.

Да, письмо было от Семена.

Усевшись на кровать, Владимир поспешно надорвал конверт. Движимые любопытством, товарищи прекратили игру и выжидающе смотрели на Владимира.

«Володя! — писал Семен. — Прости меня, что я, не посоветовавшись с тобой, решил на разлуку, на нашу первую разлуку. Мне не легко было это сделать. Ведь мы, в сущности, стали братьями. Разве не так? Но я знаю, ты поймешь меня и не осудишь. Вот что случилось, Володя. Когда я пришел в институт, то нашел на раскладной доске письмо. Оно было на твое имя. Мне ничего не было. Я тут же распечатал письмо. Мне не терпелось узнать что-нибудь о моей семье, о чем не могли не написать твои родители. То, что я узнал, — ужасно. Тяжелый артиллерийский снаряд попал в наш дом; от него ничего не осталось. Погибли отец, мать, обе сестренки. Это случилось в тот самый день, когда они все должны были выехать из города. Вот какое дело, Володя!.. Что я пережил, на словах не расскажешь. Ты и без слов поймешь... Выходя из института, я встретился с комсоргом Мишей Орловым. Он удивился, увидев меня. Мне не хотелось разговаривать. Я намеревался пройти мимо, но он загородил мне дорогу. Тогда я протянул ему письмо. Миша прочел его и, схватив меня за руку, крепко пожал ее.

— Послушай! — хлопнул он меня по плечу. — Я в райком иду. Там путевка в школу летчиков-истребителей пришла. Я ее для себя забронировал. Но... так и быть... уступлю ее тебе. Хочешь?

Кажется, впервые в жизни я оказался эгоистом, Володя. Я расцеловал Мишу.

Вот, собственно, и все. Сегодня я немного пришел в себя. Сажу в общежитии в нашей опустевшей комнате, пишу тебе письмо, смотрю в окно на высокое безоблачное небо, в котором патрулируют наши истребители. Драться я буду хорошо, отлично буду драться. Жаль только, что тебя не будет рядом со мной. И знаешь, о чем я сейчас думаю? Я

думаю, что вот ты уже сидишь за чертежной доской, в твоей голове, всегда такой ясной и толковой, рождаются формы необычайного мотора. Как знать, может быть как раз на тех самолетах, на которых мне доведется бить врага, будут стоять моторы, созданные тобой, Володька.

Ну, в заключение еще должен сообщить тебе, что Танюша нас надула. Вовсе не на фронт и не в госпиталь она ушла. Ее забросили к партизанам в какой-то район Белоруссии. Это я узнал случайно. Вот тебе и Танюша!

До свидания, Володя, друг мой! Посылаю тебе письма твоих родителей. Может быть, разыщешь их на Урале. Я буду писать тебе при любых обстоятельствах. Ведь теперь у меня остался только ты... да Таня.

Москву покидаю завтра. Твой друг Семен».

По изменившемуся лицу Владимира товарищи поняли, что письмо пришло с недобрыми вестями.

— Ну, что там? — спросил Дашаев.

Владимир молча передал ему письмо.

— Читай вслух, — попросил Александр, — пожалуйста, читай вслух.

Дашаев начал читать громко и медленно, отделяя слово от слова. Когда он умолк, в комнате наступила тишина...

— Эх, Семка, Семка, — наконец, произнес Владимир, — как тебе не повезло, дружище!

— Не повезло, — усмехнулся Александр. — Какое тут к чорту невезенье! Это несчастье, причиненное сознательно и продуманно. Ему есть название: война, и виновны в ней фашисты.

— Ну, и поколотит же Семен фрицев! — Владимир стукнул кулаком по столу. — Летчик из него толковый получится. Героем он будет, помяните мое слово.

— Выход он нашел правильный, — подтвердил Леонид. — Мстить, вот что остается теперь делать!

«Танька воюет, — подумал Владимир, — Семен тоже будет воевать. Они большое, настоящее дело будут делать. А я должен заниматься ключиками? К чорту, к чорту, к чорту!»

В голове его созрело решение. Сложив письмо, он сунул его в карман и направился к двери.

— Куда ты? — спросил Александр.

Владимир ничего не ответил.

В военкомате просьбу Владимира о зачислении в армию выслушали сухо. Молодой подтянутый капитан, узнав, что Владимир к тому же работник проектного отдела, отрицательно покачал головой.

— Не могу, — сказал он. — На ваш отдел броня наложена. Да к тому же вы еще инженер. Идите и работайте.

III

Сначала Владимир решил было отказаться от работы в проектном отделе, так как проектирование инструмента его совершенно не устраивало. Но мысль, что он может вообще потерять всякие шансы стать конструктором моторов, поколебала его решение. Группа бортового инструмента как-никак входила в состав отдела, который был тесно связан с заводом, изготовлявшим моторы. Она представляла собой винтик общего механизма, того самого механизма, в котором Владимир мечтал занять ведущую роль.

Колебания его длились недолго. На другое же утро он вышел из кабинета начальника отдела окончательно утвержденный конструктором группы бортового инструмента.

Этой группой руководил Коньков, худощавый мужчина маленького роста, с подвижным острым лицом и блестящими, часто мигающими глазами. С первого взгляда он показался Владимиру очень молодым, почти мальчишкой; но это впечатление оказалось обманчивым: Конькову было уже под тридцать. Он встретил Владимира приветливой улыбкой, усадил его рядом с собой за письменный стол, заваленный чертежами.

— Значит, Михаил Петрович направил вас в мою группу? — спросил Коньков. — Я надеюсь, что мы отлично сработаемся с вами. Работа у нас живая, интересная.

— Я никогда не слыхал о бортовом инструменте, — сознался Владимир, — где он употребляется?

— Вам в институте не рассказывали о бортовом инструменте? — удивился Коньков. — Но он существует еще со времен гражданской войны. Это небольшое количество ключей и других простых приспособлений, которые комплектуются в специальной брезентовой сумке. Такая сумка в обязательном порядке имеется на борту каждой боевой машины. На случай устранения неполадок в воздухе или при вынужденной посадке. Поэтому инструмент и называется бортовым.

— Ясно,— усмехнулся Владимир, — но все-таки жаль, что вы не проектируете моторы. А ключики... хм... страшно интересно! Это каждый ремесленник сумеет.

Часто мигающие глаза Конькова замигали еще чаще. Острый нос его покраснел.

— Я не привык к шуткам, — совсем тихо, но сурово произнес он. — Если вас не устраивает работа в моей группе, можете пройти к Михаилу Петровичу.

Владимир вспыхнул. Несколько минут они молчали. Владимир, опустив глаза, принялся рассматривать раскрытый на столе чертеж молотка, обыкновенного слесарного молотка.

Работа Владимира заключалась в проектировании ключей, самых обыкновенных шарнирных, открытых плоских, накидных и торцовых ключей, предназначенных для самых обыкновенных болтов и гаек. А Коньков, вводя его в курс дела, еще сказал:

— Идя навстречу вашим желаниям, я не ставлю вас на молотки и отвертки. Вам как специалисту с высшим техническим образованием, — он подчеркнул слово «высшее», — я доверяю более ответственный участок нашей работы — ключи.

Он, видимо, считал, что оказывает Владимиру особое доверие.

С Коньковым у Владимира с первого же дня работы возникли разногласия. Не то, чтобы Владимир не взлюбил Конькова, но его возмущали придирки руководителя группы к мелочам. Рамки на чертежах, четкость почерка, одинаковые размеры цифр, сочленения линий — все это Владимир считал вещами второстепенными, мелочью. Коньков же, будто не обращая внимания на суть работы, начинал всматриваться в штриховку. Он то приближал чертеж к самому лицу, то удалял его на вытянутой руке.

— Обратите внимание на осевые линии, — говорил он. — Как их полагается делать?

— То есть как это как? — не понимал Владимир. — Обыкновенно: штрих-пунктир, тире и точка.

— Вот именно, вот именно. Тире и точка. Но какой длины должно быть тире? На сколько тире должно выходить за контур чертежа?

Владимир называл ему длину тире и величину ее выхода за контур.

— А у вас чорт знает что начерчено! — возмущался Коньков. — Вот, пожадуйста, подлюбуйтесь. — Он брал в

руки масштабную линейку и накладывал ее на чертеж. — Одно тире восемь миллиметров, другое шесть, третье семь с половиной. А выход тире за контур ключа с одной стороны три миллиметра, с другой — семь вместо полагающихся по стандарту двух миллиметров.

— Ну и что же? — стараясь оставаться спокойным, говорил Владимир. — Какое это имеет отношение к качеству ключа?

— Мы покуда говорим о качестве чертежа. Я вам могу привести пример, как однажды одна неясно поставленная запятая привела к выходу из строя целиком всего мотора.

Коньков не признавал небрежного отношения к мелочам, и лучше было не возражать ему. Найдя разницу в наклоне двух соседних букв, он тотчас же выкапывал в своей памяти подобный случай с самыми неожиданными прискорбными последствиями.

Но нужно было отдать справедливость Конькову. Его замечания не были простой придиркой. Конструкторы его группы чертили прекрасно, и в чертеже, проверенном Коньковым, уже не удалось бы найти ни малейшего изъяна.

Наставив десятки яркокрасных вопросов на стыках линий, на цифрах, на штриховке, то есть на всем, что, по мнению Владимира, относилось к разряду мелочей, Коньков начинал проверку самой сути. Здесь он требовал безукоризненной ясности в ответах. Он заставлял показывать таблицы стандартов, из которых были взяты допуски, нормальные длины и диаметры, марки сталей, термообработка. На слово он никому не верил.

Каждый раз Владимиру приходилось доказывать правильность всех выбранных параметров, хотя и Коньков, и он сам, оба они прекрасно знали их на память.

И что особенно возмущало Владимира в Конькове, так это его манера уклоняться от прямых ответов на вопросы, возникавшие иногда у Владимира.

— Позвоните в технологический отдел цеха, — советовал он, если Владимир спрашивал, какую термообработку указать ему на чертеже какого-нибудь нового, отличающегося от прежних ключа.

— Да вы-то разве не знаете?

— Там люди специально сидят на термообработке, — ворчал Коньков. — Если они вам скажут то же самое, что думаю и я, значит, у вас будет самое безошибочное решение.

«Посоветуйтесь с тем-то», «позвоните тому-то», «выясните у того-то», — вот все, что Владимир слышал от

Конькова в ответ на свои вопросы. И лучше было советовать, звонить и выяснять, ибо Коньков с изумительной точностью угадывал (или знал заранее), кто и что ему ответит. Он не разрешал Владимиру принимать на свое усмотрение ни одной цифры в чертеже. Владимир должен был доказывать ему, откуда взяты данные и почему взяты именно эти, а не другие.

Окна комнаты, в которой работала группа бортового инструмента, выходили в сторону машиностроительного завода, и Владимир часто, отвлекаясь от работы, рассматривал белоснежные корпуса цехов с высокими кирпичными трубами. Он прислушивался к рокоту моторов, заставлявшему вибрировать стекла в окнах. Там, на заводе, люди занимались настоящим большим делом. Они создавали то, о чем мечтал он, Владимир: сердце машины — мотор...

Ему казалось, что между комнатой, в которой он сидит, и заводом, на который он смотрит, не триста-четыре метра, а бездна, измеряемая многими сотнями километров.

Бывая изредка на заводе для согласования различных вопросов, Владимир имел возможность видеть и самые моторы, сходящие с конвейера цеха. Да, это были плоды творческой мысли! А проектирование ключей казалось мелкой, совершенно несоизмеримой с проектированием моторов работой.

Владимир никак не мог заставить себя полюбить «ключики», победить свое равнодушие к ним, возникшее с первого дня прихода в отдел. Выполняя порученное ему задание, Владимир никогда не чувствовал вдохновения, не чувствовал того творческого подъема, который является неперенным спутником в работе любого конструктора.

А от Семена одно за другим приходили письма. Он, как и обещал, писал очень аккуратно, хотя времени на это у него было значительно меньше, чем у Владимира.

Сначала он писал о своем переезде из Москвы в один из городов, где находилась школа летчиков-истребителей. Затем он сообщал о впечатлениях от первых полетов на боевых машинах и о своей учебе.

Конструкцию мотора и самолета Семен знал прекрасно, знал не только теоретически. Он имел звание пилота по классу учебных машин. Это звание он вместе с Владимиром получил после окончания занятий в аэроклубе. Ему оставалось только овладеть мастерством

вождения боевых машин да изучить технику воздушного боя.

Прошла зима. Немцев разбили под Москвой, но их перегруппировавшиеся полчища начали наступление на юге, устремляясь на Кубань, к Сталинграду. Настало тревожное время, приближались решающие сражения.

И вот в одном из писем Семен сообщил, что его назначили в дивизию, вооруженную истребителями с моторами, изготовленными тем самым заводом, рядом с которым работал Владимир. Эти моторы проектировались в такой же комнате, в какой он проектировал свои «ключики». Моторы создавались незнакомыми Семену людьми, а Владимир, его задушевный друг, мечтавший о создании лучшего в мире мотора, сидел над вещами второстепенной важности.

В следующем письме Семен уже сообщил о своем боевом крещении. Он вступил в войну.

Это письмо было очень длинное. Семен, когда писал его, вероятно, захлебывался от восторга и был полон еще не остывших переживаний. Владимир, читая письмо, задыхался от волнения. В душе его возникали самые противоречивые чувства. Он восхищался своим другом и готов был кусать пальцы с досады на собственные неудачи.

Ах, как ему опротивели его «ключики» после этого письма Семена!

Несмотря на все это, Владимир работал вполне добросовестно. Однажды, когда ему попался один из его самых первых чертежей, он был приятно удивлен, сравнив его со своими последними работами. Теперь было совсем не то! Владимир действительно овладел чертежным искусством. Ничего похожего на чертежи, которые он выполнял когда-то в институте. Но ведь дело-то было не в форме, а в содержании. Не мог же он похвастаться перед Семёном, что стал прекрасно чертить, чертить так, что даже придирчивый Коньков не находил в его чертежах абсолютно никаких изъянов. Впрочем, это отнюдь не улучшило его взаимоотношений с Коньковым. Каждый раз, когда Владимир сдавал руководителю очередное выполненное им задание, разговор принимал форму самого ожесточенного спора.

— Когда вы, наконец, поймете, что у вас нет стиля? — возмущался Коньков, и его часто моргавшие глаза перебегали с чертежа на лицо Владимира, с лица Владимира куда-то в сторону, потом опять на чертеж. — Стиль, по-

нимаете, стиль? У каждого конструктора должен вырабатываться свой строго определенный стиль. Вы уже больше года работаете в отделе, а взгляните на свои работы: каждый раз все по-разному!

— И какой это такой стиль может быть в молотках и отвертках? — усмехаясь, говорил Владимир. — Стиль в предметах, известных человеку еще со времен каменного века и дошедших до наших дней без существенных изменений?

— Вот в том-то все и дело. Вещь давно известная, а вы сто раз подходите к ее созданию со ста различных сторон. Даже молоток у вас один раз начерчен справа налево, другой раз слева направо. Я уж не говорю о том, что и размеры вы проставляете то над проекцией, то под проекцией, то вдруг на самой проекции.

Признавая в душе правоту Конькова, Владимир все-таки находил возражения. В нем явно жил дух противоречия, иначе зачем ему было это делать? Острый нос Конькова начинал постепенно краснеть от возмущения, голос переходил на все более высокие ноты, привлекая внимание работавших вокруг конструкторов. Задетый за живое, даже после того, как Владимир умолкал, Коньков долго еще отчитывал его. Сидя рядом, Владимир с тоской ожидал, когда, наконец, иссякнет его красноречие.

Коньков так любил читать нравоучения, а Владимир так не любил их слушать! И все-таки Коньков всегда и во всем бывал прав! Владимир, к своему сожалению, не мог не признавать этого. Коньков, несомненно, проявлял такую необычайную придирчивость благодаря искренней и подчас какой-то болезненной любви к своей работе. Когда Владимиру удавалось смирить свое негодование, вызванное слишком длительными нравоучениями Конькова, то он сначала удивлялся, а потом восхищался отношением к труду этого странного, безусловно цельного человека.

IV

Однажды, подозревая к своему столу Владимира, Коньков сказал:

— Необходимо немедленно спроектировать торцовый ключ для штупера бензопомпы и ввести его в бортовую сумку. В нем может оказаться серьезная необходимость. Имелся случай самоотвертывания. Понимаете? Торцовый ключ. Постарайтесь сделать что-нибудь оригинальное.

Владимир взял в архиве чертеж штуцера, сел к своей чертежной доске, и через полтора часа ключ уже был готов. Владимир вовсе не старался придумывать что-нибудь оригинальное. Спроектированный ключ отвечал всем требованиям стандарта — и только.

— Ну, вот, — произнес Коньков в раздумье, рассматривая вычерченный Владимиром чертеж ключа. — Ключ для штуцера бензопомпы... и здесь все?

— А что же должно быть еще? — Владимир пожал плечами.

— Разве вам не приходили на ум другие варианты? Скажем, два, три варианта, из которых путем сопоставления можно бы выбрать наиболее удачное решение?

— Варианты ключа, — усмехнулся Владимир, — обыкновенного ключа! Разве спроектированный мною ключ не выдерживает вашей критики?

— Вполне выдерживает.

— Вот видите!

— Да, но ведь дело не только в критике, — возразил Коньков, покачивая головой. — Ключ, действительно, самый обыкновенный. Но представьте себе, что вы держите его в своих руках и вам предстоит самому заворачивать или отворачивать штуцеры. Пусть этот ключ существует давным-давно, а все-таки в нем можно найти незамеченные прежде недостатки, сделать его лучше. Я веду речь к тому, что в вашей работе совершенно нет жизни. Вы работаете как на похоронах.

— Остроумное сравнение, — вспыхнул Владимир. — Ведь не моя вина, что я попал в похоронное бюро, имеющее группой бортового инструмента.

Теперь очередь возмущаться была за Коньковым, но к удивлению Владимира он остался совершенно спокоен.

— Мне слишком много приходилось работать ключами, — сказал он, — и я прекрасно представляю себе роль хорошего ключа в руках опытного моториста или бортмеханика. Попробуйте и вы осознать это, тогда ключи перестанут быть для вас мелочью, а с вашей доски повеет живой, свежей мыслью. За год своей работы в отделе вы достигли уровня только самого посредственного конструктора. Этого слишком мало для советского инженера.

Целый день в ушах Владимира звучали слова «свежая мысль» и «самый посредственный конструктор». Коньков унизил Владимира в его собственных глазах, подчеркнув то, что Владимир и сам уже замечал: его однокурсники,

вместе с ним приехавшие из Москвы, занимали командные должности, работали мастерами, начальниками участков, старшими технологами. Владимир же как поступил конструктором, так им и остался, и перспектив на будущее у него никаких не было.

В этот день Владимир с трудом дождался конца рабочего дня. Домой он пришел в самом отвратительном настроении. А дома его ждало очередное письмо от Семена. Друг сообщал о первом полученном им ордене Красной Звезды за то, что в воздушном бою им были сбиты два «Мессершмидта-109».

На следующий день с утра Коньков подозвал к себе только что вошедшего Владимира.

— Не так давно, — сказал он, — мы ввели в бортовую сумку торцовый ключ для заворачивания и отворачивания штуцера бензиновой помпы. Помните?

— Да, — ответил Владимир, вспоминая одновременно разговор, после которого он долго не мог прийти в себя. — Да, помню, разумеется.

— Нужно срочно проверить этот ключ.

— Позвольте, — усмехаясь, удивился Владимир, — разве не вы его проверили до самых мельчайших подробностей? И вдруг снова проверять?

— Я имею в виду другую проверку.

— А именно?

— Ключ необходимо проверить в работе, то есть своими руками отвернуть и завернуть им штуцер. Для этого вы возьмете ключ на складе завода и отправитесь с ним в авиашколу. Я договарюсь, чтобы вас допустили к машинам. А заодно познакомьтесь с особенностями конструкции винто-моторной установки. Это облегчит вам работу по проектированию ключей. Посмотрите все, что успеете. Но, главное, проверьте ключ для штуцера бензиновой помпы. Вы поняли меня?

— Нет, — возмутился Владимир, — ничего я не понял. Я вполне доверяю своим глазам. Чертеж ключа точно соответствует чертежу штуцера. Вы и сами в этом убедились. Ошибки быть не может. Для чего, спрашивается, тащиться мне с ним за десять километров?

— Действительно, вам трудно втолковать самые простые вещи. Я надеюсь, что вы поймете, когда сами попробуете отвернуть штуцер. А поэтому не будем продолжать ненужный разговор. Мое задание считайте приказом.

Коньков склонился над столом и начал внимательно рассматривать лежавшие перед ним чертежи. Этим он дал понять, что разговор окончен.

Владимир и в самом деле не видел необходимости такой проверки. Он понял Конькова в том смысле, что тот ему просто не доверяет. А между тем у Владимира не было таких ошибок, которые делали бы ключи непригодными для работы.

На другой день, захватив с собой ключ, Владимир отправился в Бойленскую авиашколу. Школа находилась за городом, в степи. От заводского поселка ее отделяло расстояние в три-четыре километра. К ней вел широкий укатанный тракт.

Попутная машина довезла Владимира до самых ворот школы. В комендатуре ему выписали пропуск. И первое лицо, которое увидел Владимир, пройдя через проходную будку на территорию школы, был Федор Плешков. Федор почти бежал навстречу Владимиру.

— Привет, привет, привет! — кричал он еще издали, а подбежав, схватил обеими руками руку Владимира и крепко потряс ее. — Сколько лет, сколько зим не виделись! Разрешите представиться: младший техник-лейтенант Плешков. По приказанию начальника школы явился в ваше полное и неограниченное распоряжение. Можете извлекать из меня корни любой степени.

«Заработала мельница», — подумал Владимир, с неприязнью разглядывая офицерскую форму, хорошо сидевшую на Федоре и очень шедшую ему.

— А зачем ты мне нужен? — спросил он вслух.

— Какой-то мистер звонил из проектного отдела. Просил оказать всяческое содействие прибывающему в наше летное царство богу-конструктору. Но, уважаемый маэстро, отчего вы не спросите, как я очутился в чине офицера? Это чрезвычайно поучительный случай для всех юношей, стремящихся в заоблачные высоты. Нужно обладать моей твердостью и настойчивостью, всеми качествами моей всесторонне одаренной натуры. Да, да, не усмехайтесь, любезный! Перекочевать из преисподней литейного цеха на зеленый простор аэродрома не так-то просто. Если бы не мое исключительное красноречие...

— Послушай, — сухо перебил его Владимир, — мне нужно проверить вот этот ключ, — он повертел ключом. — Если уж тебя выделили в мое распоряжение, веди меня,

куда следует, а слушать твою болтовню у меня нет никакого желания.

Обидевшись, Федор насупился, но не прошло и пяти минут, как лицо его опять прояснилось.

— Мы все-таки старые друзья, — сказал он, — мы вместе с тобой мечтали проектировать моторы-гиганты. Наша мечта почти сбылась.

— Мне очень хочется испытать ключ на твоей голове, — с трудом удерживаясь от того, чтобы не привести свои слова в исполнение, сквозь зубы процедил Владимир. — Куда ты меня ведешь?

— К своим самолетам, то есть к тем машинам, которые обслуживают подчиненные мне механики и мотористы. Не забывай, Володя, что я младший техник-лейтенант, офицер.

— Я крайне поражен этим, — признался Владимир. — Я верю в истину, что тот, кто много говорит, мало работает. А здесь все-таки военная школа, подготовляющая летчиков.

— Что же мне сказать в свое оправдание? Я отвечу тебе стандартной фразой, принятой здесь, в школе, подготовляющей летчиков.

— А именно?

— Звено, обслуживаемое техником-лейтенантом Плешковым, не имеет ни одного срыва вылета по причине неисправности материальной части. Вот пойдем-ка, пойдем.

Федор схватил Владимира за рукав и потащил его куда-то в сторону. Они остановились у небольшого одноэтажного здания, сложенного из серых шлакоблоков. Владимир так и не узнал, для чего предназначено это помещение. Федор подвел его ко входной двери и ткнул пальцем в большую «Доску почета», висевшую на стене. Внизу ее, под фотографией, было написано: «Лучшие люди нашего полка». Владимир без труда отыскал фотографию улыбавшегося Федора Плешкова.

— Видел? — самодовольно спросил Федор. — Почти на первом месте.

— Ошибка природы, — усмехнулся Владимир. — Я же по институту знаю, на что ты способен. Литейный-то цех не по вкусу пришелся?

— Да нет, не сказал бы, — покачал головой Федор, — под конец мне даже начало нравиться из стальной водички всякие финтифлюшки делать. Я там одно дельце даже через бриз провернул.

— Неужели?

— Чтоб мне тройным интегралом подавиться!

— А потом пятки салом смазал? Ну и пройдоха же ты!

— Никакой я не пройдоха. И никакие пятки я салом не мазал. Просто вызвали меня в военкомат и сказали: «Уважаемый товарищ Плешков! Школе летчиков дозрелу нужен высококвалифицированный специалист, в совершенстве знающий мотор. Нижайше просим вас дать свое согласие на перемену климата».

«Вот же везет человеку, — с завистью подумал Владимир. — Я просился — не взяли, а этого болтуна приняли».

— Идем проверять ключ, — сказал он. — Где твои машины?

— Идем, идем. Только знаешь что, Володя? Бензиновые помпы у нас сняты для проверки в лабораторном цехе, а вот во второй эскадрилье как раз собираются менять помпы. Давай сплавим туда твое подопытное животное да пойдем смотреть наше хозяйство. Ну и машины, скажу тебе! Скорость, маневренность, мощность — мечта! А какое электрооборудование, какое вооружение!

— А что ж, — невольно заражаясь возбуждением Федора, согласился Владимир, — я не прочь, пожалуй. Отдай-ка кому-нибудь ключ, пусть им поработают. В конце концов, безразлично, чьими руками он будет проверен.

Владимир передал ключ Плешкову и, пока тот разыскивал техника второй эскадрильи, с любопытством рассматривал ангары, шеренги самолетов, выстроенные на летном поле, присматривался к проходившим мимо курсантам, одетым в меховые комбинезоны и кожаные шлемы. Все это так отличалось от аэроклуба, который когда-то он кончал вместе с Семеном.

Федор вернулся без ключа.

— Все в порядке, — успокоил он Владимира, — штуцеры будут отвертывать твоим ключом. Пошли!

Они прошли через вторые ворота в изгороди из колючей проволоки и по краю поля двинулись вправо, к выстроенной в ряд эскадрилье истребителей. Вдали выруливали на середину поля одна за другой тяжелые двухмоторные машины. Шум нескольких десятков работающих моторов сливался в единый гул, далеко разносившийся по окрестностям.

Тупиков с Плешковым провели у самолета больше трех часов. Владимир с помощью Федора ознакомился с конструкцией винтомоторной установки, то есть со всем тем оборудованием, которое дополняет мотор, установленный на машину. Этот осмотр еще раз подчеркнул правоту Конькова. Да, тот всегда оказывался прав! Владимир получил возможность осознать, почувствовать почти физически, как работают ключами, создаваемыми в проектно-м отделе.

Придирчивость Конькова не была напрасной. Хороший ключ позволял механику самолета быстрее подготовить машину к боевому вылету. Плохой ключ обезоруживал механика, как бы отсекал у него руки.

Покончив с осмотром, Владимир вспомнил и о том ключе, который принес с собой. Он помог Плешкову закрыть капот машины, зачехлить ее. Потом они направились к месту стоянки самолетов второй эскадрильи. Часть машин второй эскадрильи уже вышла в воздух. Оставшиеся на земле тоже готовились к вылету.

— Смотри! — прокричал Федор на ухо Владимиру, стараясь перекричать шум работавших моторов, — твой ключ в ходу. Вон им как орудут.

Владимир взглянул в направлении протянутой руки Плешкова. Молодой и краснощекий механик привертывал штуцер бензопомпы.

Владимир подошел ближе к самолету. Он кивком головы указал на ключ. Механик, широко улыбнувшись, показал большой палец, что означало: «Ключ отличный».

— А где же техник эскадрильи? — прокричал Владимир на ухо Плешкову так громко, что в горле у него запершило и он раскашлялся.

Плешков засмеялся и указал вверх, в синее безоблачное небо, в котором кружились стремительные стальные птицы.

— Машину облетывает!

...За воротами школы Владимир оглянулся. Учебные корпуса, ангары, стоящие на поле самолеты — все это снова напоминало ему его несбывшуюся мечту.

Он подумал о Семене, который летает сейчас на одной из таких же боевых машин, все более совершенствуется в искусстве воздушного боя. Семен растет, делает большое дело. А в чем совершенствуется он, его друг Владимир? В «ключиках»...

Владимир взглянул на зажатый в руке торцовый ключ. У него возникло острое желание зашвырнуть его далеко в степь. Он, пожалуй, так и поступил бы, если бы его не остановила мысль о Конькове. Нет, не стоило давать ему очередную тему для нагоняя! Нравоучения, бесконечные лекции, придирки к мелочам... как все это надоело!..

— Проверили? — спросил Коньков, когда Владимир возвратился в отдел.

— Проверил.

— Ну и как?

Владимир пожал плечами:

— Все в порядке.

— Такое объяснение меня не устраивает, — нахмурился Коньков. — Расскажите подробно, как прошло испытание ключа.

Владимир чуть не рассмеялся. Испытание ключа — какая жалкая пародия! Испытывать можно мотор, но ключ...

Коньков между тем принялся расспрашивать о том, насколько удобно работать ключом, нельзя ли провести какие-нибудь улучшения, какие замечания высказал технический персонал, обслуживающий самолеты, и т. д.

Владимир с трудом дождался конца разговора. Своими руками он не завернул и не отвернул ни одного шульца, а потому ему приходилось лгать.

Владимир не терпел лжи и в этот момент ненавидел самого себя.

V

Прошло два дня. Владимир успел уже забыть о торцовом ключе, но оказалось, что история с ним была еще далеко не окончена.

Неизвестно, что именно в объяснении Владимира возбудило сомнение Конькова: недостаточно четкие ответы, интонация голоса или выражение лица — кто знает?

Коньков все еще оставался загадкой для Владимира, хотя прошло около двух лет их совместной работы в отделе.

Подозвав Владимира к своему столу, Коньков попросил его сесть. Владимир сел. Глаза Конькова мигали чаще обычного, нос покраснел, губы вздрагивали. Все говорило о том, что он сильно разгневан. Но, увы, Коньков никогда не выходил из себя, умел сдерживать свое

негодование, осажаясь во всем и всегда систематичным, выдержанным и... стало быть, скучным.

Да, Владимиру Коньков всегда казался слишком скучным: он считал, что для настоящей работы необходимы огонек, азарт, вдохновение. А Коньков.... Коньков был создан для «ключиков».

Коньков открыл средний ящик стола и вынул из него... торцовый ключ! Потом он рядом с ключом положил штуцер бензиновой помпы.

— Как же могло случиться, — Коньков пододвинул ключ к краю стола, ближе к Владимиру, — как могло случиться, что проверенный вами ключ совершенно непригоден для работы?

— Не может быть! — вспыхнул Владимир. — Ключ работает нормально.

— Нормально? Что ж... Наденьте ключ на штуцер.

Владимир взял со стола одной рукой ключ, другой — штуцер. Он поднес ключ к шестиграннику штуцера и... не поверил своим глазам. Ключ не надевался на штуцер; он не годился ни для заворачивания, ни для отвертывания штуцера.

Владимир растерянно поглядел на Конькова.

— Странно, — произнес он, — я ничего не понимаю. Может быть, штуцер...

— ...изготовлен не по чертежу? — подхватил Коньков. — Или не по чертежу изготовлен ключ? Вот, пожалуйста.

Снова открыв ящик стола, Коньков один за другим выложил на стол еще четыре ключа и высыпал из картонной коробки с дюжину штуцеров. Как ни перебирал Владимир ключи и штуцеры, в каких сочетаниях он их ни пробовал, результат был один: ключ не годился.

— Что же случилось? — пробормотал окончательно сбитый с толку Владимир. — Что могло случиться?

— Это я вас спрашиваю, что случилось, — сухо ответил Коньков.

— Но... я же своими глазами...

— А не своими руками! Понимаете? Не своими руками! Сейчас же позвоните на инструментальный завод и потребуйте, чтобы там немедленно прекратили изготовление этих ключей, пока мы не выясним, в чем дело.

Коньков еще долго говорил с Владимиром по этому поводу, так что вся история с ключами стала приобретать необычайно важное значение. Можно было поду-

мать, что речь идет о крушении пассажирского поезда, взрыве порохового склада или еще о чем-нибудь подобном.

В течение всего следующего дня Коньков ни на шаг не отпускал от себя Владимира. Прежде всего они достали в архиве чертежи ключа и штуцера. Сопоставление размеров показало, что ключ удовлетворяет всем требованиям.

— Ну вот и все, — облегченно вздохнул Владимир, — чертеж правильный.

— Нет, далеко не все, — ответил Коньков. — Чертеж — это только первая стадия в изготовлении ключа. Он родился на вашей чертежной доске, но это еще не значит, что мы должны забыть о его существовании после того, как пустили его в массовое производство. Мы должны...

И опять Коньков говорил, говорил без конца, наводя смертную тоску на Владимира. И досадней всего было то, что он, как всегда, оказался прав и на этот раз.

Коньков не поленился вместе с Владимиром отправиться в авиашколу. Попутных машин не оказалось. До школы они шли пешком. Всю дорогу молчали. Оказалось, что Конькова очень хорошо знают в школе. Его встретили как старого знакомого и желанного гостя. В техническом кабинете, куда провели Владимира и Конькова, сразу же начал собираться народ: мотористы, техники, курсанты, инструкторы. Конькова засыпали вопросами. Ответы его выслушивались с глубоким вниманием.

Владимир удивился: Коньков отвечал на все вопросы. Казалось, он знает абсолютно все: конструкцию мотора, конструкцию самолета, электрооборудование, болезни агрегатов, ремонт в полевых условиях и многое другое.

Наконец, пришел техник второй эскадрильи, которого долго разыскивал дежурный по школе.

— Я хотел бы поговорить с вами о ключе для штуцера бензопомпы, — объяснил ему Коньков цель своего прихода. — Его приносил вам два дня назад инженер моей группы... — Коньков взглянул на Владимира, — товарищ Тупиков.

— Ключ-то я помню, — улыбнулся техник второй эскадрильи, — но товарища инженера я не видал. Ключ мне передал младший лейтенант Плешков...

Коньков нахмурился. Владимир густо покраснел.

— Ключ отличный, — продолжал техник, — и вообще должен сказать, что ваш бортовой инструмент вне конкуренции.

Коньков утвердительно наклонил голову, принимая похвалу как нечто должное.

— Ну, а ключ, торцовый ключ, — спросил Коньков, — вы пробовали им заворачивать или отвертывать штуцеры бензиновой помпы?

— Пробовали. Хорошо получается, ключ отличный. Раньше в бортсумке такого ключа не было, и как снимать помпу — так одно мучение. Приходилось специальные приспособления изготавливать. Ключ торцовый своевременно придумали. Правда, на первый штуцер он почему-то не полез...

— Слышите? — повернулся Коньков к Владимиру.

— Так мастерская-то у нас рядом, — улыбнулся техник второй эскадрильи. — Два раза напильником шаркнули и все. После этого дело пошло гладко.

«Два раза напильником шаркнули, — подумал Владимир, — а разговоров воз, трактором не вытянешь».

— Почему же вы не сообщили товарищу Тупикову о произведенной доделке ключа? — спросил Коньков.

— Да какая же это доделка, — махнул рукой техник. — Это мелочь. О ней и говорить не стоит. Напильник на каждом аэродроме найдется.

— Нет, это не мелочь, — возразил Коньков. — Кто нам разрешил допускать изготовление негодных вещей? Кто?

Из школы Коньков потащил Владимира за собой на инструментальный завод, который находился на противоположном конце города. Завод размещался в новых, только что отстроенных кирпичных корпусах. Владимиру часто приходилось бывать здесь для решения различных вопросов, связанных то с использованием заменителей вместо дефицитных материалов, то с расширением допуска на изготовление, то с изменением обработки. Здесь Владимира знали не хуже Конькова. Хотя он и относился к «ключикам» с явным пренебрежением, но мастера уважали его за умение быстро и всегда правильно находить выход из любого затруднительного положения.

Владимира и Конькова принял начальник цеха. Тотчас же был вызван старший мастер участка, где изготовлялись торцовые ключи для штуцера бензопомпы.

— Действительно, неприятная история, — согласился начальник цеха с Коньковым. — Хорошо, что вы нам об

этом во-время сообщили. Если, по вашим словам, чертежи не имеют ошибки, то причину брака следует искать где-то у нас. Принесите-ка чертеж ключа, — обратился он к старшему мастеру.

Старший мастер вышел и вскоре вернулся с промасленным от долгого употребления чертежом в руках. На полях его виднелись грязные отпечатки пальцев, края уже были надорваны.

— Давайте посмотрим, в чем тут дело, — сказал начальник. — Если ключ не надевается на шестигранник, стало быть зев его выполнен меньше необходимого размера. Не так ли?

— Совершенно верно, — согласился Коньков.

— Мы делали точно по чертежу, — заметил мастер, — отступлений никаких не было.

— И зев был в допуске?

— Конечно.

— Плюс двадцать четыре сотых?

— Нет, зачем же плюс, минус двадцать четыре.

— Как минус?! — вскричал Владимир. — На чертеже нет никакого минуса.

— Что такое? — удивился начальник цеха. Все четверо, почти касаясь друг друга головами, принялись рассматривать чертеж.

— Вот, смотрите, — мастер ткнул пальцем на зев ключа, — минус.

— Это плюс, — возразил Владимир.

— Нет, минус, — возмутился мастер, — я еще покуда не ослеп.

— Тише, тише, — остановил их Коньков, — вы оба правы. Такое противоречивое мнение становится возможным лишь потому, что чертеж неудачно сложили в светокопии. Сгиб попал на перекладину знака «плюс».

— Неужели? — удивился мастер. — Взяв чертеж со стола, он поднес его почти к самому лицу. — А ведь и в самом деле... ну, да... не то плюс, не то минус... Экая нелепость!

— Чтобы впредь такой нелепости не происходило, вы получите выговор по заводу, — сказал начальник цеха, — а если еще повторится нечто подобное, я вас уволю. Идите.

Мастер ушел. Простившись с начальником цеха, ушли и Коньков с Владимиром.

Обратно они ехали на трамвае. Коньков хмурился, смотрел в окно. Владимиру было непонятно его настроение.

Вопрос о торцовом ключе казался ему исчерпанным. Все выяснилось, все утряслось. Владимир облегченно вздохнул. Мысленно он еще раз подивился беспокойному, суетливому характеру Конькова.

Трамвай подошел к заводу уже в сумерках. Над заводом завыл гудок. Кончалась рабочая смена.

— Скажите, — не утерпел Владимир, чтобы не спросить Конькова, — вы, конечно, обвиняете меня во всем случившемся?

— Да, — резко ответил Коньков, — во всем виноваты вы. Впрочем, нет! Виноваты мы оба. Я виноват в том, что проявил по отношению к вам недостаточную требовательность. Вы думаете, брак получился только потому, что в светокопии неудачно сложили чертеж, или что при изготовлении недостаточно внимательно его рассмотрели? Ерунда. Все дело в вашем стиле работы. Вы поставили нужный размер ключа в плане, а не в сечении. Вам кажется совершенно безразличным, на какой проекции поставить размер, в ваших глазах это мелочь, не заслуживающая внимания. Вот вам и плоды мелочи! Если бы размер зева вы всегда ставили в сечении, и только в сечении, он никогда бы не попал в место сгиба чертежа. Никогда! Но и не в этом еще основная беда. Дело в том, что вы и ключи считаете за мелочь. Вместо того, чтобы самому, своими собственными руками завернуть штуцер, вы отдали ключ посторонним лицам. В результате от нашего внимания ускользнул дефект, делавший ключ непригодным к употреблению. Мы допустили изготовление брака, в то время как могли не допустить его.

— Да какой же это дефект! — вырвалось у Владимира. — Два раза шаркнуть напильником.

Коньков, семенивший рядом с широко шагавшим Владимиром, остановился. Он раскрыл рот, чтобы сказать, видимо, горячее словечко, но сдержался.

— Когда-нибудь сама жизнь докажет вам, как глупо вы ошибаетесь, — проговорил он своим обычным сдержанным тоном. — Сцепление самых незначительных мелочей все же может порой привести к большой и непоправимой беде...

Расставаясь, Коньков едва удостоил Владимира кивком головы и, не подавая ему руки, свернул в сторону.

Отгремела великая сталинградская битва. Она положила начало мощному наступлению Красной Армии на всем протяжении фронта от Ленинграда до Северного Кавказа. Сокрушая и дробя на части немецкую оборону, один за другим вступали в действие фронты: Северный, Центральный, Украинский.

К этому времени немцы уже потеряли свое преимущество в воздухе. Советская авиационная промышленность, освоив массовый выпуск более совершенных моторов и самолетов, оставила далеко позади себя достижения в этой области фашистской Германии, которую уже не могла спасти авиация захваченных ею стран Европы. На фронт массовым потоком шли прославленные «Лавочкины», «Илы», «Яки», «Петляковы», «Туполевы».

Семен сражался на истребителях, на которых стояли моторы самой последней марки. Уже два ордена украсили его грудь, и шесть сбитых немецких самолетов было на его счету.

«Бьем! — писал он Владимиру. — Да еще как бьем! Немецкие машины пылающими кусками сыплются вниз под огнем наших скорострелок. Мы гоним их повсюду. Мы, летчики, гордимся своей авиационной промышленностью, создавшей лучшие в мире боевые машины».

Линия фронта все дальше продвигалась на запад.

Наконец, наступил день освобождения Смоленска. Владимир пришел на работу в радостном возбуждении. Да и не он один. Проектный отдел гудел. Шумные споры разгорались у карты Советского Союза. Фронт все ближе подвигался к границам Германии, все чаще произносилось слово «победа».

«Ну, — думал Владимир, поглядывая на карту с красными флажками, — кончится война, тогда-то меня уж никакими силами не удержишь в проектно-м отдел. Тогда — прощай «ключики»! Жаль, конечно, что я не успел показать себя во время войны, да в том не моя вина. Я еще сумею доказать, на что я способен».

От Семена пришло еще одно письмо, в котором он общался о своем участии в боях за Белоруссию. На этот раз письмо было короткое и торопливое. Семен спешил. Куда? Конечно, на запад, к победе.

Потом прошел месяц, второй, третий... Семен, до сих пор аккуратно исполнявший свое обещание писать при любых обстоятельствах, почему-то вдруг замолчал.

Владимир терпеливо ждал еще один месяц. Затем стал назначать дни, в которые непременно должно было прийти письмо.

Письмо не приходило.

Встревоженный Владимир запросил штаб. Ему прислали ясный и лаконичный ответ:

«Капитан Кузьминых пропал без вести».

* * *

На исходе короткого зимнего дня, но еще в самый разгар рабочей смены, Владимира попросили к телефону. Удивительно знакомый женский голос спросил:

— Товарищ Тупиков?

— Да, это я, — ответил Владимир. — А кто со мной говорит?

Женский голос тихо и со смешинкой протянул:

— Не узнаете, товарищ Тупиков? Ай, ай, ай!

— Танька!!! — закричал Владимир так громко, что все сидящие в комнате оглянулись. Та.. Та.. Танюша, — уже тише, задыхаясь от волнения и безумной радости, пролепетал Владимир. — Ты! Это ты? Да? Ты, Таня?.. Как же мне тебя увидеть? Откуда ты звонишь? Скажи скорее или я умру тут же у телефона.

— Ой, не умирай, Володенька, — Таня засмеялась счастливым смешком. — Я из вашего общежития звоню. Если можешь, беги скорее сюда, а то я от нетерпения тоже могу умереть. Я пройду к тебе в комнату.

— Бегу, Таня, бегу! — Владимир бросил телефонную трубку, но не попал на рычаг. Трубка загремела по столу. Дрожащими от волнения руками он поймал ее и кое-как уложил на место.

Путь от заводоуправления до общежития показался Владимиру необычайно длинным. Не выдержав, он побежал; по дороге на кого-то налетел, с кем-то не мог разминуться, едва не угодил под колеса автомашины. Он не видел окружающих его предметов: весь мир был заслонен образом Тани.

Преодолев в несколько прыжков узкую деревянную лестницу, Владимир ворвался в комнату. Девушка в кителе защитного цвета, туго перетянутая ремнем, с погонами на плечах, на которых поблескивали золотые обвитые змеями чашечки и крупные майорские звездочки, в темносиней юбке и в армейских сапогах, поднялась со стула.

— Танька! — крикнул Владимир, — протягивая ей руки. — Ты?

— Володенька, ой, Володенька, — пролепетала Таня и бросилась к нему навстречу.

Владимир подхватил ее и, крепко обняв, приподнял на воздух. Он то целовал Таню, то прижимал ее голову к своему плечу и гладил ее волосы, то, откинув на руке, жадно рассматривал такие знакомые дорогие черты ее лица, то снова целовал, готовый кричать от счастья. Таня смеялась и, запустив пальцы в его волосы, глядела ему в глаза счастливым взглядом.

— Вот мы и встретились, — освобождаясь от объятий Владимира, проговорила Таня. — Рад?

— И она спрашивает! — воскликнул Владимир. — Но подожди, дай мне как следует рассмотреть тебя.

Не выпуская рук Тани, Владимир сделал шаг назад, с любовью всматриваясь в ее лицо.

Таня почти не изменилась. Она только загорела да чуть-чуть похудела.

— Ну, как? Хуже стала? — спросила Таня.

— Да нет же, нет. Ты для меня всегда была лучше всех девушек на свете. Хороша, как и раньше. Ой, Танька, Танька... Батюшки, да ты майор!

— Да. Майор медицинской службы.

— Молодец, честное слово. Это ничего, товарищ майор, что я вас по старой привычке Танькой называю?

— Наряд вне очереди, — засмеялась Таня. — Принеси, пожалуйста, воды. Безумно хочу пить.

Владимир заметался в поисках стакана. Найдя стакан, он выбежал из комнаты и, только наливая воду под краном, заметил, что забыл снять шубу и шапку.

В ожидании Владимира Таня задумчиво смотрела в окно. Счастливая улыбка не сходила с ее лица. Она села на тот же стул, на котором только что сидела, и, обхватив его спинку руками, положила на нее голову. Вернувшись с водой, Владимир подал стакан Тане и поспешно снял шубу и шапку.

— Да как ты в Бойленск попала? Как ты меня разыскала? Где была все это время? Как воевала? — забросал он ее вопросами.

— На какой вопрос отвечать прежде всего?

— Расскажи сначала о себе.

— Хорошо.

Таня небольшими глотками выпила воду, поставила стакан на стол и сказала:

— Я была врачом в партизанском отряде.

— И все?

— Конечно.

Оба весело рассмеялись.

— Ну, хорошо. Тогда ответь на следующий вопрос: как ты попала в Бойленск?

— Ты не догадываешься?

— Нет...

— Я приехала к тебе...

— О Танюша...

Он сел рядом. Обнявшись, они долго молчали. За окном сгущались сумерки. В комнате стало темно, но Владимиру не хотелось включать свет, да и Таня не просила его об этом.

— Как же ты нашла меня? — спросил Владимир, нарушая молчание. — Кто тебе дал мой адрес?

— Мне его сказал... Сема.

— Семен! — вскричал Владимир. — Где он? Почему он мне не пишет? Как ты его встретила?

— Опять куча вопросов, — покачала головой Таня. — Пусты меня, Володя.

Она одернула китель, молча отошла к окну. Владимир стал рядом с ней; в ее молчании он почувствовал недоброе.

— Где же ты встретила Семена? — повторил он свой вопрос. — Встреча друзей на фронте... Это же так интересно и, если хочешь, так романтично.

— Лучше мне было бы не встречать его, — глухо отозвалась Таня.

— Но почему?

— Потому... потому что он умер у меня на руках. И... и это было ужасно, Володя!

— Семен... умер?! — облизывая внезапно пересохшие губы, переспросил Владимир. — Ты не шутишь, Таня? Но это немыслимо, невозможно. Как же это, а, Таня?

— Конечно, я не шучу, — проводя пальцем по запотевшему стеклу, ответила Таня. — Когда он умирал, я стояла около него до последней минуты. И я не могла спасти его, не могла даже облегчить его страданий. Он попал к нам в отряд случайно. Мы выбрали его в лесу с пулевой раной в живот. У меня кончились все медикаменты, а принять самолет с Большой земли не представ-

лялось возможности, так как вся окрестность вокруг нас кишела отступающими немцами.

— Его... сбили?

— Нет, — Таня отрицательно покачала головой, — сбить его не могли. Семен был мастер своего дела. Немецкие ассы боялись встречи с ним в воздухе. Его сразила вражеская пуля. Но Семен, страдая от полученной смертельной раны, страдал еще и оттого, что оказался жертвой нелепой случайности. Я плохо разбираюсь в технике, но я постараюсь передать тебе все, что услышала от Семена. Когда по временам приступы боли стихали, он рассказывал мне об этом. О, он так негодовал...

Восьмерка советских истребителей, выполнив задание, возвращалась на свой аэродром. Командовал восьмеркой гвардии капитан Семен Кузьминых. Вдруг со стороны солнца, наперерез и сверху, из-за гряды облаков вынырнули немецкие «Хейнкели». Это были истребители новейшей системы, созданной немецкими конструкторами, и по численности они почти вдвое превышали эскадрилью советских истребителей.

Численный перевес и в первые дни войны не смущал наших летчиков, когда они летали на «Чайках», значительно уступавших «Мессершмидтам» и «Хейнкелям» по мощности мотора, по маневренности, по вооружению. Теперь же они вели великолепные скоростные машины, равных которым не имела ни одна армия другого государства.

Завязался воздушный бой.

«Хейнкели», используя преимущество в высоте и свой численный перевес, первыми начали атаку. Они пикировали на советские машины со стороны солнца, надеясь что те растеряются и, нарушив строй, позволят бить себя поодиночке.

Но получилось обратное. Сомкнувшись еще плотнее, советские ястребки пошли в ответную лобовую атаку. Это было испытание нервов. Казалось, мгновение — и машины столкнутся в смертельном ударе. «Хейнкели» не выдержали и первыми свернули в сторону. Семена пугало только одно: на исходе было горючее. Поэтому он принял решение продолжать полет с боем для того, чтобы дотянуть до линии фронта, а там уж по-настоящему разделиться с немцами.

Товарищи хорошо поняли намерение своего командира. Не теряя друг друга из вида и готовые тотчас же прийти на помощь, они широкими виражами уходили на восток.

Трассирующие очереди скорострельных пушек и пулеметов белыми нитями рассекали воздух. Звуки выстрелов смешивались с ревом моторов.

Счет открыл командир эскадрильи Семен Кузьминых. Трассирующая очередь его скорострельных пушек полоснула по винтомоторной группе и плоскости «Хейнкеля». Объятая пламенем немецкая машина потеряла управление, перешла в штопор и камнем рухнула на землю. Не прошло и минуты, как за ней последовала вторая вражеская машина, подбитая старшим лейтенантом Панфиловым.

Капитан Кузьминых атаковал третьего зазевавшегося «Хейнкеля». Третья сбитая немецкая машина сразу же охладила «боевой» пыл немцев. Часть «Хейнкелей» стала уходить в сторону облаков, предоставляя оставшимся самим решать свою судьбу. Бой подходил к концу.

И вот, выходя из пике, капитан Кузьминых увидел, что старшего лейтенанта Панфилова атакуют сразу три «Хейнкеля». Прежде чем он успел развернуть машину, чтобы броситься на выручку, над бензобаками самолета Панфилова поползла струйка дыма. Панфилов перевел самолет в стремительное пике, пытаясь сбить огонь, но пламя нарастало еще стремительнее. Оно охватило вскоре весь истребитель. Тогда Панфилов освободился от ремней, которыми был пристегнут к сиденью, и выбросился из горящей машины. Едва раскрылся купол его парашюта, как над ним тотчас же появились его товарищи. Они патрулировали вокруг парашюта до тех пор, пока ноги Панфилова не коснулись травы лесной поляны.

«Хейнкелю» дорого обошлась эта единственная победа. Еще не закончив разворота, он попал под огонь скорострельных пушек капитана Кузьминых, который разом нажал все гашетки, и «Хейнкель», словно разорванный невидимыми руками, развалился на части.

Разделавшись с «Хейнкелем», Кузьминых передал по радио приказ эскадрилье продолжать полет, а сам приземлился на той же лесной поляне, на которой еще не успел погаснуть парашют Панфилова.

Не выключая работавшего на малом газу мотора,

Кузьминых выскочил из машины и бросился к Панфилову.

— Цел? — спросил он, помогая ему освободиться от парашюта.

— Все в порядке, — ответил Панфилов, — жаль только самолет.

— Ничего, счет все равно в нашу пользу.

— Еще три звездочки прибавятся на борту твоей машины. Поздравляю, капитан! Быть тебе нынче Героем Советского Союза.

— Ну, ну, — остановил Кузьминых Панфилова, — я не признаю преждевременных поздравлений. Бежать можешь?

— Могу.

— Тогда к машине! Быстро!

Они побежали к самолету. Панфилов влез за броневую спинку, Кузьминых сел за управление. Дать газ и вырваться на средину поляны было делом одной минуты. Но в тот момент, когда машина уже готова была оторваться от земли, мотор вдруг резко сбавил обороты и... остановился.

— Упало давление бензина! — крикнул Кузьминых, откидывая фонарь, — следи за окрестностью. Я осмотрю мотор. Кажется, что-то случилось с бензопомпой. Главное, прислушивайся к лесу! Я быстро.

Он выпрыгнул из кабины, в одно мгновение открыл капот.

— Вот так история! — удивился Кузьминых, увидев стекающую на землю струйку бензина. — Отвернулся штуцер бензопомпы. Брось-ка мне бортовую сумку.

— Кажется, того... капитан, — сказал Панфилов, привставая и глядя в сторону леса, — тревога. Должно быть, мотоциклисты катят.

— Уйдем, — успокоил его Кузьминых, — успеем. Еще спикируем на фрицев.

Несколько мгновений из-под капота слышалось тяжелое дыхание Кузьминых, пытавшегося завернуть штуцер. Из глубины леса теперь явственно доносился треск мотоциклетных моторов. Этот нарастающий треск вдруг умолк. Кузьминых выпрямился и молча переглянулся с Панфиловым.

— Приехали фрицы, — вполголоса произнес Панфилов, — сейчас начнется облава. Что там у тебя?

— Ключ... не садится на штуцер...

— Да тем ли ключом ты работаешь?

Между стволами деревьев появились бегущие из леса человеческие фигуры. Это были немецкие автоматчики.

Панфилов рывком выхватил из кобуры пистолет. Кузьминых не спеша вытащил пачку папирос, одну вставил в рот, быстрым движением языка передвинул ее к углу губ, а остальные бросил под ноги. Потом так же неторопливо вынул зажигалку...

Закурив, он несколько раз глубоко затянулся.

— Беги, — приказал он Панфилову.

— А ты?

— И я... сейчас... вот только машину...

Когда Кузьминых бросал зажженную зажигалку в лужу бензина, образовавшегося под самолетом, у него было такое ощущение, будто он бросил ее на собственное сердце.

Перед тем, как побежать за Панфиловым, Кузьминых взглянул на небо. Но небо было пусто. Эскадрилья ушла на восток, домой, выполняя приказание командира.

— Эх, — крикнул он, догоняя Панфилова, — лучше бы мне погибнуть вместе с машиной, но там, в воздухе...

* * *

...Когда мы подросли к ним на выручку, — закончила свой рассказ Таня, — они лежали между пнями и расстреливали последние патроны. Мы оттеснили немцев, но долго не могли пробиться к пеням, потому что по ним густо били немецкие автоматчики.

Немцы каждую минуту могли получить подкрепление, следовало спешить. Тогда часть наших людей зашла немцам с фланга и забросала их гранатами. За этот короткий промежуток времени и случилось самое ужасное: Панфилов был убит, пуля попала ему в голову, а Семен был тяжело ранен в живот. Семена перенесли в наш лесной госпиталь. Он очень страдал, но трудно передать тебе на словах, какой радостью, каким счастьем озарилось его лицо, когда я подошла к койке и он узнал меня. Семен умер у меня на руках; он так страдал. Ему все хотелось говорить, хотя я просила его беречь свои силы. Он очень много говорил о тебе. Это страшно тяжело, Володя, когда самый близкий твой друг умирает на твоих руках. До самой последней минуты Семен находился в сознании. В короткие промежутки между приступами боли он

повторял твое имя и просил меня непременно увидеться с тобой, пожать за него твою руку.

Таня умолкла. Владимир, схватившись руками за голову, принялся ходить по комнате. Его до глубины души потряс самый факт гибели друга. Трудно было осознать, свыкнуться с мыслью, что Семки не стало. В груди щемило. Хотелось застонать.

Семен стоял перед глазами точно живой. Владимиру казалось, что он видит его то на заборе, через который они лазили друг к другу в Смоленске, то на берегу Днепра, где они втроем — он, Семен и Таня — проводили дни летних каникул, то в экзаменационном зале института, где они, сидя рядом за столом, сдавали конструкцию авиадвигателей чрезвычайно требовательному и взыскательному профессору.

Внезапно Владимира поразила другая мысль: Семен, видимо, погиб из-за торцового ключа для отвертывания и заворачивания штуцера бензопомпы... Эта мысль заставила Владимира содрогнуться. Он понял и осознал все разом. Будто перед глазами его поднялась завеса, и недавнее прошлое предстало перед ним в новом, неприглядном свете.

Владимир растерянно посмотрел на Таню. Она, живой свидетель гибели Семена, стояла перед ним, слегка опустив голову. Ее руки гладили спинку стула, на лицо набежала тень грусти.

Торцовый ключ... простой торцовый ключ погубил Семена. И ключ этот, очевидно, проектировал он, его задушевный друг Владимир Тупиков... Нелепое стечение обстоятельств? Случайность?

Нет! Не было никакой случайности. Было сцепление мелочей. Они, эти мелочи, и привели к трагедии на лесной поляне.

Теперь все стало вдруг до предела ясным и понятным. Мечтая о большом, настоящем деле, Владимир считал свою повседневную работу делом второстепенным. Ему казалось, что «ключики» не заслуживают того, чтобы посвятить им свою будущность, чтобы отдаться им со всей страстностью конструктора, дерзающего новатора, создающего новые формы механизмов. Он жаждал сразу занять ведущую роль в проектировании мотора, он видел в этом главное. Но где, собственно, грань между главным и второстепенным в жизни? В чем заключается то великое, от которого зависят судьбы людей, те дела, которые

производят перевороты в технике и в истории? Их не нужно искать: они всюду, на каждом шагу, в каждом движении человека, принимающего участие в общем созидательном труде народа. Их совершают простые советские люди, подобные Конькову.

— Таня, — сказал Владимир, — хочешь, я назову тебе истинного виновника гибели Семена? Таня, это я погубил Семку...

Таня подняла голову и взглянула на Владимира удивленными глазами.

— Что ты сказал? — переспросила она.

— Понимаешь, я глупо начал жить. Я походил на слепого котенка. А рядом со мною находился человек, втолковывавший мне самые элементарные истины. Я не слушал его, я бродил в тумане своих желаний. Я жил в своих мечтах, в то время как моя страна требовала от меня другого...

Владимир рассказал все. Его ошибка казалась ему чудовищным преступлением, ему хотелось кричать о ней на весь мир.

Таня слушала его удивленно и сосредоточенно. Ее руки, гладившие спинку стула, замерли, судорожно вцепившись в нее.

— Ну, — спросил Владимир, — что же мне теперь делать? Как мне теперь глядеть в твои глаза? Как решусь я теперь взглянуть в глаза Конькову?

Таня долго молчала. Владимир напряженно всматривался в ее лицо. Сдвинув брови и прикрыв глаза, она мучительно ловила в своей памяти ускользнувшие обрывки рассказа Семена...

Таня поняла: передав Владимиру самое главное, на ее взгляд, и опустив прошедшие мимо ее внимания какие-то незначительные подробности, она тем самым сделала конец трагедии Семена началом трагедии Владимира. Нужно было во что бы то ни стало вспомнить все подробности.

— Ах, — произнесла она в отчаянии, — я отлично помню, что Семен не мог завернуть штуцер бензиновой помпы. Эти слова врезались мне в память. А ключ... ключ... Семен вспоминал слова Панфилова... но тоже в связи с ключом. Только какие слова? Если бы я хоть что-нибудь понимала в ключах... Да зажги же, наконец, свет, — попросила она дрожащим от волнения голосом. — Что это мы с тобой сидим в потемках?

Уснуть в эту ночь Владимир, конечно, не мог.

На работу в отдел он шел как на экзамен. Он готовился к встрече с Коньковым, к разговору с ним. Теперь Коньков вырос в его глазах. Если раньше Владимир только удивлялся ему, признавая его правоту с сожалением и недобрый чувством противоречия, то теперь он понял его всем своим существом.

Прошло немало времени, прежде чем Владимир получил возможность остаться наедине с Коньковым. Это случилось в обеденный перерыв. Они вместе вышли из отдела и направились в столовую.

День был морозный, но тихий и ясный. Сквозь морозную дымку, затянувшую горизонт, просвечивал розовый диск солнца; сверкая в его лучах, искрился снег.

Коньков с самого начала рабочей смены присматривался к потемневшему и осунувшемуся лицу Владимира.

— Я хотел бы поговорить с вами, — сказал Владимир, — можете вы меня выслушать?

— Постарайтесь уложиться за час перерыва. У нас сегодня много срочной работы.

— Да я в двух словах. Прежде всего я хочу сказать, что за все время своей прошедшей работы в отделе я был упрямым ослом.

Коньков утвердительно кивнул головой, словно именно это он и ожидал услышать.

— Это во-первых. А во-вторых, я хочу пояснить, что именно привело меня к такому выводу.

И Владимир рассказал Конькову о гибели Семена.

— Значит, «ключики» для вас больше не являются мелочью?

— Нет.

— Наконец-то!

И Коньков вдруг улыбнулся широкой, радостной улыбкой. Именно такой улыбкой он встретил появление Владимира в группе, но потом, после первого же разговора, уже никогда больше так ему не улыбался...

— Я знал, что вы рано или поздно придете к правильному выводу. Вы заблуждались. Но у нас, в нашей стране, умеют прощать ошибки, если они, конечно, своевременно исправлены.

— Своевременно... а я...

— ...погубили своего друга? Нет, Тупиков, можете успокоиться. Вы, как я вижу, совсем потеряли голову. Неужели вы забыли, что я сразу задержал изготовление ключей?

— Я это помню.

— И ни один забракованный ключ не попал в бортовую сумку. Ни один.

— А как же там? У Семена?

— У него в бортсумке мог быть лишь хороший ключ для штуцера бензиновой помпы. Я сам, уже без вашего участия, убедился, что все ключи исправлены. Все! Понимаете? Все до единого! Можете верить мне. А там, на вынужденной посадке, в тревожной поспешности, ваш друг пытался, очевидно, воспользоваться каким-то другим неподходящим для штуцера ключом.

— Разрешите мне пожать вашу руку, — сказал Владимир, — вы самый настоящий человек. Теперь я не только могу честно работать, но и честно смотреть в глаза людям.

— Будем друзьями, — ответил Коньков.

МОРОЗНЫЙ РЕЙС

Рассказ

I

Ветер гудел где-то высоко в небе и сухой снежной пылью шелестел по окнам. Предрассветные сумерки еще не наступили, но город уже просыпался для нового трудового дня. Улицы оживали от людского говора и топотливых шагов, от ворчания автомобильных моторов, от крика сирен, от скрежета трамвайных колес.

Выйдя за ворота, Виктор собрался было поднять воротник, да передумал и, расправив плечи, подставил лицо под обжигающее дыхание ветра. Снег скрипел под ногами, как металлическая стружка. Парок, вылетающий изо рта, оседал на воротнике пальто белым налетом инея.

Завод находился на другом конце города. Снежные вьюги заматали пути. Перегруженные спешившими на работу людьми трамваи двигались вдвое медленнее.

Виктор любил мороз. Так хорошо было с холода очутиться в просторном цехе, по которому мощные калориферы гонят потоки теплого воздуха. Правда, случалось частенько, что еще далеко до завода начинали застывать ноги в плохо греющих керзовых сапогах. А валенки не наденешь: у станка масло, да и работать в них неудобно.

Сегодня Виктору повезло. Завернув за угол, он увидел подошедший к остановке трамвай. Сигнальный звонок заставил Виктора побежать бегом. Такую удачу упускать не следовало. Ожидание следующего трамвая могло продлиться добрых четверть часа, если не больше, а за это время мороз проберет до косточек.

И вот тут случилось самое удивительное происшествие в жизни Виктора.

Едва он поравнялся с моторным вагоном, как вдруг увидел под передней площадкой его... ноги! Да, да, человеческие ноги торчали прямо из-под колес. Кто-то лежал под вагоном.

Виктор замер на месте. От повторного звонка по спине его побежали холодные мурашки. Размышлять тут было некогда. В одно мгновение очутился он возле ног, вцепился в надетые на них валенки и что было силы рванул к себе.

Из-под вагона Виктор вытащил девушку в стеганых мужских штанах, в белом овчинном полушубке и в серой пуховой шали. Девушка сначала села тут же на снегу и, вскрикнув «Ой! Ой!», принялась потирать ушибленную об угол асфальтовой площадки голову. Потом она стремительно вскочила. Виктор увидел перед собой разгневанное девичье лицо с дрожащими губами и выбившимися из-под шали локонами белокурых волос.

— Вот как дам ключом! — чуть не плача закричала девушка. — Разве глаз у тебя нет? Или не проснулся еще?

— Что такое? — пробормотал Виктор. — Что случилось?

Он с удивлением посмотрел на увесистый гаечный ключ, зажатый в руке девушки.

— «Что случилось», — передразнила его девушка и, продолжая потирать голову, вбежала в моторное отделение вагона и с грохотом захлопнула за собой двери.

Сквозь небольшой участок очищенного от снега стекла Виктор еще на одно мгновение увидел ее лицо. Девушка села за управление, повернула рычаг, и трамвай умчался вдаль по улице.

Тут Виктор понял все. Он вытаскивал из-под вагона... вагоновожатую! Вероятно, она исправляла сигнализацию; иначе что ей было делать под вагоном?

Обескураженный столь нелепым происшествием, Виктор опоздал на работу. Он встал к станку, когда его сосед Петр Шурко снимал уже первую обработанную деталь.

II

Соперничество между Виктором Важениным и Петром Шурко уже давно перестало быть тайной. Коллектив цеха относился к нему с веселым одобрением. Над друзьями часто подтрунивали, их подзадоривали, но с успехами поздравляли искренне.

Виктор Важенин и Петр Шурко пришли на завод из разных ремесленных училищ. Их поставили рядом за новенькие, только что полученные ДИП'ы. Молодые токарки ревниво присматривались друг к другу. Каждый из них старался показать, что лучшее училище, конечно, то, из которого он пришел, что вот, мол, видите, каких отличных токарей оно выпускает! А доказать это можно было только в работе.

Соперничество долго оставалось негласным. Просто Шурко и Важенин «нажимали» сколько могли. Но потом на одном из комсомольских собраний комсорг цеха рыженькая и страшно задиристая фрезеровщица Фрося без иронии спросила молодых токарей, знакомо ли им слово «соревнование»? Полное краснощекое лицо Шурко стало вишневым. Он откашлялся и покосился на Важенина.

— Не знаю, как у «них», — Важенин пренебрежительно кивнул в сторону Шурко, — а у нас оно было в почете.

— Да я что ж, — пробормотал Шурко, — я не откажусь... Я хоть сейчас.

— То-то—сразу утихомирилась Фрося,—и нечего здесь скромниками прикидываться. Я тихонь терпеть не могу.

Обязательства были написаны в тот же день.

С тех пор прошло два года. Медлительный и неповоротливый на вид Шурко оказался достойным соперником живого и энергичного Важенина. Движения Шурко были неторопливы, но точны, а стремительный в работе Важенин удивлялся тому, как это его сосед не отстает от него.

И работали они так: Важенин дает сто пять процентов нормы, Шурко — сто семь. Шурко — сто семь, Важенин — сто девять.

Однажды Шурко пришел в цех очень взволнованный. Он ни на кого не смотрел, не ходил курить и словно прирос к станку. Обеспокоенный Виктор наблюдал, насколько быстрее обычного растет стопка обработанных деталей около ДИП'а соседа.

Когда цеховая сирена возвестила обеденный перерыв, мастер поставил на инструментальную тумбочку Шурко красный жестяной флажок. Шурко закончил дневную норму!

В столовой на расспросы товарищей он отмалчивался и круглыми задумчивыми глазами смотрел куда-то вверх, в потолок.

За несколько минут до конца смены на тумбочке Шурко появился второй красный флажок.

Двести процентов! Две дневных нормы!

Это не было рекордом, но это был успех, который доставался на долю очень немногих рабочих-кадровиков.

После гудка у станка Шурко собрался народ.

— Да как же это ты так? — спросил Важенин.

— Сначала нужно поздравить товарища, — сказала подоспевшая Фрося.

— Поздравляю!

Важенин первым протянул руку Шурко. Тот радостно схватил ее обеими руками. Поздравляли Шурко и все собравшиеся. Он, пунцовый от счастья и смущения, готов был обнять всех товарищей по работе.

— Ну, а теперь рассказывай, — потребовала Фрося.

— Что рассказывать?

— Как две нормы дал. Биографию твою мы уже знаем.

— Резец я по-другому заправил.

— А где узнал об этом?

— Да на «Индийской гробнице».

— Что мелешь? — рассердилась Фрося.

— Там перед картиной журнал показывали, — поспешил объяснить Шурко. — Профессор какой-то новые углы придумал. Математически рассчитал. Фамилию его я забыл, а углы... вот. — Он указал на зажатый в суппорте резец.

III

По способу профессора, фамилию которого Шурко забыл, все токари в цехе стали затачивать резцы, и спустя несколько дней Важенин уже снова сравнялся с Шурко.

Однако нововведение Шурко задело самолюбие Важенина. Два-три процента — это что!.. Вот сразу лишняя дневная норма — совсем другое дело!

Виктор зачастил в библиотеку, несколько вечеров провел в заводском читальном зале, просматривая книги и журналы. Страстное желание придумать что-то такое, что позволило бы увеличить выработку деталей, занимало все его мысли, нарушало сон. Виктор ходил задумчивый, с глубокой складкой, залегшей между сдвинутыми бровями.

Поиски не прошли бесплодно. Помогла и собственная смекалка. Складка между бровями расправилась. Придя утром на работу, Виктор хитро подмигнул Шурко и стал приспосабливать рядом с проходным резцом фасочный.

Совмещение двух операций дало значительную экономию времени. Правда, на тумбочке Важенина не появилось нового флажка, но Шурко все-таки остался далеко позади. На доске соревнования против фамилии Виктора появилась крупная цифра «240», выведенная размашистой рукой Фроси.

Теперь Шурко в свою очередь крепко жал руку Важенина, поздравляя с успехом.

Чуть ли не ежедневно они переписывали свои социалистические обязательства, и обычно нетерпеливая Фрося терпеливо возвращала им вчерашние бумажки с масляными отпечатками пальцев.

— Ой, дюже гарно!—пела она, подавая им чистые листки бумаги. — Жмите, хлопцы. Силенка есть в запасе, по глазам вижу. А за вами и все комсомольцы подтянутся.

И они «нажимали», получая от станка все возможное.

Однако подняться выше двухсот пятидесяти им не удалось. Многое, что повышало выработку, было придумано раньше, а мелкие усовершенствования давали всего лишь один-два процента выигрыша.

Однажды в библиотеке к Виктору подсел старший технолог цеха.

— Ищешь? — спросил он.

— Ищу, — ответил Виктор. — Только без толку.

— Отчего же без толку? Толк будет. Раз хочешь, так и найдешь. Но я тебя вот о чем хочу спросить: ты к работе других токарей присматривался? Тех, которые уже свою пятилетку выполнили?

— Да что ж, смотрел, конечно...

— Плохо смотрел. Не теми глазами. Хорошо вы с Шурко работаете, но не научились ценить один очень важный фактор.

— Какой же?

— Время.

— У нас каждая минута на учете.

— Вот.— Старший технолог поднял палец.— Минуты. А нам теперь уже дороги секунды. Понял? А может быть, даже доли их. Пересмотри свои движения. Нельзя ли отбросить что-нибудь лишнее? Наблюдай за другими.

Старший технолог был прав. Виктор понял его с полуслова. Экономия секунд... В рабочей смене их тысячи. Экономить время это значит избавиться от бесполезной непроизводительной затраты энергии.

В тот зимний день Виктору при возвращении домой пришлось пережить новое происшествие в трамвае.

Выйдя с завода, он первым вскочил в подошедший вагон. Его протиснули к передней площадке. За управлением сидела девушка, которую он утром вытащил из-под трамвая.

Меньше всего желал он встречи с нею. Уж очень нелепым выглядело утреннее происшествие. Ему, пожалуй, удалось бы проскользнуть мимо нее незамеченным, если бы на остановках она не проверяла билеты.

Виктор сделал попытку пробиться к задней площадке — ничего не вышло. Народ в вагоне стоял слишком плотно. С трудом вытащив руки из карманов, он поднял воротник пальто и надвинул на глаза шапку.

У выхода его оттеснили в сторону, прямо на вагоновожатую.

— А ваш билет? — спросила девушка.

Билета почему-то не оказалось в том кармане, в который Виктор клал его обычно. Не оказалось билета и во втором кармане. Расстегнув пальто, Виктор продолжал поиски в карманах пиджака, что было уже совершенно излишне.

Виктор мешал выходявшей публике. Его толкали и наступали на ноги.

— Отойдите в сторону, — потребовала вагоновожатая.

Она узнала Виктора и улыбнулась краешком губ. На щеках ее образовались две ямочки.

— Придется платить штраф, — сказала она.

— Пожалуйста, — Виктор подал ей пятирублевую бумажку.

— Кондуктор! На пять рублей билетов.

— Знаю я этого молодца, — прокричал высоким голосом сухонький старичок с тоненькой бородой и веселыми смеющимися глазами. — Завсегда без билета катается.

— Не выдумывайте, папаша, — рассердился Виктор.

— На «Москвича» копит, — поддержал кто-то старичка. — Каждый день по шесть гривен.

В вагоне зазвучал смех. Невозмутимая кондукторша оторвала шестнадцать билетов, не отделяя их друг от друга. Вместе с двумя гривенниками сдачи она пустила их в обратный путь. Какой-то весельчак расправил ленту. Под хохот и восторженные возгласы публики длинная

бледнорозовая лента медленно поплыла по плечам и головам пассажиров. Последним ее получил старичок, кричавший «Знаю я этого молодца». Взяв ленту двумя пальцами, он торжественно вручил ее Виктору.

Багоновожатая тоже смеялась. У нее было очень милое открытое лицо и маленькие ровные зубы. В ее синих глазах так и плясали веселые искорки.

— Эх вы, спаситель! — воскликнула она. — Спасайтесь, пока не поздно.

Виктору следовало рассердиться, но он, глядя на девушку, никак не мог этого сделать. До самого дома его преследовало смеющееся лицо, а в ушах звучал голос:

— Эх вы, спаситель!

V

Выдался свободный вечер, и Виктор с товарищем собрались в кино. По дороге к товарищу Виктор остановился у забора, на котором пестрели театральные афиши.

Навстречу шла девушка. Она тоже остановилась взглянуть на афиши. На девушке было черное драповое пальто и белая пуховая шапочка. Лицо ее показалось Виктору знакомым. Присмотревшись, Виктор смутился...

— Здравствуйте, — сказала девушка.

— А, — сказал Виктор, — это вы?

— Все морозы и морозы, — пожаловалась девушка, — будет ли им конец?

Девушка поморщилась и прикрыла руками лицо от ветра.

— Да, для вашей работы морозы дело неподходящее.

— Просто беда!

Девушка пошла дальше, и Виктор пошел вместе с нею, хотя ему нужно было совсем в другую сторону. Девушка нравилась Виктору. Она говорила торопливо и немножко картавила, плохо выговаривая букву «р». Но это вовсе не портило ее, а, наоборот, придавало ей своеобразную прелесть. И совсем не верилось, что, сегодня такая стройная, она выглядела тогда в трамвае неуклюжей, почти квадратной.

Впрочем, они только о морозах и поговорили. У одноэтажного особняка девушка остановилась и постучала в двери.

— Мы почти соседи, — заметил Виктор.

— А я не здесь живу, — сказала девушка, — здесь живут мои друзья. Я к ним в гости.

Дверь открыл юноша в больших роговых очках.

— Валечка! — воскликнул он, протягивая руку девушке. — Молодец, что пришла. Сегодня мы все в сборе.

Валя кивнула Виктору, и двери за ней захлопнулись. Юноша в роговых очках очень не понравился Виктору. Не понравилась ему и картина, которую он в тот вечер смотрел с товарищами, хотя все от нее были в восторге. И вообще ему стало скучно. Домой он возвратился рано, решив провести остаток вечера за книгой.

Но чтение тоже не шло на ум.

— Есть же на свете отвратительные типы, — подумал он о юноше в роговых очках. — Откуда только такие берутся?

Перед его воображением возник образ девушки. Виктор вздохнул и захлопнул книгу.

На следующий день по пути с завода домой Виктор намеренно пропустил несколько трамваев, пока не увидел за управлением Валию. Он протиснулся к передней площадке и встал за ее спиной, но на этот раз девушка не обернулась ни разу за всю дорогу. Виктор сошел на своей остановке с чувством досады.

В течение нескольких дней он больше не встречал Валию. Он увидел ее только в понедельник, в час ночи, когда, закончив вторую смену, вышел с завода.

Вагон был пуст. Девушка-кондуктор, приплясывая и хлопая рукой об руку, ходила из конца в конец вагона. За управлением сидела круглолицая Нюра, ученица Валии; сама Валя стояла рядом с ней. Сквозь грохот быстро мчавшегося трамвая до слуха Виктора донеслись смех и громкий говор.

— Здравствуйте! — прокричал Виктор, подойдя к девушкам.

— Здравствуйте, — ответила Валя, дружелюбно улыбаясь. — С работы? Мы тоже кончаем. Последний рейс. Вот прикидываем, как до дому добраться. К нам-то трамваи не ходят.

— Я провожу вас. Можно?

— О, пожалуйста! Только, чур, обеих.

— Ну конечно, обеих.

С этого дня и началось настоящее знакомство Виктора с Валией.

VI

Крепчали морозы. Вьюга продолжала кружиться над городом. Снегоочистители круглые сутки носились по линиям, взметая тучи снежной пыли. Но тут же ветер наметал новые сугробы. Трамваи буксовали.

Казалось, морозное дыхание ветра насквозь пронизывает металлическую обшивку вагонов. Коченели пальцы кондукторов, отрывавших билеты, и в вынужденной неподвижности мерзли вагоновожатые.

В предутренних январских сумерках, разбрызгивая изпод дуги зеленоватые искры, к конечному пункту второго маршрута подошел поезд из двух вагонов. Он осановился, не доходя до зеленого домика дежурки, потому что впереди на путях стоял еще один поезд, пришедший раньше.

— Ну что же они опять нас задерживают? — с нетерпением в голосе спросила Валя. Она неистово нажимала на педаль сигнала. Звонок отчетливо раздавался в морозном воздухе, но из дежурки никто не показывался.

Вагоны подошедшего поезда пустели. Люди спешили на завод.

— Пойдем, Валя, — сказала Нюра, стоявшая рядом с вожатой. — Греются они. Их теперь от печки и пряниками на улицу не выманишь.

— Пойдемте, девушки.

Валя, ее ученица Нюра и обе кондукторши побежали к дежурке.

В тесной комнатке на табуретках вокруг печки сидели три женщины. Они грели руки и ноги.

— Что же не отъезжаете? — спросила Валя. — Опять все вагоны с линии соберете.

— Не беспокойся о чем не следует, — проворчала полная пожилая женщина, сидевшая посредине. — Когда нужно будет, тогда и поедем. На то диспетчер есть.

Она с усмешкой подняла глаза на дремавшего за столом худосочного мужчину с большим сизым носом.

— На остановках люди мерзнут, — заметила Валя.

— А мы не мерзнем?

— Мы на работе.

— Работаем сколько можем. Куда нам торопиться? С рейса не получаем.

— А надо бы.

— Знаю уже. Читала твои бредни в стенной газете. Никому они только не нравятся.

— Придет время — понравятся... Грейтесь, девушки. Сейчас поедем.

— Куда, куда? — забеспокоился очнувшийся диспетчер. — Интервал десять минут. Забыла? Раньше не пушу. Садыкова, трогай. Пора.

— Вот он, наш график, заработал! — засмеялась Нюра. — С добрым утром, дядя Коля.

— Придумали тоже... график, — проворчала Садыкова, поднимаясь на ноги. — Тут смотришь, как бы и без графика прокрутиться. Экономия минут... Тьфу!

— И как вам не стыдно такие слова говорить, тетя Дуся? Вы должны пример показывать, а вместо этого...

— Ты меня не стыди. Тебя еще на свете не было, когда я в Питере красногвардейцев возила. Ясно?

— А теперь из-за нас люди на работу опаздывают. Будто вы уже не людей возите. Почему на заводах по-новому работают? На железной дороге строгие порядки навели. Мы же по старинке чуть живые шевелимся. Я не могу, не хочу так работать. Девочки, поехали!

— Куда? — закричал диспетчер. — Не разрешаю!

— Героем все равно не станешь, — усмехнулась Садыкова, от раздражения не попадая петлей шубы на пуговицу... — Как мы были извозчиками, так извозчиками и останемся. Возим и ладно. Труд наш не больно на виду. А девчонкам отогреться дай. Не видишь, руки у них окоченели.

— Поехали, поехали! — закричала Нюра. — Не слушай ее, Валя. Дрожжей в ней нехватает. Перекисла она и жизнь замечать перестала.

Валя с девушками вышла следом за Садыковой и ее кондукторами.

— Я начальнику парка пожалуйюсь! — крикнул вслед им диспетчер. — Это самовольство.

От дежурки отошли одновременно два поезда. Второй шел позади с неистовыми сигнальными звонками и все время подгонял первый.

VII

Они стали встречаться часто. Но мороз не позволял подолгу оставаться на улице и совершать прогулки, поэтому они не пропускали ни одной кинокартины, а как-то пошли вместе в театр.

В театр лучше было бы не ходить. Во время действия они переговаривались, вызывая недовольство

публики. На них шикали и дважды подходила контролерша.

Однажды Валя робко предложила Виктору зайти к ней домой. Он согласился не сразу. Расспросил сначала, с кем она живет и удобно ли ему зайти, когда его еще никто не знает.

Валя жила с матерью и младшим братом, мальчиком лет одиннадцати. Отец ее погиб в самые последние дни войны. Вале тогда было шестнадцать лет, и она училась в восьмом классе. Мать получала за отца пенсию, но на всю семью этого было недостаточно.

Старшая сестра Вали перешла в это время на второй курс института; она прислала письмо, в котором сообщала, что хочет бросить учебу и устраиваться на работу, чтобы поддержать семью.

— Но я рассудила иначе, — пояснила Валя Виктору. — Сестра старше меня, она уже в институте. Ей осталось меньше учиться. Пусть она раньше и кончит. Потом будет моя очередь.

Мать Вали встретила Виктора очень радушно.

Виктор стал часто бывать у Вали. Когда он появлялся, мать обычно спешила на кухню ставить самовар. Каждый раз его угощали чаем.

Словоохотливый Виктор много рассказывал о себе. Его соперничество с Шурко было встречено одобрительно не столько самой Вале, сколько ее матерью.

— Какие молодцы! — похвалила она Виктора. — Это значит не из корысти, а за честь работаете. В мои годы такого не бывало.

— Ты дома тренируйся, — посоветовала Валя.

— Как так?

— А вот как я, когда училась вагоном управлять. Знаешь, что я делала? Приду домой, сяду на стул и воображаю себя за контроллером. Верчу, кручу руками. Свои движения тренировала.

— Ох, беда мне с нею была, — пожаловалась мать. — Ночью спросонку вскочит и давай руками крутить, и давай крутить. А у самой глаза закрыты.

Виктор рассмеялся, но про себя подумал: «Идея! Честное слово, идея. Вот возьму и попробую то же самое проделать».

— Теперь каким-то графиком занялась, — продолжала мать. — Не столько зарабатывает, сколько бумаги пероводит.

— У нас парторг новый, — сказала Валя. — Старый говорил: «Ритмичное движение трамваев — фантазия. Эдак еще каждому вожаку придется в вагоне хронометр устанавливать». А этот потребовал: «На деле, мол, докажи. Слова правильные, но народ не привык им верить».

— Ну, и как?

— Для меня специально два прицепа ремонтируют. Стахановский поезд буду водить.

— Когда ты его поведешь?

— Не знаю. А что?

— Хорошо бы двадцатого. У нас юбилей завода, пятнадцать лет со дня пуска. Мы на стахановские вахты встанем. Я думаю окончательно Шурко побить.

У Вали глаза разгорелись.

— Двадцатого, говоришь? Завтра же побегу к начальнику парка. Пусть слесари досрочно ремонт кончают.

Когда он уходил домой, Валя, накинув на плечи шаль, вышла проводить его. В темном ночном небе висел яркий диск луны, а вокруг него светился широкий феерический обод.

— К морозу, — сказал Виктор, указывая на обод. — Беги в комнату, простудишься.

— Ну и пусть.

— Вот еще. Придумала.

— А тебе жалко будет?

— Не рассердишься, если скажу?

— Ну... скажи...

Он что-то шепнул ей... Валя промолчала. В темноте он не мог видеть румянца, залившего ее щеки. Наклонившись, Виктор поцеловал ее в губы...

Высвободившись из его объятий, Валя убежала в комнату.

Виктор пошел по улице, забыв застегнуть пальто... Ему было жарко.

VIII

Научиться экономить секунды оказалось не так-то просто. Работая у станка, Виктор наблюдал за товарищами, изучал собственные движения и пытался подметить ошибку Шурко.

Он сделал попытку претворить в жизнь мысль, подсказанную ему Валией: тренироваться дома. Кухонный стол служил ему станком, а в тарелках он видел детали.

— Это еще что? — испугалась мать, увидев, как Виктор замысловатыми движениями перекладывает тарелки.

— Учусь секунды экономить, — пояснил Виктор. — Я должен побить Шурко.

— Можешь бить своего Шурко сколько угодно, а тарелки бить я не позволю.

Никакие уговоры на мать не подействовали. Она убрала посуду, заперла ее в шкаф и оставила Виктора около пустого стола.

Пришлось обойтись без дальнейшей тренировки.

Возвращаясь с завода, Виктор продолжал мысленно работать. Он как бы смотрел на себя со стороны. Надумав что-нибудь, он весь горел от нетерпения, ночью ворочался с боку на бок, а утром приезжал на завод раньше обычного. Поспешно включив станок, он проверял свою мысль в действии.

Чаще всего получалось еще хуже. Но иногда он вдруг находил более точные движения. Тогда в цехе словно становилось светлее. Даже самый незначительный, самый крошечный успех радовал его, как необыкновенное открытие.

...Шурко с беспокойством поглядывал на Важенина. Разница между их дневными выработками становилась все более заметной.

Но вот как-то в конце смены Виктор подошел к Шурко и стал что-то рассказывать. Шум в цехе не позволил соседям услышать, о чем именно они беседуют, но многие видели, как широкое лицо Шурко расплылось в улыбке.

Накануне юбилея в цехе состоялся митинг. Работники цеха брали обязательства. Когда очередь дошла до Шурко, его обычно невозмутимое и румяное лицо побледнело от волнения.

— Ну, ну, — подтолкнула его Фрося. — Чего перепугался? Не рекорды же бить собираешься.

Шурко неторопливо подошел к президиуму и, повернувшись к собравшимся, сказал:

— В честь славного юбилея нашего завода я встаю завтра на стахановскую вахту и обязуюсь дать за смену...

Шурко судорожно вздохнул. Он смотрел себе под ноги, его лицо сразу покрылось потом.

...дать... ну... двести восемьдесят процентов нормы.

— Ого! — ахнули собравшиеся. — Молодец, Петя.

— А ты? — Фрося строго взглянула на Важенина.

— Петя явно скромничает, — сказал Виктор. — Он готовит нам сюрприз. А для чего нам сюрпризы? Нам работа нужна. Короче говоря, обязуемся мы с Петром завтра по три дневных нормы.

— Рекорд? — Фрося сдвинула брови.

Виктор пожал плечами.

— Называй как хочешь. Просто мы хотим показать, на что способны. Работать, так работать.

— Триста — подтвердил Шурко, — и ни процента ниже.

IX

— Одевайся сегодня теплее, — сказала Виктору мать, когда он, вскочив с постели, принялся делать зарядку. — Эдакий мороз да еще с ветром. Сколько живу на белом свете, не помню, чтобы в наших краях бывали морозы с ветром! На улицу показаться невозможно.

— Пустяки, — отозвался Виктор. — У нас сегодня день жаркий будет. Мороз не проймет.

Однако предупреждение матери не было напрасным. Несильный, но колючий ветер перехватывал дыхание. Седым налетом изморози оделись досчатые заборы, телеграфные столбы, стены домов, деревья. Люди высоко поднимали воротники, закрывали лицо варежками, становились к ветру спиной, пережидая его порывы.

Виктор вспомнил о Вале. Вот кому достанется в этот морозный день! И оттого, что он ничем не мог помочь любимой девушке, ему стало не по себе. Впервые мороз вызвал у него чувство досады.

Трамвая ждать ему не пришлось. Они ходили сегодня с необычной аккуратностью.

Взявшись за поручни, Виктор вдруг подумал:

— А не пропустить ли этот трамвай? Может быть, следующий будет вести Валя.

Время в запасе имелось. Виктор несколько мгновений колебался, а потом разомкнул руки и соскочил с подножки. Трамвай умчался в плотную морозную мглу. Виктор тут же пожалел о своем поступке. Он рисковал в такой необычный для завода день опоздать на работу. В его распоряжении оставалось самое большее сорок минут. Из них тридцать пять на поездку и пять на ожидание.

Прошло пять минут, и на повороте заскрежетали колеса следующего трамвая. Это был поезд из трех ваго-

нов. На окне моторного вагона светилась надпись «Стахановский». В небольшом протертом от снега участке стекла Виктор разглядел лицо Вали.

— Смотри, — сказала Нюра, — Виктор.

— Вижу, — ответила Валя. — Сегодня все три вагона Викторами нагружены. Юбиляров возьмем на стахановскую вахту. Опоздаем — беда будет! И людей подведем, и себя опозорим. Свое слово не выполним.

— Да, — вздохнула Нюра, — страшно!

— К тому же сегодня последний день твоего ученичества; завтра мы с тобой расстанемся. Самостоятельной станешь.

— Ой, — сказала Нюра и зажмурила глаза. — Одно я все позабуду, все перепутаю.

— Не перепутаешь. — Валя повернула рукоятку, и трамвай мягко тронулся с места. — От завода сама поведешь. Ничего сложного в нашей работе нет. Тут героем быть не требуется.

Под колесами скрипели обмерзшие рельсы. Скрипели, словно жалуюсь, вагоны. Под дугой вспыхивали голубые молнии.

Все три вагона были перегружены, но Валя вела поезд с ровной, неменяющейся скоростью. На всякий случай у нее от остановки до остановки оставались про запас одна — две минуты.

Все шло отлично. Валя прислушивалась к топоту позади себя в вагоне. Это пассажиры отогревали мерзнувшие ноги. Скоро все они привыкнут к точному, по графику, движению вагонов и не будут выходить из дома за полчаса раньше. Сколько полезного времени пропадает сейчас впустую!

Несмотря на плотно закрытые двери, ветер все-таки проникал в трамвай. Где-то через невидимые глазу щелки просачивался он и в моторное отделение. Валя приняла смену в шесть утра. За час с небольшим холод уже дал себя почувствовать.

— Вот так морозец, — сказала Валя, обращаясь к Нюре, — достанется нам с тобой сегодня.

Неприятности начались за второй остановкой после той, на которой сел Виктор. В трамвае внезапно погас свет. Во всех вагонах стало темно. Поезд некоторое время шел по инерции, а затем остановился.

— Неужели ток выключили? — испугалась Валя, отводя обратно рукоятку контроллера. — Вот будет история!

Но ток не был выключен. Навстречу, по второму пути, двигался ярко освещенный поезд. Валя открыла дверь и выскочила из вагона. Вглянув на дугу, она тотчас же поняла, что случилось: дуга осела в зажимах и перестала касаться провода.

— Приехали, — сказала Нюра, выпрыгнувшая следом за Вале́й. — Что же теперь? Ждать толкача?

Валя растерянно перевела глаза на переполненные народом вагоны.

— А позади знаешь кто? — сказала она. — Садыкова. Попробуй, дождись ее. Да и не потянет она сразу пять вагонов.

Раздумывать было некогда. С чувством острой, почти физической боли ощущала Валя, как убегает время, теряются минуты, драгоценные для нее и для тех, кто уже встревоженно шумит в вагонах.

— Поведешь поезд, — сказала она Нюре.

— А ты?

— Я поддержу дугу. На конечной исправят.

— С ума сошла! — закричала Нюра. — Обморозиться хочешь?

— Не разговаривай! — Голос Вали прозвучал так жестко, что Нюра только заморгала глазами. — Теряем время. Да не вздумай сбавлять скорость. В вагон! Ну?

Валя вскарабкалась на крышу и оттуда еще раз назвала оторопевшей и плохо соображавшей Нюре:

— На поворотах не притормаживай, колеса буксуют. На остановках долго не стой. Людей подводим. Да что же ты ворон ловишь? Иди же!

Валя подперла дугу плечом, и в вагонах вспыхнул свет. Публика обрадованно загудела.

Трамвай так резко взял с места, что те, кто стоял на ногах, попадали друг на друга, а Валя едва не слетела с крыши.

Х

Струя встречного ветра ударила Вале в лицо. Продолжая поддерживать дугу, она повернулась к ветру спиной.

— Ничего, — успокоила она себя, — доедем.

И вспомнив, что внизу, в вагоне, Виктор, улыбнулась. Он даже не подозревает, где сейчас его любовь! Пусть думает о своем Шурко. Он, наверно, так волнуется, сгорает от нетерпения...

Трамвай, грохоча и раскачиваясь, нырял из улицы в улицу. В вагонах стоял шум, крик, хохот. Еще никогда трамвай не ходил с такими рывками! Люди то падали вперед, то откидывались назад. Кто-то, ударившись об оконную раму, поставил себе на лбу шишку к немалому удовольствию соседей.

Виктор, зная о мастерстве, с каким Валя обычно вела поезд, недоумевал. А Валя негодовала на Нюру. Ее ученица уже давно могла самостоятельно водить трамваи. Что с ней стряслось сегодня?

Сначала Валя крепилась. Она внушала себе, что все кончится благополучно. Донимал только ветер. Ей приходилось непрерывно поворачиваться. Ветер дул то с одной стороны, то бросался на нее с противоположной. Ей казалось, что кто-то безжалостно плещет ей в лицо кипятком.

Валя извернулась, не выпуская дуги, и натянула шаль на лицо по самые глаза. Так стало легче. Но спустя несколько минут она почувствовала холод во всем теле; ветер пронизывал всю толщу одежды, коченели ноги и руки.

И шаль как-то неудачно закрывала лицо. Ветер подымал ее, больно щипал нос, щеки, брови. Конечно, завязаться можно было бы лучше, но для этого нужно было опустить дугу и опять потерять время.

На одной из остановок Нюра выбежала из вагона.

— Слезай, — крикнула она Вале. — Пусти меня. Я потерю.

— Веди поезд, — отозвалась Валя, — и не теряй времени.

Она, пожалуй, согласилась бы поменяться местами с Нюрой, если бы та была одета теплее. Но телогрейка Нюры не была достаточно надежной защитой от холода даже в вагоне.

Медленно наступал рассвет. В густой синеве фигура Вали сливалась с силуэтом вагона.

Трамвай не прошел еще и половины пути, а Валя почувствовала, что ее тело немеет от холода и усталости. Она поняла, что взялась за непосильную для себя задачу. Дуга стала невыносимо тяжелой. Пальцы коченели в меховых варежках.

Мимо мелькали дома. В каждом из них было тепло. Бросить бы дугу, прыгнуть вниз да постучать в ближайшую дверь, очутиться в натопленной комнате, прижаться к пышущей жаром печке...

Наконец, трамвай пошел на подъем. Отсюда оставалось совсем недалеко до завода, всего каких-нибудь пять остановок. Валя начала считать их. Считала и обмирала от нестерпимой ноющей боли, сводившей пальцы. На глазах ее выступили слезы.

На лицо она уже не обращала внимания. Ей казалось, что лицо привыкает к морозу, и ожоги ветра на нем ощущались все менее болезненно. Вся боль теперь сосредоточилась только в пальцах. Тело дрожало от озноба.

Валя удерживала дугу, напрягая последние остатки сил. Она жадно смотрела на приближавшиеся верхушки труб, все отчетливее проступавшие на посветлевшем небе. Оставалось три остановки, потом две, одна... Вот и последний поворот у школы. На остановке бегают ребята-тишки. Они размахивают руками и, разбежавшись, скатываются по обледенелому тротуару... Мороз ~~ни~~ ничем!

...Дугу бросать еще нельзя. Впереди самый длинный перегон. Пешком до завода минут десять.

Трамвай шел нестерпимо медленно. Валя никогда не думала, что трамваи движутся таким черепашьим шагом. Она совершенно обледенела и не ощущала в себе уже ни капельки тепла. Появилась приятная слабость, боль в пальцах стихала, а перед глазами поплыл туман.

— Размякла, — сказала она вслух, и звук собственного голоса заставил ее встряхнуться.

Однако силы уже покинули ее. Валя выпустила дугу, застонала и села на крышу. Трамвай, не дойдя несколько метров до конечной остановки, до зеленого домика дежурки, остановился.

Из вагонов с криком, с веселым гамом выкатывались пассажиры. Молодежь, подталкивая друг друга, прыгала прямо из дверей на снег, падала и, вскакивая, бежала к заводу.

Пробегая мимо моторного отделения, мимо Нюры, ребята бросали ей на ходу замечания:

— Эх, тетя Мотя, тебе только на метелке ездить!

— Свой лоб цел, умница?

— С похмелья, красавица? Колеса все на месте?

Но никто не догадался спросить, почему на глазах вожатой слезы.

— Где Валя? — спросил Виктор Нюру.

— На крыше.

Выпрыгнув из вагона, Виктор посмотрел на крышу. Валя сидела, поджав под себя ноги и смешно разведя руки в стороны.

— Ты что там делаешь? — удивился Виктор. — Почему тебе слезть?

— Опаздываешь, — стараясь говорить как можно бодрее, ответила Валя. — Все хорошо. Опаздываешь... Беги.

Виктор оглянулся на башню с часами. Минутной стрелке осталось еще одно деление до самой верхней цифры циферблата.

— Беги, — повторила Валя. — Ну же!

Еще никогда Виктор так не бегал... Он опередил почти всех, кто ехал в трамвае, и первым проскочил через проходную кабину. В цех, несмотря на мороз, он влетел вспотевший, запыхавшийся, на ходу сбрасывая с себя шубу и шапку.

Завыла заводская сирена. Рабочий день начался.

XI

Трамвай, наконец, опустел, и Нюра выбежала из вагона.

— Мне не слезть, — сказала Валя. — Я, кажется, обморозила руки. Пусть мне кто-нибудь поможет.

Нюра бросилась в дежурное помещение и тотчас вернулась обратно. Следом за ней, на ходу надевая пальто, выбежали диспетчер и дежурный слесарь. Они стащили Валу с крыши и увели в дежурку. Потом Нюра выскочила с ведром и зачерпнула в него снега.

Пока оттирали снегом обмороженные пальцы и лицо Валя тщетно пыталась разглядеть циферблат тикающих на стене ходиков. Туман все еще застилал ее глаза.

— Да сколько же, наконец, времени? — спросила она

— Восемь, — ответила Нюра.

— Правда? — улыбнулась Валя, с трудом прикрывая посиневшие, слипшиеся губы. — Гудок! Точно по графику, — добавила она. — И Виктор не опоздал. Никто не опоздал. Я думала, ты подведешь. Трамвай так по чудному вела, словно первый раз за управление села.

— Я ревела, — ответила Нюра. — Я сквозь слезы ничего не видела. Ты на крыше мучилась, мне тебя жалко было. У меня мороз по коже ходил.

И вдруг, разрыдавшись, она бросилась на шею подруге.

— Глупая, ой, глупая! — засмеялась Валя и, взглянув на часы, спохватилась. — В обратный рейс пора. Ну-ка, собирайся скорее. Сама поезд поведешь. Я не могу.

— Ох, уж мне эти женщины, — зевая и поглаживая сизый нос, произнес диспетчер. — Беда. Одни хлопоты с ними.

* * *

По окончании смены Виктор тщетно ждал Валю. Поезд с надписью «Стахановский» пришел, но за управлением его сидела Нюра. Вали не было.

— Где же Валя? — спросил он у Нюры.

Тогда Нюра рассказала Виктору все, что произошло в это утро. Не дослушав, Виктор уже бежал к Вале. Она сидела на кровати с забинтованными руками и с натертым жиром лицом.

— Зачем же ты это... Валя? — испугался Виктор.

— До свадьбы все заживет, — улыбнулась Валя.

Он осторожно взял ее руки.

— Ты из-за меня так поступила, Валюша?

Валя отрицательно покачала головой.

— Разве я тебя одного везла?

— Правда. — Виктор смутился. — Какой же ты молодец!

— Расскажи о своих успехах.

— Триста два.

— А у этого... как его... у Шурко?

— Триста два.

— Значит, наравне, и соревнование продолжается?

Он утвердительно кивнул головой.

— Раздевайся. Сейчас чай будем пить. От тебя морозом несет.

— Валя, — сказал Виктор, заглядывая ей в глаза, — а что если сделать так, чтобы свадьба была раньше, чем... заживет?..

— — —

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Рассказ

I

У самого подножья гор, покрытых хвойным лесом, на берегу неглубокой, но быстрой и прозрачной речки Слюдянки рассыпались дома колхоза «Заветы Ильича». Крепкие рубленые пятистенки, крытые железом и окруженные обширными усадьбами, очень походили друг на друга. Колхоз был богатый. Поля его раскинулись в живописных долинах между отрогами Уральских гор.

От районного центра Кунгура колхоз «Заветы Ильича» отделяло расстояние в пятьдесят восемь километров. Неширокая проезжая дорога, перемахнув через Слюдянку по добротному деревянному мосту, скрывалась за первым же поворотом в густом сосновом лесу.

Местами лес расступался, образуя широкие прогалины, поросшие вереском и шиповником. Прогалины в изобилии были усыпаны ромашками, лютиками и колокольчиками. За Сорочьим логом начинались колхозные поля. Дорога здесь прямой линией шла на подъем, а потом вдруг крутым поворотом по самому краю глубокого оврага стремительно падала вниз, прямо к переезду через железнодорожное полотно. На каменистых склонах оврага росла жесткая, колючая трава, а по дну его журчал ручей.

Шоферы окрестных колхозов, которым приходилось ездить по этой дороге, не любили и побаивались крутого поворота, получившего название «чортовой петли».

Колхоз был самый обыкновенный, каких много у нас в стране, и мальчишки в нем были тоже самые обыкновенные; но Димка Устинов, четырнадцатилетний подросток с вихрами белесых волос и веснушчатым остроно-

сым лицом, пользовался большей известностью, чем его сверстники. Димка заслуженно считался верховодом всех ребятишек. На улице он никогда не появлялся один: его всегда сопровождала многочисленная и шумная ватага. Мастер на всевозможные проделки, он причинял немало неприятностей своим родителям, на которых постоянно сыпались жалобы то от электриков колхозной электростанции, то от механиков МТС, то от самого председателя колхоза Максима Ивановича.

Отцовский ремень не раз прохаживался по димкиной спине, но внушения подобного рода на Димку не действовали, тем более, что был у него могущественный защитник в лице учительницы Раисы Васильевны.

Раиса Васильевна горой стояла за своего любознательного ученика. Ей удалось спасти Димку от неминуемого отцовского наказания даже тогда, когда он устроил в доме короткое замыкание.

На уроке Раиса Васильевна рассказывала о вольтовой дуге, и Димке захотелось проделать опыт дома; он собрал своих товарищей, присоединил к проводам два гвоздя и... пережег пробки. Время было вечернее, и во всем доме сразу стало темно.

Пока отец ходил за монтером, ребята успели сбегать за Раисой Васильевной, и Димка с ее помощью уже исправил пробки и включил свет.

О проделках Димки можно было бы написать целую книгу, но скажем сразу, что ни к чему он не питал такого пристрастия, как к колхозной автомашине и в особенности к ее мотору, причиняя своим любопытством немало хлопот Степану Прокопьевичу Лужину.

От одного вида Димки Степану Прокопьевичу становилось не по себе. Димка досаждал ему постоянно. Он часами вертелся около возившегося у машины шофера, жадно присматриваясь к каждому его движению. Степан Прокопьевич, самый спокойный и невозмутимый человек в колхозе, вначале стойко переносил назойливое димкино любопытство; он терпеливо отвечал на бесконечные вопросы, пока однажды Димка, воспользовавшись его отсутствием, сам не запустил мотор.

Машина тронулась с места, зацепила ободом колеса за столб, а потом, резко повернутая неопытной димкиной рукой, чуть не сбила с ног старую Аграфену, шедшую с ведрами на коромысле и оторопевшую от удивления при виде Димки, сидящего за рулем. Аграфена с диким кри-

ком шарахнулась в сторону и угодила в канаву. За ней последовали туда ведра и окатили ее холодной водой.

На крик Аграфены из правления колхоза, около которого происходила вся эта сцена, выскочил председатель Максим Иванович, за ним счетовод Филипп, за Филиппом бригады Борисенко и Лукич, пришедшие в правление по своим делам. Из окна выглянул шофер Степан Прокопьевич. Увидя машину в движении, он перемахнул через подоконник и, нагнав ее, вскочил на подножку.

Димка получил увесистый подзатыльник и поспешил унести ноги.

С тех пор ближе чем на пятнадцать шагов Степан Прокопьевич не подпускал Димку к машине и на все его вопросы отделялся угрюмым молчанием. Но такое отношение со стороны шофера вовсе не охладило димкиного любопытства. Он попрежнему продолжал появляться у машины во главе многочисленной ватаги ребятишек.

— Зажигание барахлит, — поясняет он каждое движение шофера, — дядя Степан свечи вывертывает. Сейчас он промывает их будет. А вон теперь карбюратор продувает. Это чтобы топливо шло нормально.

— А ты мог бы продуть? — спрашивает Володька Никитин.

Димка пожимает плечами:

— Как дважды два — четыре.

— И зажигание наладил бы?

— Пара пустяков. — Димка пренебрежительно машет рукой. — Я мотор как свои пять пальцев знаю.

Друзья смотрят на него с уважением. Раз Димка сказал «знаю», значит, действительно, знает. Тут и сомневаться нечего. У всех в памяти еще тот случай, когда Димка запустил машину и загнал в канаву Аграфену.

Не известно, какими судьбами Димка раздобыл себе описание автомобиля. Для шофера это было сущее несчастье, потому что все вычитанные в книге сведения Димка тотчас же бежал проверять к нему, Степану Прокопьевичу. И пока тот копался в моторе, Димка, стоявший в пятнадцати шагах от машины, высказывал свои замечания.

— А почему вы, дядя Степа, уже две недели болты не подтягивали? В книге сказано, что через две недели обязательно нужно подтягивать, иначе картер разболтается.

Степан Прокопьевич, только что собравшийся подтянуть болты картера, в сердцах швыряет ключ обратно

в кабину. Ему вовсе не хочется делать то, что подсказывает этот белобрысый парнишка, хотя бы он и был прав.

— Ты долго еще будешь околачиваться около машины? — угрожающе произносит шофер. — Хочешь, чтобы я тебе башку свернул? Марш отсюда.

Он хватает кусок глины, но Димка, зорко следящий за его движениями, подает сигнал, и ватага ребятишек, сорвавшись с места, уносится вдоль по улице.

Степан Прокопьевич Лужин считается одним из лучших шоферов в районе. В колхозе его ценят как исполнительного, требовательного к себе работника. Машина его всегда в полной исправности. Ездит он без аварий, но с такой скоростью, что ему завидуют самые лихие шоферы района.

И вот однажды Димка едва не подорвал авторитет Степана Прокопьевича в глазах председателя колхоза.

Потребовалось срочно съездить в Кунгур за запасными деталями к комбайну, который вышел из строя в самый разгар уборочных работ. Председатель, не доверяя никому такого ответственного поручения, решил сам съездить вместе со Степаном Прокопьевичем. Всю ночь перед этим Степан Прокопьевич провел за рулем, и теперь ему еще предстояло совершить рейс в Кунгур.

Он пригнал машину к правлению колхоза. Ожидая, пока выйдет председатель, он заглушил мотор и незаметно для себя задремал. Должно быть, сказала бессонная ночь.

— Поехали, да быстрее! — закричал Максим Иванович, выбегая из правления. — Пропадем мы, если к завтрашнему дню комбайн в ход не пустим.

— Все будет в порядке, — успокоил его Степан Прокопьевич, нажимая педаль стартера, — до Кунгура за час домахаем. Птицей полетим!

Стартер зажужжал, но мотор почему-то не заработал.

— Ты, Максим Иванович, поработай акселератором, — попросил Степан Прокопьевич председателя, усевшегося уже рядом с ним в кабину.

Степан Прокопьевич подошел к радиатору и вставил рукоятку в гнездо. Он принялся крутить ее так, что вся машина ходуном заходила.

— Что вы это делаете, дядя Степа? — спросил Димка. — Физкультурой занимаетесь?

— Подсасывай, подсасывай, — просил Степан Прокопьевич председателя, стараясь не обращать внимания на Димку. — Так! Еще! Сейчас заработает.

Степан Прокопьевич, оставив рукоятку в покое, открыл капот. Быстро осмотрел он карбюратор, распределитель, провода, но ничего неисправного не обнаружил. Он вернулся к рукоятке и снова принялся крутить ее.

— Дядя Степа, а дядя Степа, — не унимался Димка, — зачем вы ручкой-то работаете? У вас же...

— Пошел отсюда! — цыкнул на него Степан Прокопьевич.

— Вот еще история, — заворчал Максим Иванович. — И всегда так бывает: когда нужно срочно, тогда и неполадки.

— Никаких неполадок нет, сейчас поедem.

Степан Прокопьевич опять открыл капот и принялся вывертывать свечи.

— Да что же это вы делаете, дядя Степа? — разволновался Димка. — Загляните лучше в кабину. У вас...

— Брысь! — не на шутку рассердившись, рывкнул Степан Прокопьевич.

— Что у него в кабине? — спросил Максим Иванович, высовываясь из кабины и глядя на Димку.

— Да зажигание же не включено!

Степан Прокопьевич с треском захлопнул капот, выдернул рукоятку из гнезда и, швырнув ее со злостью на пол кабины, взобрался на свое место. Димка оказался прав, а виновата во всем была ночь, проведенная без сна. На этот раз мотор запустился без всяких хлопот.

— Что же это получается, — заметил председатель, покосившись на Степана Прокопьевича, — выходит, мальчишка лучше тебя в машине разбирается?

Степан Прокопьевич промолчал. Он испытывал большое желание схватить Димку за уши и оттащить его так, чтобы тот надолго это запомнил. Димка между тем стоял, засунув руки в карманы штанов, и радостно ухмылялся.

По дороге в Кунгур Степан поклялся в душе, что больше не подпустит Димку к машине не только на пятнадцать шагов, но и вообще на предел видимости и слышимости. Однако случилось так, что Димка и сам перестал появляться у автомашины. Он временно увлекся другой затеей.

* * *

Все школьники под руководством молодой и веселой учительницы Раисы Васильевны приняли участие в сборе колосьев, оставшихся на полях после комбайна. Они выходили в поле рано утром и возвращались поздно

вечером вместе со взрослыми. Даже налегке обойти сотни гектаров нужно не мало времени, а на сбор оставшихся там колосков требуется и того больше.

И вот предприимчивый Димка Устинов начал усиленно ломать себе голову в поисках чего-нибудь такого, что помогло бы ускорить сбор колосьев. Разрешить такую проблему в четырнадцать лет — дело нелегкое. Димка вовсе не был конструктором; он приобрел еще слишком скудный запас знаний по устройству различных механизмов, исключая разве только автомобиль. Оставалось одно: перенять что-нибудь из устройства комбайна, механической сортировки или другой имевшейся в колхозе машины.

Оставив в покое шофера, Димка начал донимать своими расспросами комбайнера. Он вертелся около работавшей машины, рискуя угодить под ремень или под колеса, пытался заглянуть внутрь. Его прогоняли, но спустя час-два он появлялся снова.

Должно быть, Димка в конце концов все-таки что-то придумал, потому что его уже больше не видели около комбайна. Он вообще перестал появляться на улице. Проходя мимо дома, в котором жила димкина семья, колхозники слышали в сарае стук молотка и взвизгивание пилы. Димка работал не один. Ему помогали все мальчишки. Одни из них шныряли по колхозу в поисках необходимого строительного материала, а другие часами пропадали вместе с Димкой в сарае.

У Нефедова с огорода вдруг исчезло чучело — колесо, обвешанное тряпками и прибитое к высокому шесту. В тот же день со двора Ныркова были унесены две уже подгнившие доски, второй год лежавшие без употребления под сараем. У Седко кто-то повыдергал из забора почти все гвозди, так что забор весь расшатался. И хотя прямых улик не было, но подозрения все-таки падали на Димку и его сподвижников. Ревизия в сарае, где Димка занимался своим изобретением, не дала, однако, никаких результатов. Ни колеса, ни досок у него не нашли. Правда, обнаружили гвозди, но доказать, что они именно из забора Седко, никто не мог.

Ранним августовским утром Димка показался, наконец, со своим творением на улице. Это была диковинная штука. Она напоминала собою тачку. К оси тележного колеса были прикреплены две длинные жерди, мешочный барабан на каркасе, сплетенном из прутьев ивняка, и еще какая-то странная качающаяся деревянная решетка.

Димкино сооружение промелькнуло по улице мимо пораженных колхозников и исчезло за околицей по дороге в поле. Нефедов, выглянувший из окошка, все-таки успел признать колесо от чучела. Он погрозил вслед Димке и его многочисленной ватаге.

— Вот я вам! — проворчал он.

В течение всего дня Димку вместе с его машиной и помощниками видели на убранных полях. Ухватившись по пять человек за каждую жердь, поднимая за собой столбы пыли, ребята мчались по полю, с одного конца на другой. Колосья, подхваченные решеткой, заполняли мешочный барабан... Время от времени ребята останавливались, выгружали колосья и складывали их в одну общую кучу.

Колхозники посмеивались, наблюдая носившуюся по полям ватагу ребятишек, но по мере того как куча колосьев превращалась в копну довольно внушительных размеров, шутки переходили в возгласы удивления.

К концу дня димкина машина не выдержала и... развалилась.

— Ничего, починим, — успокоил Димка своих товарищей, — текущий ремонт устроим.

Произвести ремонт помешал Нефедов, решительно завладевший своим колесом.

— Нового-то колеса мне не найти, — с огорчением сказал Димка после того, как Нефедов удалился с отвоеванной собственностью, — да и времени много на ремонт уйдет. Придется пока вручную собирать.

— Это в данный момент самое разумное, — согласилась с ним пришедшая посмотреть на димкино изобретение учительница Раиса Васильевна. — И вообще плохо, что вы колесо стащили, а не попросили.

— Да кто бы нам его дал?

— Сейчас уборочная, — поддержали Димку ребята, — все колеса на учете. А Нефедову мы бы другое чучело сделали, без колеса.

На том и кончилась очередная димкина затея.

* * *

На исходе хмурого сентябрьского дня на поляне перед правлением состоялось общее собрание колхозников, посвященное выполнению плана хлебозаготовок. Собрание единодушно постановило дать государству хлеб сверх плана. Решили, что первая машина с дополнительным

хлебом пойдет под красным флагом и с красными полотнищами на бортах кузова, на которых будет написано: «В подарок государству от колхоза «Заветы Ильича».

— У меня есть предложение, — выступая вперед, сказала Раиса Васильевна, — пусть на этой первой машине будет увезено и зерно, собранное школьниками.

— А что ж, — согласился с ней Максим Иванович, — к стыду комбайнеров и к чести школьников собранные колосья дали нам добрых двести килограммов зерна.

— Ого! — ахнула толпа.

— Вона сколько на нефедовском колесе накрутили, — заметил кто-то.

Все весело засмеялись и повернулись в сторону Димки. Димка поспешно спрятался за учительницу.

— Ребята заслужили похвалу, — сказала Раиса Васильевна, — и я прошу, чтобы эту краснознаменную машину сопровождал один из лучших учеников школы.

— Такую просьбу выполнить не трудно. Пусть ребята прокатятся до города.

В девять часов утра машину нагрузили зерном с колхозного склада. В кузове около кабины укрепили флаг, а на бортах повесили красные полотнища с усердно выведенными на них надписями: «В подарок государству от колхоза «Заветы Ильича». Перед самым отходом машины во главе шумной толпы школьников пришла Раиса Васильевна. По пятам за ней в новой рубаше и в ярко начищенных сапогах, с торжественным выражением на лице шел Димка Устинов.

— Общее собрание школьников, — сказала Раиса Васильевна, обращаясь к Максиму Ивановичу, — решило послать вместе с краснознаменной машиной Диму Устинова.

— Ну что ж, Димку так Димку. Только чтобы никакого озорства не было.

— Что вы, дядя Максим, — заверил Димка председателя колхоза, — я же не маленький.

— Не собираетесь ли вы посадить в машину этого сорванца? — спросил Степан Прокопьевич, высываясь из кабины. — Заранее предупреждаю: ничего не выйдет.

— Почему же?

— А потому. Я лучше весь хлеб на себе до Кунгура перетаскаю, чем повезу его с собой.

— Дядя Степа, — взмолился Димка, — я, как рыба, буду молчать. Я...

Но Степан Прокопьевич даже не взглянул в сторону Димки.

— Можете всю школу посадить на машину, — сказал он, — а этого... не возьму. И разговору конец.

— Он такой упрямый, что лучше и не просить, — кивнул Максим Иванович в сторону шофера, — выбирайте кого-нибудь другого.

— Ну, я тоже упрямая. Садись, Дима!

Раиса Васильевна обошла машину, подошла к кабине с другой стороны и открыла дверцу.

— Садись, не бойся, — подтолкнула она Димку.

— Не пушу! — Степан Прокопьевич решительно вытянул руку, пытаясь захлопнуть дверь кабины.

— Садись, Дима, — не отвечая Степану Прокопьевичу, сказала учительница. — А если он тебя обидит, — не сдобровать ему!..

— Не пушу, — повторил Степан Прокопьевич, но уже не таким решительным тоном. Воинственное выражение лица молодой учительницы его смутило. — И чего это вы привязались со своим Димкой? Свет на нем клином сошелся?

Димка, с опаской поглядывая на Степана Прокопьевича, уселся в кабину. Раиса Васильевна захлопнула за ним дверцу и кивнула ему головой, подбадривая.

Из склада вышел счетовод Филипп. Он подал шоферу накладную. Максим Иванович сказал:

— Трогай, Степан! Да смотри, зерно не растрясси. Оно сегодня у нас особенное: поштучно собрано.

Степан Прокопьевич промолчал. Он нажал педаль стартера, и машина так резко рванула с места, что Димка ударился головой о спинку. Мальчик хотел было заметить, что резким переключением можно повредить коробку скоростей, но, во-время спохватившись, промолчал.

Машина спустилась к Слюдянке, миновала мост и, ворча мотором, понеслась по уходящей в глубь леса дороге.

Димка с восторгом присматривался к точным и уверенным движениям шофера. Он чувствовал себя именинником уже потому, что сидел в кабине автомобиля, наполненной приборами, рукоятками, переключателями.

Мимо мелькали лохматые ели, растущие у самой обочины дороги. Солнце заглядывало в кабину прямо в глаза

Димке. Он шурился, улыбался от удовольствия. По бледноголубому небу неслись рваные клочья облаков. Налетавший порывами ветер раскачивал вершины елей.

Лес расступился, и дорога пошла на подъем между оголенными полями. Тяжело нагруженная машина сбавила скорость.

От самого колхоза Димка и Степан Прокопьевич молчали. Конечно, Димку так и подмывало заговорить, на языке у него вертелись десятки вопросов, но, зная, как настроен против него Степан Прокопьевич, он не решился первым начать разговор. А Степан Прокопьевич старался вообще не замечать присутствия Димки. Он уже пожалел о том, что не устоял против учительницы, и оттого неприязнь его к Димке становилась еще больше.

* * *

На повороте у Сорочьего лога через опущенное стекло в дверце, около которой сидел Димка, в кабину ворвалась струйка свежего воздуха. На переднем стекле машины затрепетал прижатый к нему зеркалом листок бумаги — накладная, врученная Степану Прокопьевичу счетоводом. Шофер протянул было руку, чтобы лучше закрепить листок, но тот вдруг выскользнул из-под зеркала и его ветром вынесло в щель между приподнятым стеклом и рамой кабины.

Степан Прокопьевич, громко чертыхнувшись, остановил машину. Распахнув дверцу, он выскочил из кабины и уже было бросился в погоню за накладной, но вспомнил о Димке.

— Смотри, — пригрозил он ему, — если коснешься чего-нибудь хоть одним пальцем... не знаю, что с тобой тогда сделаю.

— Ничего я не трону, — обиделся Димка, — мне Раиса Васильевна не велела.

— Раиса Васильевна... — усмехнулся Степан Прокопьевич. — Ну, смотри у меня.

И он побежал за листком бумаги, который сначала птицей взмыл кверху, а потом опустился на кустарник у самого края откоса. Однако едва Степан Прокопьевич добежал до кустов, как накладная соскользнула с ветки циповника и, подгоняемая ветром, начала опускаться на дно оврага.

— Ах ты, нечистая сила! — рассердился Степан Прокопьевич. — Вот же куда его понесло!

Прыгая с камня на камень, он стал спускаться вслед за листком, но новый порыв ветра подхватил бумажку. Трепыхаясь, как птица, кружась и перевортываясь, листок снова взмыл вверх. Теперь его понесло вдоль края оврага.

Димка с интересом наблюдал за этой необычайной погодой. Его разбирал смех при виде грузной и неповоротливой фигуры шофера, прыгающего и нелепо размахивающего руками. Потом ему стало стыдно за то, что он сидит праздным наблюдателем. Он открыл дверцу кабины и выпрыгнул на дорогу.

— Дядя Степа! — крикнул он. — Дядя Степа! Я поймаю. Подождите!

Степан Прокопьевич, прыгнувший по острым уступам камней, вдруг оступился. Глухо вскрикнув, он сел на землю и схватился руками за ногу. Димка в это время успел нагнать листок бумаги. Крик Степана Прокопьевича заставил его испуганно обернуться. Он увидел, как Степан Прокопьевич с искаженным от боли лицом осторожно ощупывает левую ногу.

— Что с вами, дядя Степа?

— Подвихнул ногу... — сквозь стиснутые зубы процедил Степан Прокопьевич. — Сейчас пройдет...

Упираясь руками о каменные уступы откоса, Степан Прокопьевич поднялся было на ноги, но тут же опустился обратно на землю.

— Беда, — повторил он, — ступить не могу. Ну, ничего, до машины как-нибудь доберусь.

Он посмотрел в сторону автомашины.

— Давайте я вам помогу, — предложил Димка.

— Помощник нашелся. Обойдусь как-нибудь и без твоей помощи. Пстой, что такое?

Машина, стоявшая на дороге, вдруг пришла в движение. Колеса ее начали медленно вращаться. Казалось, чьи-то невидимые руки подталкивают ее сзади.

И Димка, и Степан Прокопьевич одновременно поняли, в чем дело. Должно быть, машина не была заторможена как следует, и теперь ослабнувшие тормоза дали ей возможность под действием собственной тяжести сдвинуться с места. Способствовала этому и значительная крутизна дороги на «чортовой петле».

Забыв о полученном повреждении, Степан Прокопьевич вскочил на ноги, чтобы побежать к машине. На этот раз боль оказалась настолько сильной, что он упал лицом вниз прямо на кусты шиповника.

Первое, что пришло в голову Димке, была мысль бежать к машине. Он выскочил на край оврага, но вдруг испугался, что дядя Степа останется один в беспомощном состоянии. Димка поспешно вернулся к неподвижно лежащему шоферу. В страшном смятении переводил он глаза с дяди Степы на машину, с машины на дядю Степу. Не зная, чем помочь дяде Степе, не решаясь покинуть его, он с ужасом наблюдал за все ускоряющимся вращением колес тяжело нагруженной машины.

Беспомощным взглядом окинул он пустынную дорогу, бескрайнюю ширь полей, зеленые шапки гор. Он был совсем один, и никто не мог ему подсказать, как поступить.

Но нерешительность его длилась очень недолго: ему стало ясно, что машине грозила более страшная опасность, нежели Степану Прокопьевичу.

В одно мгновение очутился он около машины и вскочил на сидение в кабине. Ухватившись обеими руками за ручку тормоза, он потянул ее на себя. Чтобы усилие было больше, Димка уперся ногами в пол кабины.

Но машина продолжала двигаться. Она двигалась все быстрее и быстрее. Тормоза не работали... Когда это дошло до сознания Димки, он похолодел от страха. Не выпуская из рук рычага тормоза, он нажал ногой на педаль ножного тормоза.

Машина продолжала двигаться.

Степан Прокопьевич в это время пришел в себя. Он поднял голову и, взглянув в сторону машины, увидел, как она, постепенно ускоряя движение, катится прямо к отвесному краю оврага. Он увидел также искаженное страхом лицо Димки, тщетно старавшегося затормозить машину.

Вот когда Степан Прокопьевич пожалел о недавнем прошлом, о том, что не допускал Димку к машине, не удовлетворял его любознательности. Умей Димка обращаться с управлением, ему ничего не стоило бы сейчас справиться с машиной. Степан Прокопьевич видел, что все усилия Димки совершенно бесплодны, а сам он не в состоянии прийти ему на помощь.

Все последующее произошло в течение очень короткого промежутка времени.

— Прыгай! — крикнул Степан Прокопьевич. — Прыгай, Димка! Скорее!

Голос шофера достиг слуха Димки. Оставив тормоза в покое, он распахнул дверцу кабины и... вдруг увидел

машину со стороны. Увидел такой, какой она стояла у склада колхоза, готовая к отправке: нагруженная мешками с зерном, с красным развевающимся по ветру флагом и красными полотнищами на бортах. Вслед за этим он увидел ее падающей с обрыва. Увидел, как разлетаются во все стороны туго набитые мешки, как рвутся они об острые края камней и золотистое зерно рассыпается по земле. Зерно, собранное им и его товарищами... собранное по колоскам...

Перед его воображением промелькнули построенное им приспособление, общее собрание колхозников, Раиса Васильевна.

И пораженный Степан Прокопьевич увидел, что Димка опускается обратно на сиденье.

— Прыгай, дурень! — закричал он что было силы. — Пропадешь! Прыгай, тебе говорят!

Превозмогая боль в ноге, он выбрался на край оврага и пополз следом за машиной, словно мог догнать ее. А Димка, не трогая больше тормозов, вцепился в баранку руля. Он принялся крутить ее с остервенением, глядя перед собой широко открытыми глазами. Машина круто свернула к противоположной стороне дороги.

Но это не было спасением. По другую сторону дороги был такой же крутой откос, правда, менее каменистый и менее высокий. Набрав скорость, машина мчалась вниз. Она, точно сумасшедшая, металась от одного края дороги к другому, будто играя с опасностью. Поворот становился все круче, а овраг все глубже. И каждое новое мгновение убеждало Димку в неизбежности катастрофы. Он считал, что знает машину до самого последнего винтика. Ему казалось, что стоит ему только сесть за руль, и он сможет управлять ею так же легко и свободно, как управляет дядя Степа. А теперь все получалось не так. Машина превратилась в огромное непослушное чудовище, а Димка в маленькую беспомощную букашку. Его знания сразу испарились, он не мог вспомнить абсолютно ничего из того, что рекомендовалось в книге в подобных случаях. Чувство беспомощности было так велико, что Димка не выдержал и заплакал. Овраг притягивал к себе машину, как магнит притягивает железо. Сколько Димка ни вертел колесо, то в ту, то в другую сторону, он все видел перед собой края оврага. Если бы машина двигалась медленней! Дорога была достаточно широка, и Димка, пожалуй, справился бы, но теперь машина мчалась

со скоростью, от которой у Димки темнело в глазах и которая к тому же все увеличивалась. Всякое резкое движение руля грозило опрокинуть машину.

Но непонятная сила удерживала Димку на сидении. Каждый раз, когда он готов был уже выпрыгнуть вон, перед его глазами начинало сыпаться золотистое зерно, он видел изорванные полотнища и осуждающие глаза Раисы Васильевны.

Каменея от страха, Димка все-таки не выпускал из своих рук судорожно стиснутого руля. Степан Прокопьевич продолжал кричать:

— Димка, прыгай! Пропадешь, дурень! Прыгай!

Но Димка больше не слышал его голоса: их разделяло уже значительное расстояние.

И вдруг Димка почувствовал, что машина слушается руля больше, чем несколько мгновений тому назад. Сначала он не понял, в чем дело. Потом вдруг сообразил: поворот кончился. Теперь перед ним виднелась прямая линия дороги, правда, все так же круто идущая вниз. Однако там внизу, сразу же за переездом через железнодорожное полотно, начинался спасительный подъем.

Страх разом исчез.

Димка закричал от радости. Он будто вырос в собственных глазах. Разжав судорожно стиснутые на баранке пальцы, он стал выправлять движение машины более точными и плавными поворотами руля. Наклонив голову, он вытер глаза рукавом рубашки. Ему стало стыдно своих слез, но он успокоил себя тем, что его никто не видит. Что бы сказали ребята, если бы узнали об этом?

Он попробовал еще раз затормозить машину. Нет, тормоза не действовали. Но теперь это не имело уже особого значения. Димка даже обрадовался возможности поуправлять машиной без опаски получить подзатыльник.

Говорят, беда не приходит в одиночку... Прежде чем Димка успел заметить закрытый шлагбаум, до его слуха донесся пронзительный паровозный свисток. Из-за опушки леса, пуская вверх струйки пара, вынесся мощный «ИС», за ним дюжина цельнометаллических широкококонных вагонов. То был скорый поезд «Москва — Владивосток».

Димке показалось, будто ему на голову и на спину положили куски льда. Он судорожно глотнул воздух. Конечно, дорогу преграждал закрытый шлагбаум, но какое же это было препятствие для тяжело нагруженной, мча-

щейся вниз под уклон трехтонки? Не больше, чем простая соломинка.

Новую опасность заметил и Степан Прокопьевич. Он знал, что теперь, если Димка не выпрыгнет из машины, ничто не спасет его. Машина была обречена. Димке представлялся выбор: или свалиться в овраг, или попасть под колеса поезда. С остановившимся сердцем смотрел Степан Прокопьевич, как сближаются поезд и машина.

Однако столкновение не произошло.

За несколько метров до шлагбаума Димка нашел выход. Спасительная мысль внезапно осенила его. Димка разом вспомнил все, что он знал об устройстве автомобиля. Он бросил взгляд на шиток. Только теперь он заметил ключ включения зажигания, оставленный Степаном Прокопьевичем в замке.

Поворот ключа — и мотор заработал.

Рискуя разнести вдребезги коробку скоростей, Димка перевел рычаг на первую скорость. Машина резко сбавила скорость движения. Димку швырнуло вперед на рулевое колесо. Грудью он ударился о баранку, а лицом о стекло кабины. От удара о баранку у Димки перехватило дыхание, в глазах потемнело: однако у него хватило сил продолжать поединок с машиной. Он опять повернул рычаг переключения скоростей, переведя его на задний ход.

Движения Димки были неопытны, неумелы. Шестерни скрежетали, машина содрогалась и фыркала, словно негодуя на Димку. Вся тяжесть брошенного вниз под уклон трехтонного груза упала на коробку скоростей. Но — слава советским автостроителям! — механизм машины с честью выдержал это тяжелое испытание.

Силой инерции машина еще продолжала двигаться вперед, но скорость этого движения постепенно замирала. Буксующие колеса, выбрасывая из-под себя тучи пыли и песка, брызги камней, тянули ее назад.

Прошло еще несколько мгновений. Машина остановилась, а потом задним ходом поползла обратно в гору. Мимо шлагбаума с грохотом пронесся пассажирский поезд. Пассажиры, сидевшие у окон, с удивлением заметили мальчика-полростка, сидевшего за рулем грузовой автомашины. Его бледное, покрытое потом лицо счастливо улыбалось.

Поезд исчез за поворотом. Обходчик, пряча в сумку флажок, подошел к шлагбауму и поднял перекладину.

Он бросил равнодушный взгляд на машину и, повернувшись к ней спиной, направился к своей будке. Ему и в голову не могло прийти, какая история только что разыгралась на «чортовой петле».

Димка выключил мотор. Под действием собственной тяжести машина опять поползла вниз к шлагбауму, но теперь уже медленно, подчиняясь воле шофера. Димка нажал кнопку сигнала. С торжественным звуком гудка машина пересекала железнодорожное полотно и, не дойдя метров сто до нового подъема, остановилась.

Только тогда Димка выскочил из кабины. Ноги его дрожали от слабости, но такого счастья, такой гордости ему еще никогда не приходилось испытывать. Он по-хозяйски обошел вокруг машины, осмотрел ее. Все было в порядке. Ни одного зернышка не просыпалось на землю во время этой ужасной встряски. Мешки лежали так, как их уложили в колхозе. А над ними, то приподнимаясь под порывами налетевшего ветра, то вновь спадая к древку, шевелилось полотнище флага.

Димка побежал к Степану Прокопьевичу.

Шофер сидел на краю обрыва, прислонившись спиной к большому камню на обочине дороги.

— Дядя Степа, — сказал Димка, — я побегу в колхоз. За вами пришлют лошадь.

— Димка... Ой, Димка, — произнес дрожащим от волнения голосом Степан Прокопьевич.

Он протянул руки к Димке. Тот, не понимая, что от него хотят, наклонился. Степан Прокопьевич привлек Димку к себе и крепко расцеловал в щеку, влажную от пота.

* * *

Если в колхозе «Заветы Ильича» вы спросите, кто там самые неразлучные друзья, вам прежде всего назовут Димку Устинова и шофера Степана Прокопьевича Лужина. Их видят почти всегда вместе. Где Степан Прокопьевич, там и Димка. А так как Степан Прокопьевич больше всего находится за рулем машины, то и Димку чаще всего можно видеть в машине.

МОДЕЛЬЩИК ОСОКОВ

Рассказ

I

Дождь кончился. Тяжелая иссиня-черная туча уплы-вала, переваливаясь за далекую линию горизонта. Небо постепенно очищалось.

Голубые просветы между белыми клубками облаков становились все шире, и вот снова брызнули на землю знойные лучи солнца. На небе появилась радуга. В лужах воды и на мокром асфальте заиграли яркие блики.

Тогда захлопали двери проходных кабин. Люди, пере-жидавшие дождь, хлынули из завода. К перестукиванию дверей примешивался оживленный людской говор.

Девушки снимали чулки и туфли, спасая их от воды, и босыми ногами шлепали по мокрому асфальту. Моло-дежь шагала напрямик по лужам, так что из-под ног ле-тели брызги. От них все со смехом шарахались в сторону.

У подъезда своего дома Анатолий увидел груженную мебелью автомашину. Мебель была накрыта взмокшим от дождя брезентом.

Около машины, накинув на плечи яркозеленую вяза-ную жакетку, стояла девушка. Она, видимо, не уберег-лась от дождя. Мокрые завитушки русых волос перепута-лись на ее лбу, подол платья прилип к ногам.

— Новые соседи, — решил Анатолий и произнес вслух. — К нам?

— А вы здесь живете? — девушка кивнула на дверь подъезда.

— В двадцать первой.

— А мы в двадцать вторую въезжаем.

— Это напротив, на нашей площадке.

Девушка щурилась на отблески солнца в лужах, на радугу. Глаза ее смотрели лукаво, по-озорному. В руках

она держала ветку акации и, обрывая листики, швыряла их в воду.

Из подъезда вышли мужчина и женщина, видимо, родители девушки. Мужчина, разглаживая рыжеватые пушистые усы, обошел вокруг машины, откинул брезент.

— Пора выгружаться, — сказал он, — дождь переждали. Только сторожа нашего подмочило.

— Совсем чуточку, — ответила девушка. — Я брезент поправлять выбегала. А вещи таскать нам вот товарищ поможет. Мы с ним соседями будем. Правда, поможете?

— Что за вопрос, конечно помогу, — охотно согласился Анатолий.

Девушку звали Ниной. Она работала копировщицей в технологическом отделе. В поселок, поближе к заводу, ее семья перебралась из города.

Нина училась в вечернем техникуме на последнем курсе и училась отлично. Кроме того, она играла на мандолине в заводском струнном оркестре, а дома еще занималась рисованием.

Все это Анатолий успел услышать от самой Нины, пока помогал разгружать машину. Она также поспешила перечислить всех своих друзей и осталась немного разочарованной тем, что никого из них Анатолий не знал. Девушка была очень словоохотливой. Она пересыпала свои рассказы шутками, над которыми сама же первая смеялась звонко и заразительно. Лицо ее только на короткие мгновения принимало серьезное выражение. «Ей, вероятно, стоит больших усилий сосредоточиться на чисто деловом разговоре», — подумал Анатолий и усомнился в правдивости ее слов об отличной учебе в техникуме.

Слушая болтовню девушки, Анатолий сначала сдержанно улыбался, но после того, как она очень забавно описала рассеянность одного своего родственника, не выдержал и тоже расхохотался. Так они и смеялись в один голос, опустив стол, который несли, и загородив им лестницу к неудовольствию проходивших мимо жильцов.

На следующее утро, выходя из квартиры, Анатолий на лестнице столкнулся с Ниной. Они вместе пошли на завод.

Уже у проходных, перед тем как направиться к своей кабине. Нина спросила Анатолия:

— А вы где работаете?

— Я модельщик, — ответил Анатолий, — столяр.

— А, — протянула Нина, как показалось Анатолию, разочарованным тоном.

II

Модельщик — это далеко не столяр или, по крайней мере, не столяр в обычном представлении.

Отливки деталей имеют подчас чрезвычайно замысловатую форму, и модельщик обязан в дереве скопировать будущую форму машины. Здесь требуется умение создавать правильное сочетание поверхностей самых различных профилей. Это своего рода искусство, требующее длительного навыка.

Несмотря на то, что Анатолий в цехе работал еще недавно, ему поручали изготовление самых сложных моделей.

По окончании ремесленного училища он довольно быстро освоился с трудной профессией модельщика. И мастера, и кадровые модельщики сразу же подметили, что у паренька верный глаз и смелые, уверенные движения рук.

Спустя шесть лет после прихода на завод Анатолий сам начал обучать новичков. Прикрепленные к нему ребята быстрее, чем у кого бы то ни было, осваивали сложные приемы сочленения деревянных прямоугольников, шаров, чашек, сегментов и еще неведомо чего в единую форму будущей части машины. А став самостоятельно к верстаку, они во всем старались подражать своему учителю, даже усваивали его привычку выпячивать губы во время работы.

Но было в мастерстве Анатолия нечто такое, чего не было ни у одного из самых опытных мастеров модельного дела. Это не относилось ни к точности, ни к скорости исполнения.

Поставят рядом две одинаковые модели, изготовленные Анатолием и каким-нибудь другим мастером. Примет их технический контроль. Обе модели хорошие, обе удовлетворяют всем техническим требованиям. Но вот при рассмотрении повнимательнее и покачают головой. Модель, вышедшая из-под рук Анатолия, хороша не точностью и не правильностью размеров, хотя и в этом отношении не было изъянов в его работе. Хороша модель какой-то особенной красотой линий. Сразу и не объяснишь, чем именно хороша.

Мастера поопытнее понимали, однако, в чем дело.

— Для чего красоту наводишь? — удивлялись они. — Деревяшку точишь, а не скульптуру. Отольют деталь, модель на свалку пойдет.

Анатолий не сразу находил, что ответить.

— Так мне нравится, — отвечал он уклончиво. — У меня на душе легче, если красиво получается. Раз правильно да красиво, значит вдвойне правильно.

И прятал смущение под мохнатыми густыми бровями. Был он молчалив, на первый взгляд неповоротлив и медлителен.

Неделю тому назад его перевели в бригадыры.

III

Каждое утро, выходя из своей квартиры, Анатолий неизменно встречал Нину.

— Ты лучше всякого будильника, — смеясь пояснила ему Нина причину столь закономерных совпадений. — Так хлопаешь дверь, что у нас посуда на столе подпрыгивает.

— Мне за это и от матери влетает, — признался Анатолий.

— А я теперь слушаю: хлопнула дверь — значит на завод пора.

Соседство способствовало близкому знакомству. Нина первая, набравшись храбрости, зашла в квартиру Анатолия. Она познакомилась с его матерью, с отцом, с братом, оглядела комнату и заметила на комоде деревянную резную коробочку.

И самую коробочку, и резьбу на ней сделал Анатолий, когда проводил отпуск в доме отдыха. Единственным инструментом ему служил складной нож. В коробке мать хранила нитки, пуговицы, булавки и прочую мелочь.

— Красивая, — похвалила Нина, — очень. Где вы ее достали?

— Его работа, — кивнула мать на Анатолия. — Он у нас художник.

— Правда? — Нина внимательно посмотрела на Анатолия, у которого от смущения щеки стали пунцовыми. — А хочешь посмотреть, как я рисую?

И Нина повела Анатолия показывать свои картины.

Рисовала она далеко не блестяще, но картины ее жили. Анатолия поразили подмеченные ею и перенесенные на полотно мелочи, которым всегда удивляешься: как заметил их глаз художника?

И тут выяснилось, что у Нины и Анатолия много общих взглядов. Весь вечер они вместе обсуждали прочитанные книги, просмотренные кинокартины, говорили о

своих увлечениях. Оказалось, что у них были общие любимые писатели, одни и те же картины произвели на них наиболее сильное впечатление. Даже туманные планы на будущее устройство собственной жизни были очень схожи. Короче говоря, Нина и Анатолий оказались самыми подходящими собеседниками друг для друга.

Вечерами Анатолий выходил в подъезд, чтобы встретить Нину, возвращавшуюся из техникума, или шел ей навстречу, бродил под окнами учебного комбината.

Нина появлялась среди многочисленной свиты друзей. Ее звонкий голос и веселый смех выделялись в общем шуме голосов.

Стояли знойные дни, и вечерняя прохлада манила подольше оставаться на воздухе. Нина передавала портфель с учебниками Анатолию, а сама обеими руками брала его под руку и скороговоркой принималась рассказывать учебные новости.

В наступивших сумерках звездочками поблескивали ее глаза, и волосы задевали лицо Анатолия.

Он чувствовал себя счастливым и взволнованным.

Раз, не выдержав, Анатолий наклонился к Нине и поцеловал ее в шею. Он сам не понял, как это случилось: ветер разметал ее волосы, обнажив белоснежную кожу...

Нина остановилась, поспешно опустив руки. Впервые Анатолий увидел ее лицо строгим, а глаза холодными.

— Не смей, — сказала она всего лишь одно слово и молча пошла поодаль, став сразу замкнутой и чужой.

— Ты... прости меня, пожалуйста, — пробормотал Анатолий, — я... я нечаянно...

Она покосилась на него, промолчала и, подумав немного, кивнула головой. Однако руки его больше не взяла. Разговор долго не налаживался.

Но на следующее утро Нина, как обычно, улыбаясь выбежала из дверей. По привычке взяв Анатолия под руку, вздрагивая от смеха, она принялась рассказывать какую-то забавную историю, которую она прочла в журнале...

IV

В поселке и на заводе с нетерпением ожидалось большое событие — открытие Дворца культуры.

С фасада здания уже снимали леса. Обнажались строгие линии колонн в розовой гранитной облицовке с

затейливой лепкой наверху. Широкие каменные ступени сбегали на асфальтированную площадь. Сверкала медь на дубовых дверях.

По вечерам площадь перед Дворцом кишела людьми. На расчистке ее работали бухгалтеры, плановики, конструкторы, токари — весь завод.

На машинах подвозили дымящийся асфальт и ажурные чугунные решетки. Каменщики шлифовали мраморную облицовку фонтанов, из середины которых уже вытягивались вверх бронзовые тюльпаны.

Строительство Дворца культуры было начато еще в дни войны. Его хотели законсервировать, потому что трест получил задание на строительство объектов оборонного значения. Но завод взял на себя окончание постройки Дворца. Заводские каменщики после целого дня работы на заводе шли возводить стены здания. Сюда же приходили из цехов плотники, маляры, кровельщики, водопроводчики...

Кончилась война. Строительство медленно, но упорно подвигалось вперед.

Наконец, дело дошло уже до внутренней отделки. Из Москвы пригласили бригаду архитекторов. Завод организовал у себя цех дворцового инвентаря. Лучшие столяры завода изготавливали дубовую мебель с бархатной обивкой.

...Перед концом смены, минут за десять до гудка, Анатолия вызвали к начальнику цеха.

— Садись, Осоков, — сказал начальник цеха, протягивая через стол раскрытую коробку «Казбека». — Дело к тебе есть. Как живешь? С работой все в порядке?

— В порядке.

— Так вот, Осоков... Задание от директора для Дворца культуры. И простое, и... все-таки ответственное. Короче говоря, поручено нам сделать рамки.

— Для картин? — оживился Анатолий.

— Нет, для портретов.

— Ясно.

— Ничего тебе пока еще не ясно. Во Дворце будет такая галлерея: «Знатные люди нашего завода». Весь город придет на них смотреть. Дворец-то мы какой отгрохали! Вот и получается, — начальник указал рукой на карту мира, висевшую на стене, — там кое-кто к новой войне готовится, а мы дворцы строим. И речь идет к тому, чтобы рамки были достойны нашего здания. Теперь понял?

— Понял!

— В твоих руках будет честь нашего коллектива. Дело не шуточное. В рамки нужно душу вложить, показать, на что способны модельщики. Справишься?

— Справлюсь. Будьте спокойны, Михаил Александрович.

Анатолий пожал протянутую через стол руку начальника цеха.

На следующее утро кладовщик прямо к верстаку Анатолия принес дерево такой породы, какой тому до сих пор видеть не приходилось.

— Красное, — пояснил кладовщик, — чуть подешевле золота. За ним директор специально человека в Москву посылал. Смотри, не попорти!

У Анатолия, когда он принимал бруски, дрожали руки. Вокруг него собрались все модельщики цеха. Бруски рассматривали, терли пальцами, прикидывали на вес. И на Анатолия посыпались тысячи советов.

V

Возвращаясь с завода, на лестнице своего подъезда Анатолий встретил Нину. Она была в нарядном темно-голубом платье, в туфельках на высоких каблуках, в белой широкополой шляпе и, видимо, очень спешила.

— Когда же это ты успела переодеться? — удивился Анатолий.

— Домой пораньше отпросилась. В клуб бегу. И ты приходи. Вечер стахановцев. Рыбкин выступит. Знаешь Рыбкина?

— Да кто ж его не знает? Конечно, знаю.

— А я его приспособление сегодня копировала. Он его через БРИЗ провести хочет. Говорит, если получится, раточники вдвое больше деталей станут обрабатывать. Так ты приходи!

И Нина быстро сбежала по лестнице, стуча каблучками.

Анатолий посмотрел ей вслед, вынул из кармана врученный ему комсоргом цеха пригласительный билет на совещание стахановцев и прочел:

«Сегодня опытом своей работы поделятся товарищи Рыбкин и Володин...»

— Что ж она меня не подождала? — подумал Анатолий. — И спешила как!

В переполненном народом зале Анатолий тщетно пытался отыскать глазами Нину. Это оказалось довольно трудно: слишком много было девушек в голубых платьях.

Слушая выступавших, Анатолий ловил себя на мысли о начатых рамках. В воображении возникали замысловатые рисунки резьбы. Он прикидывал, как сделать лучше. И не терпелось поделиться своим необычным заданием с Ниной. Ему казалось, что у него ничего не получится, если он с ней не посоветуется.

Во время перерыва Анатолий вышел в фойе. Там он увидел Нину. Она ходила среди гуляющей публики. Ее вел под руку молодой человек в светлосером костюме. На борту его пиджака поблескивал орден Ленина. Лицо его с прямым тонким носом, с плотно поджатыми губами было привлекательно. Прядь каштановых волос упрямо спадала ему на лоб. Взгляд спокойных умных глаз был прямым и открытым.

Это был известный всему заводу и далеко за его пределами скоростник Рыбкин.

Нина что-то оживленно рассказывала ему, глаза ее блестели. Рыбкин, слушая, одобрительно покачивал головой и улыбался.

Анатолий нарочно встал так, чтобы Нина могла его увидеть, но она, увлеченная разговором, казалось, видела только одного Рыбкина.

— Хороша парочка, — произнес кто-то позади Анатолия.

Он понял, что это сказано по адресу Нины и Рыбкина. Действительно, они как нельзя более подходили друг к другу.

Анатолию показалось, что Рыбкин слишком крепко держит руку Нины, слишком плотно прижимает ее к себе.

Не досидев до конца совещания, Анатолий ушел домой.

Утром, выходя из квартиры, он осторожно, стараясь не стучать, прикрыл за собой двери и поспешно сбежал с лестницы.

С рамками в этот день у него не клеилось. Перед глазами вставала вечерняя картина: рука Нины, плотно прижатая к руке Рыбкина.

Теперь со всей остротой болезненного чувства Анатолий понял, что любит Нину. Она стала для него дорогой и желанной... Почему же около нее вдруг появился Рыбкин?..

По модельной проходил начальник цеха. Он остановился около верстака Анатолия, постоял минуту, присматриваясь к движениям его рук, а потом спросил:

— Как успехи, Осоков?

— Потихоньку, — ответил Анатолий.

Начальник взял в руки заготовки рамок, осмотрел.

— Кажется, не плохо получается. На вчерашнем совещании стахановцев был?

— Был.

— Рыбкина слышал?

— Слышал.

— Каковы обязательства-то, а? По-нашему, по-настоящему.

— Да, сильные, — согласился Анатолий, хотя ни слова не слышал из сказанного Рыбкиным.

— В одной из твоих рамок будет портрет Рыбкина, — заметил начальник цеха. — Учти. Парню-то не миновать Сталинской премии.

Анатолий растерянно посмотрел вслед уходившему начальнику; оставшись один, переложил с одного места на другое приготовленные струбчинки, зачем-то полез в тумбочку и, открыв ее, долго соображал, что ему, собственно, там нужно. Так и не вспомнив, присел у верстака и долго сидел в раздумье.

VI

По дороге домой Анатолий придумывал причины, которые должен привести завтра в оправдание своего отказа изготовить рамки. Ему было очень неприятно, что придется лгать, но другого выхода не было. Разве можно наступить самому себе на сердце?.. Нина... Если бы она оставалась с ним... Он бы знал, как сделать рамки! Весь бы завод ахнул. А теперь — нет! У него просто ничего не получится. Рамка для портрета Рыбкина? Нет, нет, слуга покорный!

Правда, он уже давно мечтал о такой работе. Ему всегда хотелось сделать что-нибудь очень красивое, чему бы удивлялись и радовались люди. Сокровенная мечта... Дома у него хранился целый ящик с рисунками по дереву. Анатолий еще до сих пор не решался показать их Нине.

За обедом мать, наливая в тарелку суп, как бы между прочим сказала:

— Соседи, видно, свадьбу скоро будут играть.

— Какие еще соседи? — нахмурился Анатолий.

— Известно какие — Фроловы. Рыбкин-то у них днюет и ночует. От Нины не отходит. А ты ушами хлопаешь. Такую девушку не скоро сыщешь.

Анатолию будто кипятком на сердце плеснули. Но он ответил пренебрежительно:

— Кому как, мама, а мне она вовсе не по душе. Пустомеля.

— Это Нина-то пустомеля? — изумилась мать. — Да ты в уме ли? О человеке не по словам, а по делам судят. Другие девчонки одни танцульки знают, а она, посмотри, техникум кончает, в кружках разных занимается, с книгой не расстается.

— Ну и пусть!

— Как это пусть? — рассердилась мать. — Тебе бы пример с нее брать. Кончил ремесленное и успокоился. Будто уже все науки постиг, на сто лет умом запаса.

Демонстративно повернувшись спиной, мать занялась уборкой посуды.

Придя в цех, Анатолий собрал все заготовки из красного дерева, связал их шпагатом и положил на верстак. Соседи раскладывали инструмент, подколачивали рубанки, фуганки, шерхебки. Застучали молотки, первые завитушки стружек посыпались на пол. А Анатолий все еще стоял на месте, не решаясь отправиться к начальнику цеха.

Около него появился мастер.

— Ты чего? — удивился он. — Именины справляешь?

— Да н-н-нет...

— Успокоился, значит. Иди-ка к Михаилу Александровичу. Ждут тебя там.

Судьба сама шла ему навстречу. Анатолий поспешно запер верстак и направился к начальнику цеха.

На этот раз начальник был не один. За длинным столом для заседаний сидели технологи, мастера, конструкторы. Были они из разных цехов и отделов. Начальник кивком головы указал Анатолию на свободное место за столом. Анатолий сел рядом с двумя бригадирами-модельщиками, Осиповым и Марковым, старыми кадровиками.

На столе лежала груда чертежей, отпечатанных на светочувствительной бумаге. Но собравшиеся обсуждали

только один чертеж, который перелетал из рук в руки с конца стола на другой. Его выхватывали друг у друга, тыкали в него пальцем и возбужденно кричали, именно не говорили, а кричали, потому что каждый пытался своим голосом покрыть голоса соседей. Михаил Александрович стучал карандашом по столу; на короткое время шум стихал, словно залитый пожар. Начальник предоставлял кому-нибудь слово. Но выступавшему не давали договорить до конца. Спор снова вспыхивал и разгорался во всех концах. Потом голоса усиливались, и пожар спора бушевал страстно и безудержно.

Анатолий не сразу понял, что тут происходит. Марков пояснил ему:

— Приспособление конструкторы придумали, да такое мудреное, что не могут решить, кому его делать: сварщикам, кузнецам или литейщикам. Нам-то оно не под силу, ну а сварщикам и кузнецам и подавно.

Михаил Александрович решительно потребовал тишины. Его смуглое лицо с темными глазами казалось разгневанным.

— Мы не на ярмарке, в конце концов,—сказал он.— Главный инженер ждет от нас разумного и обоснованного решения. Михеев, ты определенно утверждаешь, что сварка здесь ничего не даст?

— Точно, Михаил Александрович,—вскочив на ноги, отозвался с дальнего конца стола остроносый и маленький технолог сварочного цеха.— Мы этот вопрос второй день обсуждаем.

— Отковать, видимо, тоже не удастся.

— Не удастся,—в один голос воскликнули технологи и мастера из кузнечного цеха.

— Значит последнее слово за нами. Ну, литейщики, высказывайтесь!

В комнате наступило молчание.

— Отлить, может быть, мы и сумеем,—сказал кто-то из литейщиков,—да только модельщикам с моделью для такой мороки не справиться. Немыслимое количество переходов. Тут работа гравера, а не столяра; у нас так еще никогда не бывало.

— Трудно,—согласился старший технолог литейного цеха.

— А ну, дайте посмотреть чертеж бригадирам. Пусть они сами скажут.

Переходя из рук в руки, чертеж проделал путь через весь стол. Его положили перед Анатолием. Первое, что бросилось ему в глаза, это размашистая подпись Рыбкина в графе «Утвердил». А в графе «Конструировал» он разобрал витиеватую, очень мелкую подпись Нины.

Потом глаза Анатолия побежали по контуру чертежа. Еще не изучив его, Анатолий инстинктивно почувствовал: не сделать. Его бригаде, по крайней мере, с такой работой не справиться. Не бывало в цехе таких сложных моделей. Всмотревшись во все проекции чертежа, представив деталь в пространстве, Анатолий снова убедился в правильности своего вывода: его бригаде с этим делом не справиться.

Но, подняв глаза от чертежа, Анатолий увидел, что все сидящие за столом смотрят на него, смотрят молча, сосредоточенно, будто от него, Анатолия, ждут решающего ответа — быть или не быть приспособлению.

Анатолий поспешно передвинул чертеж соседу, модельщику Осипову, у которого когда-то сам обучался искусству столяра.

Осипов, взглянув на чертеж, коротко обронил:

— Не выйдет.

Марков очень долго рассматривал чертеж прищуренными глазами. Потом достал очки, откашлялся и снова принялся изучать его.

— Не получится, — подтвердил и он. — Намудрили конструкторы.

— Намудрили! — поддержали его технологи.

— Конечно, — начал Осипов, — надо бы поддержать честь цеховую...

— Сегодня не в чести дело, — раздраженно перебил его начальник цеха. — В этом приспособлении заключены интересы всего завода. По замыслу авторов, оно должно вдвое поднять выработку расточного цеха. Вдвое — понимаете, товарищи? А расточный цех — самое узкое место на нашем заводе. Так что давайте хорошенько подумаем, прежде чем делать окончательный вывод. Идея Рыбкина блестяща по своему замыслу, и от нас, литейщиков, зависит жить ей или быть похороненной. Конструкция, конечно, очень сложная, корпус чрезвычайно замысловатый. Да что ж тут поделаешь...

Совещание продолжалось. Анатолий сидел, потупив глаза, будто чувствовал себя в чем-то виноватым. Но

после того, как он передал чертеж Осипову, на него уже никто и не смотрел.

Анатолия тянуло еще раз взглянуть на чертеж... Подсознательное чувство подсказывало ему, что дело все-таки не так уж безнадежно, как об этом твердили вокруг.

С мучительным нетерпением дождался он конца со-
вещения. Люди расходились хмурые, недовольные собой.

Осипов, спускавшийся по лестнице вместе с Анато-
лием, говорил:

— Всякому мастерству своя мера положена. А тут эдакое чудище придумали. На бумаге — что? На бумаге все просто да гладко получается. Нет, ты вот сам по-
пробуй в дереве-то, покопаться. Конечно, выдумка-то не без головы сделана. Башковитый, видать, этот Рыбкин. Весь вопрос упирается в расточку. Ежели, допустим, да-
дут деталей вдвое против прежнего, так и весь механи-
ческий корпус вдвое даст. Ну, тогда, оно конечно, наших машин на весь Союз хватит...

Осипов продолжал говорить, и Анатолий поймал себя на том, что внимательно прислушивается к его словам. Правда, тот повторял только что сказанное начальником цеха... Рыбкин... Рыбкин делал для завода. А ради чего он, Анатолий Осоков, хитрит с самим собой?

Не дойдя до последней ступеньки лестницы, Анато-
лий повернулся и побежал обратно, вверх.

— Михаил Александрович, — сказал он, без разреше-
ния войдя в кабинет, — позвольте мне еще раз взглянуть на чертеж.

— Смотри, смотри, Осоков, — начальник цеха охотно развернул уже изрядно потрепанный лист бумаги, — мо-
жет быть, и подскажешь что-нибудь.

Анатолий, разглядывая чертеж, волновался. Он не решался еще признаться вслух, но уже чувствовал, какое решение сейчас примет и примет непременно.

— Сделаю, — сказал он, наконец, и тут же поправил-
ся: — сделаем, Михаил Александрович.

— Ты это не сгоряча? — удивился начальник цеха.

— Да нет уж, Михаил Александрович, не сгоряча. Трудно, конечно, а попытаться следует. У меня мысль такая появилась: на станке заготовок не выточишь, про-
филь сложный. Так я в собранном виде внутренние по-
лости доведу.

— В собранном виде? Да сумеешь ли? Многое на глаз делать придется. Штангелем не везде пролезешь.

— Раз нужно на глаз, сделаю на глаз.

— Подожди-ка! — Михаил Александрович тоже разволновался. — Говоришь, в собранном виде? Это идея. Неосуществимая на первый взгляд, но... чем чорт не шутит. И ты берешься?

— Берусь. Я же сказал.

— А ну-ка, подвинься ближе, подвинься.

Вошла секретарь. Михаил Александрович принял у нее принесенную на подпись бумагу, быстро пробежал ее глазами, расчеркнулся пером, не спеша придавил бумагу тяжелым пресс-папье и снова углубился в рассмотрение чертежа. Секретарь, сдерживая улыбку, скрылась за дверь.

Анатолий и начальник цеха беседовали долго. Отпуская Анатолия, Михаил Александрович сказал:

— Освобождаю тебя ото всех работ. Занимайся только моделью Рыбкина. Рамки кому-нибудь передадим.

Анатолий вскинул глаза, сдвинул брови.

— Нет, нет, — торопливо и глухо возразил он, — рамки уж вы у меня, пожалуйста, не отнимайте. У меня по ним тоже душа болит. Я их начал, я и dokonчу. Время для этого найдется.

VII

Анатолий старался избегать встреч с Ниной. Утром, уходя на работу, он осторожно, без стука, прикрывал за собой двери квартиры.

— Хоть от одной дурной привычки избавился, — говорила мать.

Но однажды он все-таки столкнулся на лестнице с Ниной.

— Толя! — обрадовалась девушка. — Ты куда исчез эти дни? Я совсем не вижу тебя. И дверью перестал хлопать. Отвыкаешь? Да? А у меня новостей, новостей — куча!

Она, как бывало, взяла его под руку. Но Анатолий нарочно полез в карман за папиросами, хотя только что курил.

— Ты очень изменился, — заметила Нина, не делая больше попытки опереться на его руку, — похудел. Много работаешь? Или нездоровится?

— Работаю.

— Мне тоже сейчас трудно. Курсовой проект готовлю. И знаешь, какая у меня тема?

— Не знаю.

Голос Анатолия звучал грубовато. Нина примолкла и шла, опустив глаза. У проходных они разошлись, но, войдя в завод, оказались рядом. Анатолий сделал вид, что не замечает Нины, и, глядя мимо нее, торопливо направился в цех.

В тот день, после совещания у начальника цеха, Анатолий созвал около верстака свою бригаду. Люди в бригаде были самых различных возрастов: от шестнадцати до пятидесяти пяти лет.

Анатолий развернул чертеж и положил его на верстак. Одиннадцать человек, касаясь друг друга головами, толпились, чтобы рассмотреть его.

— Ну, как? — спросил Анатолий. — Сделаем?

«Старички» поскребли пальцами в затылках, молодежь переглядывалась. Никто не решался первым высказать свое мнение.

— А я Михаилу Александровичу заявил, что непременно сделаем. Осипов отказался, и Марков отказался. Говорят: невозможно! А я сказал, что у меня народ все может. Или зря похвастал?

— Правильно поступил, бригадир, — поддержал Анатолия пожилой, самый опытный в бригаде, столяр Сапожников. — Попытка не пытка.

— Да что там попытка, — пробасил высокий и худой Журавлев, у которого только начал пробиваться пушок на верхней губе. — Раз пообещался, значит сделаем...

Анатолий рассказал, какое значение имеет приспособление для завода, как он намерен провести всю работу, попросил совета у «старичков».

Бригада единодушно решила:

— Справимся!

Простые по форме модели от начала до конца делает один столяр. Сложные модели выполняет вся бригада сообща; сложная модель — это плод коллективного труда.

Распределяет работу бригадир. Но этим его обязанности далеко не ограничиваются. Бригадир сам начинает сложную модель, и он же ее заканчивает.

Получив чертеж детали, бригадир тщательно изучает его совместно с технологом. Они определяют величину

припусков на усадку металла, на механическую обработку. Затем бригадир приступает к вычерчиванию «пластика».

«Пластик» это тоже чертеж, но чертеж уже не на бумаге, а на листе алюминия. В нем учитываются все намеченные припуски на усадку и на обработку. Вычертив «пластик», бригадир представляет себе модель так ясно, будто видит ее уже изготовленной.

Затем начинается распределение работы. Чем выше разряд столяра, тем более сложная и более ответственная часть модели ему поручается. Каждый исполнитель с помощью кронциркуля или другого мерительного инструмента переносит размеры с «пластика» на дерево. Таким образом, «пластик» превращается в общий чертеж бригады. Вся ответственность за правильность размеров ложится на бригадира.

Но вот отдельные части модели изготовлены. Бригадир начинает их сборку и пригонку друг к другу. Он устраняет все недочеты, а закончив модель, предъявляет ее техническому контролю.

Взявшись за изготовление модели для отливки приспособления Рыбкина, Анатолий принял на себя двойную ответственность: ответственность за модель и ответственность за авторитет бригады. Он уже не думал о том, что рискует потерять собственный авторитет в глазах товарищей как неспособный руководитель.

Очень трудно было ему, Анатолию Осокову. Немало он перепортил листов алюминия, прежде чем вычертил «пластик». Прежде, бывало, покончив с «пластиком», Анатолий получал полное пространственное представление о форме модели, но на этот раз не все вопросы были ясными, бригадир не ощущал в себе привычной и необходимой уверенности.

В пять часов кончалась смена. Анатолий оставался после смены для работы над рамками. Вместе с ним всегда оставался кто-нибудь из бригады. Чаще всего это бывали долговязый Жуков и несколько апатичный Сапожников.

— Мне дома все одно только старухину воркотню слушать, — говорил Сапожников, — а тут, глядишь, и пригложусь для чего-нибудь.

И, не ожидая, пока его попросят, Сапожников прини-

мался за полировку, за пригонку рамок или за какое-нибудь другое дело.

Жуков — тот никак не объяснял своего присутствия. Он наблюдал за работой, восторженно хмыкал, покачивая головой, и бывал счастлив, если ему перепадала возможность принять участие в изготовлении рамок.

Вместе с чувством ответственности за работу своей бригады Анатолий испытывал и облегчение от того, что рядом с ним постоянно находились товарищи.

Из модельной Анатолий уходил поздней ночью.

Модель была окончена раньше рамок. Ее принял технический контроль, а затем она перешла к формовщикам. Модельщики поочередно бегали смотреть, как подвигается работа у формовщиков. Анатолий сильно волновался, со страхом и нетерпением ожидая, когда, наконец, сделают отливку.

Но отливка корпуса приспособления не получилась... Подвела модель. В ней все-таки оказались неуловимые неточности.

Неудача ошеломила Анатолия. Он ушел домой, избегая глядеть в глаза товарищам, хотя те и уверяли его в один голос, что такая модель с первого раза получиться не может.

А на другой день, придя на завод, Анатолий сразу же прошел к начальнику цеха и попросил разрешения повторить изготовление модели. Начальник посмотрел на его посеревшее лицо, на круги под глазами, побарабанил по столу и, махнув рукой, сказал:

— Делай... чего там!

— Не для себя ведь, — обернувшись уже в дверях, пояснил Анатолий, — народ-то что обо мне думает. Да и расточники...

Оставаясь один в модельной, Анатолий быстрыми ударами молотка по стамеске высекал на доске профиль Нины, а потом, опасаясь, как бы кто не подсмотрел, поспешно принимался шаркать рубанком. Стружка легкими завитушками соскальзывала на пол. Профиль постепенно исчезал, доска становилась гладкой и чистой. Но образ любимой девушки продолжал оставаться перед его глазами. Она улыбалась Анатолию, и Анатолий улыбался ей. Они вели долгий разговор между собой. Впрочем, говорил Анатолий, а Нина как бы слушала и смеялась... Ее смех звучал в его ушах.

Внезапно рядом с образом Нины возникал образ юноши с непослушной прядью каштановых волос, падающей на лоб. Тогда в модельной становилось как будто темнее. Чтобы продолжать работу, приходилось сжимать зубы, гасить в себе сжигающую сердце боль. Подмывало бросить все, отказаться и от модели, и от рамок.

Бывали, однако, и благодатные часы. Анатолий забывал обо всем на свете. Работа захватывала. Глаза его загорались.

VIII

Обработка внутренних полостей модели, трудно доступных для обычного столярного инструмента, заставила Анатолия пуститься на всевозможные выдумки. Он изготовлял замысловатые скребки, загнутые с краев стамески, профилированные шаберы.

Осипов, чаще других появлявшийся у верстака Анатолия, покачивал головой:

— Эх, и до чего у тебя глаз верный, — хвалил он Анатолия.

Подходили к верстаку Анатолия модельщики и из других бригад. Все они ощупывали модель, давали советы, успокаивали.

А Осипов не успокаивал. Этот бывал до неприятности откровенным.

— А с перемычками у тебя что-то не то получается, — говорил он. — Смотри, как бы не подвели. Тонковаты. Пока до формовочной несут — отвалятся.

Уставая от работы над моделью, Анатолий принимался за рамки. Вырезая узоры, он отдыхал, отвлекался, приходил в себя. Иногда бывало и наоборот: от узоров начинало рябить в глазах, и Анатолий, откладывая рамки в сторону, брался за модель.

Но чем ближе к концу подходила работа над изготовлением новой модели, тем с большим страхом убеждался Анатолий, что она, как и первая, полна незаметных на глаз изъянов. Он их не видел, но чувствовал. И когда его спросили, чем он еще недоволен в модели, Анатолий ответил одним словом:

— Некрасивая.

— Чтоб тебя! — рассердился мастер. — Да разве тут в красоте дело? Чертежу соответствует? Соответствует. И точка.

Стояла модель на верстаке почти готовая. Гудок возвестил конец смены. Модельная опустела. Анатолий, зажав рукой подбородок, оставался у верстака и долго стоял, рассматривая причудливое сочетание кусков дерева. Все куски сделаны разными членами бригады. И вот он здесь, в руках Анатолия, собранный воедино труд небольшого дружного коллектива.

И глаз верный, и движения точны... Чего же еще не хватает? Что еще не додумано?

Анатолий, размышляя, прошелся по модельной. И тут увидел Осипова, который, нагнувшись над раскрытым верстаком, перебирал на полках инструмент.

— Чего домой не идешь? — удивился Анатолий.

— Пойду. Куда мне торопиться? Вот наведу порядок и пойду. А ты сам-то?

— Да видишь, — Анатолий указал на модель, — не могу оставить.

— М-да-а... Забота. А между прочим, я вот что скажу, — Осипов поднялся на ноги и пригладил редкие седые волосы. — Работаешь ты, работаешь, сколько моделей переделал, а ничего нового от себя не прибавил. Рыбкин тот рвется вперед, в завтрашний день заглядывает. Дело-то ваше молодое. К примеру, перемычки...

Анатолий, не сводивший глаз с модели, вздрогнул.

— Алюминий! — закричал он.

— Так я же о чем тебе и толкую, — обрадовался Осипов.

— Полукокиль...

— А справишься ли? Тоже тонкая работа. Как металлические листочки к дереву приладишь?

— Сделаю! Сделаю, чорт возьми!

С загоревшимися глазами Анатолий обхватил Осипова, поднял, встряхнул и поставил обратно на ноги.

— Но, но, — погрозил ему Осипов, — я еще старухе нужен. Нечего на мне свою силу пробовать. Ишь... вырос... А в модельную совсем замухрышкой пришел. Женишься тебе пора, парень. Вот что!

Анатолий сразу стих, потемнел. Молча начал разбирать модель.

— Алюминиевые клинышки я тебе помогу изготовить, — сказал Осипов, — а приспособлять их сам будешь.

Ночь пролетела незаметно, словно ее и не было. Будто опустилось солнце за реку да тут же поспешно поднялось над стеклянными заводскими крышами.

Анатолий убрал тонкие деревянные перегородки и ловко пристроил вместо них алюминиевые клинья. Осипов, наблюдая за его работой, только головой покачивал.

К утру все было готово. Анатолий выпрямился, отошел в сторону, чтобы лучше разглядеть модель. И сам поразился. Словно чудо произошло. Преобразились линии модели. Появилась в ней та красота, которую не мог прежде найти Анатолий.

— Будет отливка, — сказал Анатолий, — теперь-то уж непременно получится!

Модель передали в формовочную. Анатолий не отходил от нее, мешал формовщикам. А через плечо Анатолия заглядывал Осипов. Анатолий поминутно наступал ему на ноги. Осипов сердился и, хромя, продолжал как тень ходить за ним по цеху.

Отливку, еще теплую, Анатолий сам принес прямо в кабинет начальника цеха.

Михаил Александрович выскочил из-за стола.

— Ну? Как? — спросил он.

— Получилась! — почти крикнул Анатолий.

— Можно спокойно запускать серию, — подтвердил старый технолог.

IX

Рамку принесли в кабинет директора, осторожно развязали бичеву и сняли бумагу, в которую она была завернута.

— Кто делал? — спросил директор.

— Анатолий Осоков, Григорий Семенович, — ответил начальник цеха.

— А! — директор улыбнулся, — знакомая фамилия. Так и не признается в своих заслугах?

— Не признается, — засмеялся начальник цеха. — Говорит: модель вся бригада делала да Осипов многое подсказал.

— Скромничает? Ладно. Модель получилась отличная, посмотрим на рамку.

Директор, плотный и высокий, поднял рамку и повернул к свету. Начальник цеха и мастер-модельщик насторожились, напряженно наблюдая за выражением лица

директора. Всему заводу был известен его требовательный и разборчивый вкус. Он дважды забраковал проект Дворца культуры, прежде чем выбрал тот, по которому шло сейчас строительство. Директор завода сам обсуждал с архитекторами каждый узор росписи стен, каждый эскиз лепных украшений, все чертежи мебели.

Теперь он рассматривал рамку.

— Модельщик... — в раздумье произнес директор. — А вы, случаем, не купили ли ее в антикварном магазине? А? Или на рынке из уцелевшей мебели какого-нибудь золотопромышленника?

— Да ведь у нас таких еще девять штук, — засмеялся начальник цеха.

— Прекрасно! Честное слово, прекрасно!

Директор опустил рамку, прислонил ее к стене и отошел на несколько шагов назад.

— Прекрасно! — повторил он. — В работу человеческая душа вложена. Доплачивали?

— Куда там! Даже от сверхурочных отказался.

— Не модельщик это делал... Нет! Это работа художника. Не ожидал я увидеть ничего подобного. Откровенно признаюсь. Такого человека следует немедленно же направить в художественную студию.

— Что вы, Григорий Семенович! — испугался начальник цеха. — Да это же мой лучший модельщик. Если бы не он, не отлить бы нам корпуса для приспособления Рыбкина.

— Тем лучше! Пусть-ка он сегодня же зайдет ко мне.

— А между прочим, мы решили просить завком и вас, Григорий Семенович, поместить в одной из рамок в галлерее Дворца культуры портрет Осокова. Без него идея Рыбкина так и осталась бы на бумаге. Осоков — знатный человек нашего цеха.

— Согласен, — сказал директор и, еще раз взглянув на рамку, покачал головой. — Художник, самый настоящий художник. Так уж у нас теперь повелось: стоит у станка токарь, а за воротами завода он наполовину солист оперы. У доски сидит конструктор, а дома втихомолку романы пишет и уже без пяти минут писатель. Вот каков народ становится! Красоту жизни начинает постигать, красоту и величие своего труда. Тут есть о чем и петь, и стихи складывать, и романы писать, и... — директор снова повернулся к рамке, — и даже заставить дерево заговорить.

В дверь квартиры тихо постучали. Открывать пошла мать. Анатолий сидел на стуле, вдевая шнурки в туфли. Сегодня предстояло идти на открытие Дворца культуры. Торжественный вечер! Анатолий хотел увидеть свои рамки, послушать, что скажет о них народ.

Около него кто-то остановился. Анатолий поднял голову и вздрогнул. Перед ним стояла Нина. Она была такой же нарядной, как и в тот вечер, когда спешила на свидание с Рыбкиным. Эх, и до чего же она была хороша! Нестерпимо заныло в груди Анатолия. Он поспешно наклонился над туфлями, чтобы не видеть Нины.

— Здравствуй, Толя, — сказала Нина.

— Угу, — буркнул Анатолий.

— Ты идешь на открытие Дворца? Я зашла за тобой. Пойдем вместе. Хорошо?

— Никуда я не иду, — хмуро отозвался Анатолий и швырнул туфли под кровать.

— Он еще с вечера собрался, — отозвалась мать из кухни, — чудит он у нас сегодня.

Глаза Нины смеялись, губы вот-вот готовы были раскрыться в улыбке.

— Неужели из-за меня остаешься? — спросила она.

— Может быть...

— Ой, да чем же это я провинилась перед тобой, Толенька? А чтобы ты дома усидел, я ни за что не поверю! Такой праздник сегодня. Весь город на открытие Дворца съедется.

— Пусть съезжается...

— Чем же я все-таки тебя обидела?

Анатолий промолчал. Не решаясь взглянуть Нине в глаза, он принялся разминать в пальцах папиросу.

— Толя...

— Ну?

— Почему ты мне ничего не отвечаешь?

— Не понимаю, о чем ты спрашиваешь.

— Пожалуйста, не притворяйся. Не люблю, когда люди в себя замыкаются.

— Люби тех, кто не замыкается.

— Это кого же?

Нина пристально посмотрела на Анатолия. Положив руки ему на плечи, она заставила его повернуться к себе лицом.

— Знаешь ведь... Зачем спрашиваешь?

— Как странно ты говоришь, Толя.

Нина сняла руки с его плеч, нахмурилась, а потом решительно нагнулась к кровати и вытащила заброшенные под нее туфли.

— Пожалуйста, быстрее, — сказала она, поставив туфли перед Анатолием, — нас ждут.

— Кто это еще?

— Рыбкин. И твои товарищи из модельной. Почему ты на меня так смотришь? Может быть, тебе не нравится Рыбкин? Он очень хочет увидеть тебя и пожать твою руку. Я рада за тебя, Толя. Модель... Но надевай скорей туфли!

— Я же сказал, что остаюсь дома.

— Толя...

— Не маленький, можешь не уговаривать.

— У меня такое счастье! .

«Вот и конец, — подумал Анатолий, — сейчас на свадьбу пригласит».

— Я кончила техникум, диплом защитила.

— А... Поздравляю.

— Спасибо. А темой у меня было наше приспособление.

— Наше?

— Ну да. Твое, мое, Рыбкина. Или, думаешь, я здесь ни при чем? Нет уж, Рыбкин-то только идею предложил, а приспособление я проектировала. Но он помогал мне, потому что книжные расчеты сразу оказались устаревшими. Наши расточники во главе с Рыбкиным их начисто опрокинули. Мы проект сообща делали. Он потом в цех как рабочий чертеж был направлен.

— И... и это все?

— Если не считать того, что окончательную путевку в жизнь приспособлению дал ты, сделав модель.

— Я думал... я считал...

Анатолий сел на стул и начал поспешно надевать туфли. Нина смотрела на него смеющимися лукавыми глазами.

Когда же он был совсем готов, она протянула ему руку. Анатолий надолго задержал ее в своей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
«Сильнее смерти. Повесть	3
«Ответственный представитель. Повесть	71
Торцовый ключ. Повесть	119
Морозный рейс. Рассказ	167
«Крутой поворот. Рассказ	187
«Модельщик Осоков. Рассказ	203

КОНТРОЛЕР №

при обнаружении недостатков книгу просим вернуть для обмена по адресу: г. Молотов, Коммунистическая, корпус 3, типография № 8

1

Редактор — *Н. Н. Арбенева.*
Тех. редактор — *А. В. Селютина.*
Корректор — *Г. В. Семченко.*

Подписано к печати 19 ноября 1951 г.
Формат 84×108. Объем 14,25 печ. л., авт. 12,25 л., уч.-изд. 12,5.
ЛБ27157 Тираж 10 000 экз. Цена 6 руб. 75 коп. Зак. 773.

8-я типография Росполиграфпрома при Совете Министров РСФСР.
г. Молотов, ул. Коммунистическая, 57.

в руб. 75 коп.

МОЛОТОВГИЗ — 1951

БОРИС ФРАДКИН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ**

Борис Фрадкин — ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ